

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Публицистика. Лев Николаевич Толстой

25 мая 1889

Нельзя медлить и откладывать. Нечего бояться, нечего обдумывать, как и что сказать. Жизнь не дожидается. Жизнь моя уже на исходе и всякую минуту может оборваться. А если могу я чем послужить людям, если могу чем загладить все мои грехи, всю мою праздную, похотливую жизнь, то только тем, чтобы сказать людям братьям то, что мне дано понять яснее других людей, то, что вот уже 10 лет мучает меня и раздирает мне сердце.

Не мне одному, но всем людям ясно и понятно, что жизнь людская идет не так, как она должна идти, что люди мучают себя и других. Всякий человек знает, что для его блага, для блага всех людей нужно любить ближнего не меньше себя, и если не можешь делать ему того, что себе хочешь, не делать ему, чего себе не хочешь; и учение веры всех народов, и разум, и совесть говорят то же всякому человеку. Смерть плотская, которая стоит перед каждым из нас, напоминает нам, что не дано нам вкушать плода ни от какого из дел наших, что смерть всякую минуту может оборвать нашу жизнь, и потому одно, что мы можем делать, и что может дать нам радость и спокойствие, это то, чтобы всякую минуту, всегда делать то, что велит нам наш разум и наша совесть, если мы не верим откровению, и откровение Христа, если мы верим ему, то есть, если уж мы не можем делать ближнему того, что нам хочется, не делать ему, по крайней мере, того, чего мы себе не хотим. --! И как давно, и как всем одинаково известно это, и несмотря на то не делают люди другим, чего себе желают, а убивают, грабят, обворовывают, мучат друг друга люди и вместо того, чтобы жить в любви, радости и спокойствии, живут в мучениях, горести, страхе и злобе. И везде одно и то же: люди страдают, мучаются, стараясь не видеть той безумной жизни, стараются забыться, заглушить свои страдания и не могут, и с каждым годом все больше и больше людей сходит с ума и убивает себя, не будучи в силах переносить жизнь, противную всему существу человеческому.

Но, может быть, такова и должна быть жизнь людей. Так, как живут теперь люди с своими императорами, королями и правительствами, с своими палатами, парламентами, с своими миллионами солдат, ружей и пушек, всякую минуту готовых наброситься друг на друга. Может быть, так и должны жить люди с своими фабриками и заводами ненужных или вредных вещей, на которых, работая 10, 12, 15 часов в сутки, гибнут миллионы людей, мужчин, женщин и детей, превращенных в машин. Может быть, так и должно быть, чтобы все больше и больше пустели деревни и наполнялись людьми города с их трактирами, борделями, ночлежными домами, больницами и воспитательными домами. Может быть, так и должно быть, чтобы все меньше и меньше становилось честных браков, а все больше и больше проституток и женщин, в утробе убивающих плод. Может быть, так и должно быть, чтобы сотни и сотни тысяч людей сидели по тюрьмам, в общих или одиночных камерах, губя свои души. Может быть, так и надо, чтобы та вера Христа, которая учит смирению, терпению, перенесению обид, деланию ближнему того, чего себе хочешь, любви к нему, любви к врагам, совокуплению всех воедино, может быть, так и нужно, чтоб вера Христа, учащая этому, передавалась бы людям учителями разных сотен враждующих между собою сект в виде учения нелепых и безнравственных басен о сотворении мира и человека, о наказании и искуплении его Христом, об установлении таких или таких таинств и обрядов. Может быть, что все это так нужно и свойственно людям, как свойственно муравьям жить в муравейниках, пчелам в ульях, и тем и другим воевать и работать для исполнения закона своей жизни. Может быть, это самое нужно людям, таков их закон. И может, требование разума и совести о другой, любовной и блаженной жизни, -- может быть, это треб! ование мечта и обман, и не надо и нельзя думать о том, что люди могут жить иначе. Так и говорят некоторые. Но сердце человеческое не верит этому; и как всегда, оно громко вопияло против ложной жизни, призывало людей к той жизни, которую требуют откровение, разум и совесть, так еще сильнее, сильнее, чем когда-нибудь, оно вопиет в наше время.

Прошли века, тысячелетия -- вечность времени, и нас не было. И вдруг мы живем, радуемся, думаем, любим. -- Мы живем, и срок этой жизни нашей по Давиду, 70 крошечных лет, пройдут они, и мы исчезнем, и этот 70-летний предел закроет опять вечность времени, и нас не будет такими, какими мы теперь, уж никогда. И вот, нам дано прожить эти в лучшем случае 70 лет, а то, может быть, только часы даже,

прожить или в тоске и злобе или в радости и любви, прожить их с сознанием того, что все то, что мы делаем, не то и не так, или с сознанием того, что мы сделали, хотя и несовершенно и слабо, но то, именно то, что должно и можно было сделать в этой жизни.

"Одумайтесь, Одумайтесь, Одумайтесь!" -- кричал еще Иоанн Креститель; "одумайтесь", провозглашал Христос; "одумайтесь", провозглашает голос Бога, голос совести и разума. Прежде всего остановимся каждый в своей работе или своей забаве, остановимся и подумаем о том, что мы делаем. Делаем ли то, что должно, или так, даром, ни за что прожигаем ту жизнь, которая среди двух вечностей смерти дана нам.

Знаю я, что со всех сторон на тебя налегают люди и не дают тебе минута покоя, и что тебе, как лошади на колесе, кажется, что тебе никак нельзя остановиться, хотя и колесо, движущееся под тобой, разогнано самим тобою; знаю я, что сотни голосов закричат на тебя, как только ты попытаешься остановиться, чтобы одуматься.

-- "Некогда думать и рассуждать, надо делать", -- закричит один голос.

-- "Не следует рассуждать о себе и своих желаниях, когда дело, к которому ты служишь, есть дело общее, дело семьи, дело торговли, искусства, науки, государства, Ты должен служить общему", закричит другой голос.

-- "Все это уже пробовано обдумывать, и никто ничего не обдумал, живи, вот и все", -- закричит третий голос.-- "Думай или не думай, все будет одно: поживешь недолго и умрешь; и потому живи в свое удовольствие". -- "Не думай! Если станешь думать, увидишь, что эта жизнь хуже, чем не жизнь, и убьешь себя. Живи как попало, но не думай", закричит четвертый голос.

Как в сказке рассказывают, что когда уже в виду искателя клада было то, что он искал, тысяча страшных и соблазнительных голосов закричали вокруг него, чтобы помешать ему взять то, что давало ему счастье. Так и голоса слуг мира сбивают искателя истины, когда он уже в виду ее. Не слушай этих голосов. И в ответ на все, что они могут сказать тебе, скажи себе одно: Позади своей жизни я вижу бесконечность времени, в котором меня не было. Впереди меня такая же бесконечная тьма, в которую вот-вот придет смерть и погрузит меня. Теперь я в жизни и могу -- знаю, что могу -- могу закрыть глаза и, не видя ничего, попасть в самую злую и мучительную жизнь, и могу не только открыть глаза, смотреть, но могу видеть и оглядывать все вокруг себя и избрать самую лучшую и радостную жизнь. И потому, что бы мне ни говорили голоса, и как бы ни тянули меня соблазны, как бы ни тянула меня уже начатая мною, и как бы ни поощряла меня текущая вокруг ! меня жизнь, я остановлюсь, оглянусь вокруг себя и одумаюсь.

И стоит человеку сказать себе это, как он увидит, что не он один одумывается а что и прежде его, и при нем много и много людей так же, как он, одумывались и избирали тот лучший путь жизни, который один дает благо и ведет к нему.

Лев Толстой. ПО ПОВОДУ КОНГРЕССА О МИРЕ

Письмо к шведам

Милостивые государи!

Мысль, высказанная в прекрасном письме вашем о том, что всеобщее разоружение может быть достигнуто самым легким и верным путем посредством отказа отдельных лиц от участия в военной службе, -- совершенно справедлива. Я даже думаю, что это единственный путь избавления людей от все усиливающихся и усиливающихся ужасных бедствий военщины. Мысль же ваша о том, что вопрос о замене воинской повинности для лиц, отказывающихся от исполнения ее, общественными работами, может быть рассматриваема на имеющей, по предложению царя, собраться

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
конференции, мне кажется совершенно ошибочной, -- уже по одному тому, что самая конференция не может быть не чем иным, как одним из тех лицемерных учреждений, которые имеют целью не достижение мира, но, напротив, скрывание от людей того единственного средства достижения всеобщего мира, которое уже начинают видеть передовые люди! и.

Конференция, говорят, будет иметь целью если не разоружение, то прекращение увеличения вооружений. Предполагается, что на этой конференции представители правительств условятся о том, чтобы не увеличивать больше своих вооружений. Если это так, то невольно представляется вопрос, как будут поступать правительства тех государств которые во время сбора конференции случайно слабее, чем их соседи? Едва ли такие правительства согласятся и в будущем оставаться в таком же более слабом, чем их соседи, положении. Если же они согласятся оставаться в таком более слабом положении, твердо веря в силу постановлений конференции, то им можно быть и еще слабее и вовсе не тратиться на войско.

Если же дело конференции будет состоять в том, чтобы уравнивать военные силы государств и на этом остановиться, то если бы даже и могло быть достигнуто такое невозможное уравнение, невольно возникает вопрос: почему правительства должны остановиться на таком вооружении, которое существует теперь, а не на более низком. Почему нужно, чтобы у Германии, Франции, России, скажем примерно, было по миллиону солдат а не по 500 тысяч, не по 10 тысяч, не по одной тысяче солдат. Если можно уменьшить, то почему не уменьшить до минимума, и, наконец, почему бы не выставить вместо войск --борцов: Давида и Голиафа, и решать международные дела, смотря по тому, кто поборет?

Говорят: конфликты правительств будут решаться третейским судом. Но, --не говоря уже о том, что решать дело будут не представители народа, а представители правительств, и потому нет никакого ручательства о том, что решения эти будут правильны, -- кто же будет приводить в исполнение решения этого суда? -- Войска. -- Чьи войска?--Всех держав. -- Но ведь сила этих держав не равная. Кто, например, приведет на континенте в исполнение решение, которое, предположим, будет невыгодно для Германии, России или Франции, соединенных в союз; или кто приведет на море -- решение, противное интересам Англии, Америки, Франции? Решения третейского суда против военного насилия государств будут приводиться в исполнение военным насилием, т.е. то самое, что нужно ограничить, будет средством ограничения. Чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвост.

Я помню, во время осады Севастополя, я сидел раз у адъютантов Сакена, начальника гарнизона, когда в приемную пришел князь С.С.Урусов, очень храбрый офицер, большой чудака и вместе с тем один из лучших европейских шахматных игроков того времени. Он сказал, что имеет дело до генерала. Адъютант повел его в кабинет генерала. Через десять минут Урусов прошел мимо нас с недовольным лицом. Провожавший его адъютант вернулся к нам и, смеясь, рассказал, по какому делу Урусов приходил к Сакену. Он приходил к Сакену затем, чтобы предложить вызов англичанам сыграть партию в шахматы на передовую траншею перед 5-м бастионом, несколько раз переходившую из рук в руки и стоившую уже несколько сот жизней.

Несомненно, что было бы гораздо лучше сыграть на траншею в шахматы, чем убивать людей. Но Сакен не согласился на предложение Урусова, понимая очень хорошо, что сыграть в шахматы на траншею можно было бы только тогда, когда бы было полное взаимное доверие сторон в исполнении постановленного условия. Присутствие же войск, стоявших перед траншеей, и пушек, направленных на нее, показывало, что доверия этого не существует. Пока были войска с той и другой стороны, -- было ясно, что дело, решится не шахматами, а штыками. Точно тоже и с международными вопросами. Для того, чтобы они могли быть решены третейским судом, нужно, чтобы было полное взаимное доверие держав о том, что они исполнят решение суда. Если есть это доверие, то не нужно совсем войск. Если же есть войска, то ясно, что нет этого доверия, и международные вопросы не могут решаться не чем иным, как! только силою войск. Пока есть войска, то они нужны для того, чтобы не только вновь приобретать, как это теперь делают все государства -- кто в Азии, кто в Африке, кто в Европе, --но и для того, чтобы удержать силою то, что приобретено силою. А приобретать и удерживать силою можно, только побеждая. Побеждают же всегда только *gros bataillons*. И потому, если правительство имеет войско, то оно должно иметь его как можно больше. И в этом состоит его обязанность. Если правительство не делает этого, то оно не нужно. Правительство может делать очень многое во внутреннем управлении: может освобождать, просвещать, обогащать народ, строить дороги, каналы, колонизировать пустыни, устраивать общественные работы,

но одного не может делать, именно того, для чего собирается конференция, т.е. уменьшать свои военные силы.

Если же цель конференции, как это видно из последних разъяснений, будет состоять в том, чтобы изъять из употребления представляющиеся людям особенно жестокими орудия истребления (почему бы в том числе и прежде всего не постараться изъять заодно и перехватывание писем, подмену телеграмм, и шпионство, и все те ужасающие подлости, которые составляют необходимое условие военной обороны?), -- то такое запрещение пользоваться для борьбы всеми теми средствами, которые есть, совершенно так же возможно, как запрещение людям, которые дерутся за свою жизнь, касаться в драке наиболее чувствительных частей тела. И почему рана и смерть от разрывной пули хуже, чем рана в очень болезненное место от самой простой пули или осколка, от которых страдания доходят до последней степени и наступает та же самая смерть, как и от какого бы то ни было орудия?

Поразительно, как могут взрослые и душевно здоровые люди серьезно высказывать такие странные мысли.

Положим, дипломаты, посвящающие свою жизнь лжи, так привыкли к этому пороку и постоянно живут и действуют в такой густой атмосфере лжи, что им самим незаметна вся бессмысленность и лживость их предложений; но как могут частные люди, -- честные частные, не те, которые для того, чтобы подделаться к царю, восхваляют его смешное предложение, -- как могут честные частные люди не видеть того, что результатом этой конференции не может быть ничего другого, как только закрепление того обмана, в котором правительства держат своих подданных, как это было при священном союзе Александра 1-го?

Конференция будет иметь целью не установление мира, а сокрытие от людей единственного средства освобождения их от бедствий войны, состоящее в отказе отдельных лиц от участия в военном убийстве, и потому конференция никак не может принять на обсуждение этого вопроса.

С отказывающимися по своим убеждениям от воинской повинности всякое правительство всегда поступит так же, как поступило русское правительство с духоборами. В то самое время, когда оно публиковало на весь мир свои будто бы миролюбивые намерения, оно, стараясь скрыть это от всех, мучило, разоряло и изгоняло самых миролюбивых людей России только за то, что они были миролюбивы не на словах, а на деле и потому отказывались от военной службы. Точно так же, хотя и менее грубо, поступали и поступают все европейские правительства в случаях отказов от воинской повинности. Так поступало и поступает австрийское, прусское, французское, шведское, швейцарское, голландское правительства и не могут поступать иначе.

Они не могут поступать иначе потому, что, управляя своими подданными силою, которую составляет дисциплинированное войско, они никак не могут предоставить уменьшение этой силы и, следовательно, своей власти случайным настроениям частных лиц, тем более, что, по всем вероятностям, как только была бы допущена для всех замена военной службы -- рабочей, то огромное большинство людей (никто не любит умирать и быть убитым) предпочло бы работу военной службе, и очень скоро набралось бы столько рабочих и так мало осталось бы военных, что некому было бы заставить работать рабочих.

Запутавшиеся в своем многословии либералы, социалисты и другие, так называемые передовые деятели, могут воображать, что их речи в палатах и собраниях, их союзы, стачки, брошюры суть явления очень важные, но что отказы отдельных лиц от военной службы суть ничтожные, на которые не стоит обращать внимания; но правительства знают очень хорошо, что для них важно и что не важно, и правительства охотно допускают всякие либеральные и радикальные речи в рейхстагах, и союзы рабочих, и социалистические демонстрации, и даже сами делают вид, что сочувствуют этому, зная, что эти явления очень полезны для них, отвлекая внимание народов от главного и единственного средства освобождения; но никогда открыто не допустят отказов от военной службы или отказов от податей для военной службы (это одно и то же), потому что знают, что такие отказы, обнажая обман правительства, под корень подрывают власть их.

До тех пор, пока правительства будут управлять своими народами силою и будут желать, как теперь, приобретать новые владения (Филиппины, Порт-Артур и т.п.) и удерживать приобретенные (Польшу, Эльзас, Индию, Алжир и т.п.), до тех пор они

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
сами не только никогда не уменьшат войска, но, напротив, будут постоянно увеличивать их.

На днях было известие о том, что американский полк отказался идти в Ило-Ило. Известие это передается как нечто удивительное. А между тем удивляться можно только тому, как такие явления не повторяются постоянно: каким образом могли все те русские, немецкие, французские, итальянские, американские люди, воевавшие в последнее время, по воле чуждых и, большей частью, не уважаемых ими людей, идти убивать людей другого народа и самим подвергаться страданиям и смерти?

Казалось бы, так ясно и естественно всем этим людям опомниться, если еще не в то время, когда их вербовали в солдаты, то хоть в последнюю минуту, когда их ведут на неприятеля: остановиться, бросить ружья и закричать противникам, чтобы и они сделали то же.

Казалось бы, это так просто, естественно, что все должны бы поступать так. Но если люди не поступают так, то происходит это только оттого, что люди верят правительствам, уверяющим их, что все те тяжести, которые несут люди для войны, накладываются на них для их же блага. Все правительства с поразительной наглостью всегда уверяли и уверяют, что все те военные приготовления и даже самые войны, которые они ведут, нужны для мира. Теперь в этой области лицемерия и обмана делается еще новый шаг, состоящий в том, что те самые правительства, для существования которых необходимы войска и войны, делают вид, что они озабочены изысканием мер для сокращения войск и уничтожения войн. Правительства хотят уверить народы, что отдельным людям нечего заботиться об избавлении себя от войны; сами правительства на своих конференциях устроят так, что сначала уменьшатся, а потом и совсем уничтожатся войска. Но это ! ash неправда.

Уменьшиться и уничтожиться войска могут только против воли и никак не по воле правительства. Уменьшатся и уничтожатся войска только тогда, когда люди перестанут доверять правительствам и будут сами искать спасения от удручающих их бедствий и будут искать этого спасения не в сложных и утонченных комбинациях дипломатов, а в простом исполнении обязательного для каждого человека, написанного и во всех религиозных учениях и в сердце каждого человека, закона о том, чтобы не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, тем более не убивать своего ближнего.

Уменьшатся, а потом и уничтожатся войска только тогда, когда общественное мнение будет клеймить позором людей, продающих из-за страха или выгоды свою свободу и становящихся в ряды убийц, называемых войском; а людей -- теперь неизвестных и даже осуждаемых, -- которые, несмотря на все гонения и страдания, переносимые ими за это, отказываются, отдав свою свободу в руки других людей, Стать опять орудиями убийства, -- будет выставять тем, что они есть: передовыми борцами и благодетелями человечества.

Только тогда сначала уменьшатся, а потом совсем уничтожатся войска, и наступит новая эра в жизни человечества.

И время это близко.

И вот почему я думаю, что мысль ваша о том, что отказы от воинской повинности суть явления огромной важности и что они освободят человечество от бедствий войны, -- совершенно справедлива; мысль же ваша, что этому может содействовать конференция, -- совершенно ошибочна. Конференция может только отвести глаза народа от единственного средства спасения и освобождения.

Москва. Январь 1899 г.

Лев Толстой. О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

В России существуют миссионеры, обязанность которых состоит в обращении к православию всех неправославных.

В конце 1901 года собрался в городе Орле съезд таких миссионеров -- и в конце этого съезда губернский предводитель дворянства г. Стахович произнес речь, в которой он предлагал съезду признать полную свободу совести, подразумевая, как он выразился, под этими словами не только свободу верования, но и свободу исповедания, включающую в себя свободу отпадения от православия и даже совращения в несогласные с православием вероисповедания. Г. Стахович полагал, что такая свобода может только содействовать торжеству и распространению православия, которого он признавал себя верующим исповедником.

Члены съезда не согласились с предложением г. Стаховича и не стали обсуждать его. Впоследствии же начался оживленный обмен мнений и спор о том, должна или не должна христианская церковь быть веротерпима: одни -- большинство православных, как духовных, так и мирских, -- в газетах и журналах были против веротерпимости и признали по тем или другим причинам невозможность прекращения гонений против отпадающих членов церкви. Другие же -- меньшинство -- соглашались с мнением Стаховича, одобряли его и доказывали желательность и даже необходимость для самой церкви признания свободы совести.

Несогласные с предложением г. Стаховича говорили, что церковь, дающая людям вечное благо, не может не употреблять все зависящие от нее средства для того, чтобы спасти своих малосмысленных членов от вечной гибели, и что одно из таких средств есть поставляемые властью преграды против отпадения от истинной церкви и совращения ее членов. Главное же, говорили они, церковь, получившая от Бога власть вязать и решать, всегда знает, что она делает, когда употребляет насилие против своих врагов. Рассуждения же мирских людей о правильности и неправильности ее мероприятий только показывают заблуждения мирских людей, позволяющих себе осуждать действия непогрешимой церкви. Так говорили и говорят противники веротерпимости.

Сторонники же ее утверждают, что несправедливо силою препятствовать исповеданию вер, несогласных с православием, что употребляемое сторонниками неверотерпимости подразделение между верованием и внешним исповеданием не имеет основания, так как всякое верование неизбежно проявляется в внешних действиях.

Кроме того, говорили они, для истинной церкви, имеющей во главе своей Христа и обещание его, что никто не одолеет его церкви, не может быть никакой опасности от проповедания лжи малым числом еретиков или отступников, тем более, что самые гонения не достигают цели, так как мученичество только ослабляет нравственный авторитет гонящей церкви и увеличивает силу гонимых.

II

Сторонники веротерпимости говорят, что церковь ни в каком случае не должна употреблять насилия против несогласных с нею членов и исповедников других вер. Церковь не должна употреблять насилия! Но тут невольно возникает вопрос: как может церковь употреблять насилие?

Церковь христианская, по тому определению, которое она сама дает себе, есть от Бога установленное общество людей, имеющее целью передавать людям спасающую их в этом веке и в будущем истинную веру.

Каким же образом может такое общество людей, имеющих своим орудием благодать и проповедь, желать и в действительности совершать насилия над людьми, не принимающими ее верований?

Советовать церкви не преследовать людей, отпадающих от нее или совращающих ее членов, все равно, что советовать академии ученых не совершать гонений, казней, ссылок и т.п. над людьми, не соглашающимися с ее мнениями. Академия ученых не может хотеть этого, а если бы и хотела, то не может делать этого, так как не имеет для этого орудий. То же и с церковью. Христианская церковь, по самому своему определению, не может хотеть употреблять насилия против несогласных с нею, а если бы и хотела, то не может этого делать, не имея для этого орудий.

Что же такое означают те гонения, которые со времен Константина совершались

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
христианскую церковь, продолжают до сих пор, и оставить которые советуют
церкви сторонники веротерпимости?

III

Г-н Стахович, цитируя в своей речи слова Гизо о необходимости свободы совести для христианской религии, приводит вслед за этими хорошими и ясными словами Гизо нехорошие и путанные слова Аксакова, который подставляет понятие церкви под понятие христианской религии и, сделав эту подставку, пытается доказать возможность и необходимость веротерпимости для христианской церкви. Но христианская религия и христианская церковь не есть одно и то же, и мы не имеем никакого права предполагать, что то, что свойственно христианской религии, свойственно и христианской церкви.

Христианская религия есть то высшее сознание человека своего отношения к Богу, до которого, восходя от низшей к высшей ступени религиозного сознания, достигло человечество. И потому христианская религия и все люди, исповедующие истинную христианскую религию, зная, что они дошли до известной степени ясности и высоты религиозного сознания только благодаря непрестанному движению человечества от мрака к свету, не могут не быть веротерпимы. Признавая себя в обладании только известной степени истины, которая все более и более уясняется и возвышается общими усилиями человечества, они, встречая новые для них, несогласные со своими, верования, не только не осуждают и не отбрасывают их, но радостно приветствуют, изучают, вновь проверяют по ним свои верования, откидывают то, что несогласно с разумом, принимают то, что уясняет и возвышает исповедуемую ими истину, и ! еще более утверждают в том, что одинаково во всех верованиях.

Таково свойство христианской религии вообще, и так поступают люди, исповедующие христианство.

Но не то с церковью. Церковь, признавая себя единственной хранительницей полной, божеской, вечной, неизменной на все времена, открытой людям самим Богом истины, не может не смотреть на всякое -- иначе, чем как в ее догматах выраженное, -- религиозное учение, как на лживое, злобное (или даже злонамеренное, когда оно исходит от знающих положения церкви), --учение, влекущее людей в вечную погибель. И потому, по самому определению своему, церковь не может быть веротерпима и не употреблять против всех исповедников и проповедников несогласных с собою вероучений всех тех средств, которые она считает согласными с своим учением.

Так что христианская религия и христианская церковь суть понятия совершенно различные. Правда, всякая церковь утверждает, что она есть единственная представительница христианства, но христианская религия, т.е. исповедники свободной христианской религии, никак не признают того, чтобы церковь была представительницей христианства. Исповедники христианской религии даже и не могли бы этого сделать, так как церковей много, и каждая считает себя единственной носительницей всей божеской истинны.

Вот это--то смешение двух различных понятий, постоянно для различных целей употребляемое церковниками, и делает то, что все рассуждения их о желательности веротерпимости для церкви, страдают общей им всем неясностью, напыщенностью, недосказанностью и потому полной неубедительностью.

Таковы все рассуждения об этом у нас в России Хомяковых, Самариных, Аксаковых и др., и тем же страдает речь г-на Стаховича. Все это есть не только пустая, но и вредная болтовня, напускающая вновь ладанного дыма в глаза тем, которые начинают освобождаться от обмана.

IV

Так что на вопрос о том, каким образом церковь, определяющая себя обществом людей, имеющих целью проповедание истины, и не имеющая и не могущая иметь никаких орудий насилия, может, однако, употреблять насилие против несогласных с нею вероучений, -- только один тот ответ, что учреждение, называющая себя христианской церковью, не есть христианское учреждение, а мирское учреждение, несогласное с христианством и скорее враждебное ему.

Когда мне в первый раз пришла эта мысль, я не поверил ей, так как твердо с детства внушено всем нам благоговение к святости церкви. Я думал сначала, что

это парадокс и что в таком определении церкви есть какая-нибудь ошибка. Но чем дальше с разных сторон я рассматривал этот вопрос, тем несомненное становилось мне, что определение церкви учреждением не христианским, но враждебным христианству, есть определение совершенно точное и такое, без которого невозможно объяснить себе все те противоречия, которые заключены в прошедшей и настоящей деятельности церкви.

В самом деле, что такое церковь? Исповедники церкви говорят, что это есть установленное Христом общество, которому вручено исключительное хранение и проповедание несомненной божеской истины, засвидетельствованной сошествием на членов церкви святого духа, и что это свидетельство святого духа передается от поколения к поколению рукоположением, установленным Христом. Но стоит только внимательно рассмотреть те данные, которыми это доказывается, для того, чтобы убедиться, что все эти утверждения совершенно произвольны. Те два текста того писания, которое церковью считается священным, на которых опираются доказательства установления церкви самим Христом, не имеют совершенно того значения, которое приписывается им, и ни в каком случае не могут означать установления церкви, так как самое понятие церкви во время написания Евангелий, а тем более во время Христа, вовсе не существовало. Третий же текст, на котором основывают исключительное право церкви преподавать божескую истину, ! заключительные стихи Евангелий Марка и Матфея, всеми исследователями Священного писания признаются подложным. Еще менее может быть доказано то, что сошествие языков огненных, сошедших на головы учеников и виденное только учениками, означает то, что все, что сказано будет не только этими учениками, но и всеми теми, на кого эти ученики наложат руки, будет сказано Богом, т.е. святым духом, и потому всегда несомненно истинно.

Главное же то, что если бы все это и было доказано (что совершенно невозможно), то нет никакой возможности доказать того, что этот дар непогрешимости живет именно в той церкви, которая утверждает это про себя. Затруднение главное и неразрешимое в том, что церковь не одна и что каждая церковь утверждает про себя, что она одна в истине, а другие все во лжи. Так что собственно утверждение всякой церкви о том, что она одна в истине, имеет ровно столько же веса, как и утверждение всякого человека, говорящего: "Ей-Богу, я прав, а не правы все несогласные со мною".

"Ей-Богу, мы одни составляем истинную церковь" -- в этом и только в этом заключаются все доказательства непогрешимости всякой церкви. Такая основа, и очень шаткая, и лживая, имеет еще тот недостаток, что, исключая всякую поверку всего того, что проповедует признающая себя непогрешимой церковь, она открывает безграничное поле всяких самых странных фантазий, выдаваемых за истину. Когда же неразумные и фантастические утверждения выдаются за истину, то, естественно, являются люди, протестующие против таких утверждений. Для принуждения же людей верить в неразумные и фантастические утверждения есть только одно средство -- насилие.

Весь Никейский символ есть сплетение неразумных и фантастических утверждений, которые могли возникнуть только у людей, признающих себя непогрешимыми, и могли распространяться только насилием.

Бог-отец родил прежде всякого времени сына-Бога, от которого произошло все. Сын этот послан в мир для спасения людей и там вновь родился от девы и распят, и воскрес, и вознесся на небеса, где и сидит одесную отца. В конце же мира сын этот опять придет судить живых и мертвых, -- и все это есть несомненная, открытая самим Богом истина.

Если мы в 20-м веке не можем принять все эти, противные и здравому смыслу, и человеческому знанию, догматы, то и во времена Никейского символа люди не были лишены здравого смысла и не могли соглашаться со всеми этими странными догматами и выражали свое с ними несогласие.

Церковь же, считая себя одну в обладании полной истинны, не могла допускать этого и, естественно, употребляла самое быстро действующее против этого несогласия и его распространения средство -- насилие. Церковь, соединенная с властью, всегда употребляла насилие, -- скрытое насилие, -- но тем не менее самое определенное и действительное: она собирала подати со всех насильно, не справляясь с их согласием или несогласием с государственным верованием, но требовала от них исповедания его.

Собрав насилием деньги, она этим путем устраивала сильнейшую гипнотизацию для утверждения только своей веры среди детей и взрослых. Если же этого средства не доставало, она употребляла прямое насилие власти. Так что в церкви, поддерживаемой государством, не может быть никакой речи о веротерпимости. И это не может быть иначе до тех пор, пока церкви будут церквями.

Скажут: церкви вроде квакеров, веслеянцев, шекеров, мормонов и, в особенности, теперь католической конгрегации -- без насилия власти собирают деньги с своих членов и потому, поддерживая свои церкви, не употребляют насилия. Но это несправедливо: те деньги, которые собраны богатыми людьми, а, в особенности, католическими конгрегациями в продолжение веков гипнотизации посредством денег, не суть свободные жертвы членов церкви, -- а результат самого грубого насилия. Деньги собираются посредством насилия и всегда суть орудия насилия. Для того, чтобы церковь могла считать себя веротерпимой, -- она должна быть свободна от всяких денежных влияний. "Даром получили, -- даром и давайте".

V

В сущности же, церковь и не имеет орудий насилия. Насилие, если употребляется, то употребляется не самой церковью, а властью, с которой оно соединено, и потому является вопрос: для чего правительство и правящие классы соединяются в церковь и поддерживают ее? Казалось бы, верования, проповедуемые церквями, должны быть безразличны для правительств и правящих классов. Казалось бы, правительствам и правящим классам должно бы быть совершенно все равно, во что веруют управляемые ими народы: реформаты ли, католики, православные ли, магометане ли они. Но это не так.

Во всякое время религиозные верования соответствуют общественному устройству, т.е. общественное устройство слагается по религиозным верованиям. И потому, каковы религиозные верования народа, таково и его общественное устройство. Это знают правительства и правящие классы и потому всегда поддерживают то религиозное учение, которое соответствует их выгодному положению. Правительства и правящие классы знают, что истинная христианская религия отрицает власть, основанную на насилии, отрицает различие сословий, накопление богатств, казни, войны, -- все то, вследствие чего правительства и правящие классы занимают свое выгодное положение, и потому считают необходимым поддерживать ту веру, которая оправдывает их положение. А извращенное церквями христианство делает это, представляя ту выгоду, что, извратив истинное христианство, скрывает от людей доступ к нему.

Правительства и правящие классы не могли бы существовать без этого извращения христианства, которое называется церковной верой. Церковь с своей ложью не могла бы существовать без прямого или косвенного насилия правительств и правящих классов. В одних государствах это насилие проявляется гонениями, в других -- исключительным покровительством богатых классов, владеющих богатством. Владение же богатством обуславливается только насилием. И потому церковь, и правительство, и правящие классы взаимно поддерживают друг друга. Так что противники веротерпимости совершенно правы, отстаивая право насилия и гонений для церкви, на котором держится ее существование. Сторонники же веротерпимости были бы правы только тогда, когда бы обращались не к церкви, а к государству и требовали того, что неправильно называется отделением церкви от государства, ! но что, в сущности, есть только прекращение исключительной правительственной поддержки прямым насилием или косвенным -- субсидированием одного какого-либо верования.

Требовать же от церкви, чтобы она отказалась от насилия в какой бы то ни было форме -- это все равно, что требовать от осажденного со всех сторон врага, чтобы он сложил оружие и отдался в руки нападающих.

Веротерпимым может быть только истинное, свободное христианство, не связанное ни с какими мирскими учреждениями и потому ничего и никого не боящееся и имеющее целью только все большее и большее познание божеской истины и большее и большее осуществление ее в жизни.

28 декабря 1901 г.

Лев Толстой. ПАТРИОТИЗМ ИЛИ МИР?

Милостивый государь,

Вы пишете мне о том, чтобы я высказался по случаю Северо-Американских Штатов с Англией "в интересах христианской последовательности и истинного мира", и выражаете надежду, "что народы скоро проснутся к единственному средству обеспечить международный мир".

Я питаю ту же надежду. Питаю эту надежду потому, что ослепление, в котором в наше время находятся народы, восхваляющие патриотизм, воспитывающие свои молодые поколения в суеверии патриотизма и, между тем, не желающие неизбежных последствий патриотизма--войны, дошло, как мне кажется, до той последней степени, при которой достаточно самого простого, просящегося на язык каждого непредубежденного человека, рассуждения, для того, чтобы люди увидели то вопиющее противоречие, в котором они находятся.

Часто, когда спрашиваешь у детей, что они выбирают из двух несовместимых вещей, но которых им обеих очень хочется, они отвечают: и того и другого. Что хочешь: ехать кататься или дома играть? И ехать кататься и дома играть.

Точно так же отвечают нам христианские народы на поставленный им жизнью вопрос: что они выбирают из двух: патриотизм или мир? Они отвечают: и патриотизм и мир, хотя соединить патриотизм и мир так же невозможно, как в одно и то же время ехать кататься и оставаться дома.

На днях между Северо-Американскими Штатами и Англией произошло столкновение из-за границ Венецуэлы. Сольсбери на что-то не согласился, Кливленд написал послание в сенат, с обеих сторон раздались патриотические, воинственные возгласы, на бирже произошла паника, люди потеряли миллионы фунтов и долларов, Эдиссон объявил, что он выдумает такие снаряды, которыми можно будет в час убивать больше людей, чем убил Аттила во все свои войны, и оба народа стали энергически готовиться к войне. Но оттого ли, что одновременно с этими приготовлениями к войне как в Англии, так и в Америке разные литераторы, принцы и государственные люди стали увещевать правительства обоих народов о том, чтобы они воздержались от войны, что предмет раздора недостаточно важен для того, чтобы начинать войну, в особенности между двумя родственными, говорящими на одном языке, англо-саксонскими народами, которые должны не воевать между собою, а спокойно! властвовать над другими. Или оттого, что об этом молились и читали проповеди в своих церквах всякого рода епископы и архидьяконы, каноники, или оттого, что та и другая сторона не считали себя еще готовыми, но случилось так, что войны на этот раз не будет. И люди успокоились.

Но ведь надо иметь слишком мало perspicacite (проницательности) для того, чтобы не видеть того, что причины, которые привели теперь к столкновению между Англией и Америкой, остались те же, и что если теперешнее столкновение и разрешится без войны, то неизбежно завтра, послезавтра явятся другие столкновения между Англией и Америкой, и Англией и Германией, и Англией и Россией, и Англией и Турцией во всех возможных перемещениях, как они и возникают ежедневно, и какое-нибудь из них неизбежно приведет к войне.

Ведь если живут рядом два вооруженные человека, которым с детства внушено, что могущество, богатство и слава суть высшие добродетели и что потому приобретать могущество, богатство и славу оружием в ущерб другим соседним владельцам есть самое похвальное дело, и если при этом над этими людьми не стоит никакого ни нравственного, ни религиозного, ни государственного ограничения, то разве не очевидно, что такие люди будут всегда воевать, что нормальное отношение их между собой будет война и что если такие люди, сцепившись, разошлись на время, то это они сделали только по французской пословице: *poor mieuх sauter*, т.е. разбежались для того, чтобы лучше прыгнуть, с большим остервенением броситься друг на друга.

Страшен эгоизм частных людей, но эгоисты частной жизни не вооружены, не считают хорошим ни готовить, ни употреблять оружие против своих соперников; эгоизм частных людей находится под контролем и государственной власти и общественного мнения. Частного человека, который с оружием в руках отнимет у соседа корову или десятину посева, сейчас же возьмут полицейские и посадят в тюрьму. Кроме того, такого человека осудит общественное мнение, его назовут вором и грабителем. Совсем иное с государствами: все они вооружены, власти над ними нет никакой, кроме комических попыток поймать птицу, посыпав ей соли на хвост, попыток

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
учреждения международных конгрессов, которые, очевидно, никогда не будут приняты государствами (для того-то и вооруженными, чтобы не слушаться никого) государствами, и главное то, что общественное мнение, которое карает всякое насилие частного человека, восхваляет, возводит в добродетель патриотизма всякое присвоение чужого для увеличения могущества своего отечества.

За какое хотите время откройте газеты и всегда, всякую минуту вы увидите черную точку, причину возможной войны: то это будет Корея, то Памиры, то Африканские земли, то Абиссиния, то Армения, то Турция, то Венецуэла, то Трансвааль. Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, и то здесь, то там не переставая идет маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая, большая война всякую минуту может и должна начаться.

Если американец желает предпочтительного пред всеми другими народами величия и благоденствия Америки, и точно того же желает англичанин, и того же желает русский, и турок, и голландец, и абиссинец, и гражданин Венецуэлы и Трансвааля, и армянин, и поляк, и чех, и все они убеждены, что эти желания не только не надо скрывать и подавлять, но что этими желаниями можно гордиться и должно развивать их в себе и других, и если величие и благоденствие одной страны или народа не может быть приобретено иначе, как в ущерб другой или иногда и многих других стран и народов, то как же не быть войне. И потому для того, чтобы не было войны, нужно не читать проповеди и молиться богу о том, чтобы был мир, не уговаривать English speaking nations (нации, говорящие по-английски) быть в дружбе между собою, чтобы властвовать над другими народами, не составлять двойственный и тройственный союзы друг прот! ив друга, не женить принцев на принцессах других народов, а нужно уничтожить то, что производит войну. Производит же войну желание исключительного блага своему народу, то, что называется патриотизмом. А потому для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм. А чтобы уничтожить патриотизм, надо прежде всего убедиться, что он зло, и вот это-то и трудно сделать.

Скажите людям, что война дурно, они посмеются: кто же этого не знает? Скажите, что патриотизм дурно, и на это большинство людей согласится, но с маленькой оговоркой. --Да, дурной патриотизм дурно, но есть другой патриотизм, тот, какого мы держимся. -- Но в чем этот хороший патриотизм, никто не объясняет. Если хороший патриотизм состоит в том, чтобы не быть завоевательным, как говорят многие, то ведь всякий патриотизм, если он не завоевательный, то непременно удержательный, то есть что люди хотят удержать то, что прежде было завоевано, так как нет такой страны, которая основалась бы не завоеванием, а удержать завоеванное нельзя иными средствами, как только теми же, которыми что-либо завоевывается, то есть насилием, убийством. Если же патриотизм даже и не удержательный, то он восстановительный--патриотизм покоренных, угнетенных народов--армян, поляков, чехов, ирландцев и т.п. И этот ! патриотизм едва ли не самый худший, потому что самый озлобленный и требующий наибольшего насилия.

Патриотизм не может быть хороший. Отчего люди не говорят, что эгоизм может быть хороший, хотя это скорее можно бы было утверждать, потому что эгоизм есть естественное чувство, с которым человек рождается, патриотизм же чувство неестественное, искусственно привитое ему.

Скажут: "Патриотизм связал людей в государства и поддерживает единство государств". Но ведь люди уже соединились в государства, дело это совершилось; зачем же теперь поддерживать исключительную преданность людей к своему государству, когда эта преданность производит страшные бедствия для всех государств и народов. Ведь тот самый патриотизм, который произвел объединение людей в государства, теперь разрушает эти самые государства. Ведь если бы патриотизм был только один: патриотизм одних англичан, то можно бы было его считать объединяющим или благодетельным, но когда, как теперь, есть патриотизм: американский, английский, немецкий, французский, русский, все противоположные один другому, то патриотизм уже не соединяет, а разъединяет. Говорить, что если патриотизм был благодетелен, соединяя людей в государства, как это было во времена его расцвета в Греции и Риме, то от этого патриотизм и теперь, после 1800 лет христианской жизни, так же благодетелен, все равно, что говорить, что так как пахота была полезна и благодетельна для поля перед посевом, то она так же будет благодетельна теперь, когда посев уже взшел.

Ведь хорошо бы было удерживать патриотизм в память той пользы, которую он когда-то принес людям, как хранят и удерживают люди старинные памятники храмов,

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
гробниц и т.п. Но храмы стоят, не принося людям никакого вреда, патриотизм же не переставая производить неисчислимые бедствия.

Отчего страдают и режутся теперь и звереют армяне и турки? Отчего Англия и Россия, озабоченная каждой своей долей наследства после Турции, выжидают, а не прекращают армянские побоища? Отчего режутся абиссинцы и итальянцы? Отчего чуть не возникла страшная война из-за Венецуэлы, а теперь из-за Трансвааля? А Китайско-японская война, а Турецкая, а Германская, французская? А озлобление покоренных народов: армян, поляков, ирландцев! А приготовления к войне всех народов? -- Все это плоды патриотизма. Моря крови пролиты из-за этого чувства и будут еще пролиты из-за него, если люди не освободятся от этого отжившего остатка старины.

Мне несколько раз уже приходилось писать о патриотизме, о полной несовместимости его с учением не только Христа, в его идеальном смысле, но и с самыми низшими требованиями нравственности христианского общества, и всякий раз на мои доводы мне отвечали или молчанием, или высокомерным указанием на то, что высказываемые мною мысли суть утопические выражения мистицизма, анархизма и космополитизма. Часто мысли мои повторялись в сжатой форме, и вместо возражений против них прибавлялось только то, что это не что иное, как космополитизм, как будто это слово "космополитизм" бесповоротно опровергало все мои доводы.

Люди серьезные, старые, умные, добрые и, главное, стоящие как город на верху горы, люди, которые своим примером невольно руководят массами, делают вид, что законность и благодетельность патриотизма до такой степени очевидна и несомненна, что не стоит отвечать на легкомысленные и безумные нападки на это священное чувство, и большинство людей, с детства обманутое и зараженное патриотизмом, принимает это высокомерное молчание за самый убедительный довод и продолжает коснеть в своем невежестве.

И потому те люди, которые по своему положению могут избавить массы от их бедствий и не делают этого, -- совершают большой грех.

Самое ужасное зло в мире есть лицемерие. Недаром Христос один только раз прогневался, и это было против лицемерия фарисеев.

Но что было лицемерие фарисеев в сравнении с лицемерием нашего времени. В сравнении с нашими лицемеры-фарисеи были самые правдивые люди, и их искусство лицемерить в сравнении с искусством наших -- детская игрушка. И оно не может быть иначе. Вся наша жизнь с исповеданием христианства, учения смирения и любви, соединенная с жизнью вооруженного разбойничьего стана, не может быть ни чем иным, как сплошным, ужасным лицемерием. Оно очень удобно -- исповедывать такое учение, в котором: на одном конце христианская святость и потому непогрешимость, а другом -- языческий меч и виселица, так что, когда можно импонировать и обманывать святостью, пускается в ход святость, когда же обман не удастся, пускается в ход меч и виселица. Такое ученье очень удобно, но приходит время, когда эта паутина лжи расплзается и нельзя уже продол! жать держаться того и другого и необходимо примкнуть к тому или другому. Это самое теперь наступает по отношению к учению о патриотизме.

Хотят или не хотят этого люди, вопрос ясно стоит перед человечеством: каким образом может тот патриотизм, от которого происходят неисчислимые как физические, так и нравственные страдания людей, -- быть нужным и быть добродетелью? И ответить на этот вопрос необходимо. Необходимо или показать, что патриотизм есть такое великое благо, что он выкупает все те страшные бедствия, какие он производит в человечестве, или признать, что патриотизм есть зло, которое не только не надо прививать и внушать людям, но от которого надо всеми силами стараться избавиться.

C' est a prendre ou a laisser, [хотите избавляйтесь, хотите не избавляйтесь] как говорят французы. Если патриотизм добро, то христианство, дающее мир, -- пустая мечта, и чем скорее искоренить это учение, тем лучше. Если же христианство действительно дает мир и мы действительно хотим мира, то патриотизм есть пережиток варварского времени, который не только не надо возбуждать и воспитывать, как мы это делаем теперь, но который надо искоренять всеми средствами: проповедью, убеждением, презрением, насмешкой. Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому. Надо

радоваться, когда от России отделяется Польша, Остзейский край, Финляндия, Армения; и англичанину радоваться тому же по отношению Ирландии, Австрии, Индии и других колоний и содействовать этому, потому что чем больше г! осударство, тем злее и жесточе его патриотизм, тем на большем количестве страданий зиждется его могущество. И потому, если мы хотим действительно быть тем, что мы исповедуем, мы не только не должны, как теперь, желать увеличения своего государства, но желать уменьшения, ослабления его и всеми силами содействовать этому. И так и воспитывать молодые поколения. Должны воспитывать молодые поколения так, чтобы, как теперь стыдно молодому человеку проявлять свой грубый эгоизм, например, тем, чтобы съесть все, не оставив другим, столкнуть слабейшего с дороги, чтобы самому пройти, отнять силу то, что нужно другому-- так же бы было стыдно желать увеличения могущества своего отечества; и так же как считается глупым и смешным теперь восхваление самого себя, так же бы считалось [глупым] восхваление своего народа, как оно теперь производится в разных лживых отечественных историях, картинах, памятниках, учебниках, статьях, стихах, проповедях и! глупых народных гимнах. Но надо понимать, что до тех пор, пока мы будем восхвалять патриотизм и воспитывать его в молодых поколениях, у нас будут вооружения, губящие и физическую и духовную жизнь народов, будут и войны, ужасные, страшные войны, как те, к которым мы готовимся и в круг которых мы вводим теперь, развращая их своим патриотизмом, новых страшных бойцов Дальнего Востока.

Император Вильгельм, одно из самых комических лиц нашего времени, оратор, поэт, музыкант, драматург и живописец и, главное, патриот, нарисовал недавно картину, изображающую все народы Европы с мечами, стоящие на берегу моря и по указанию архангела Михаила смотрящие на сидящие вдалеке фигуры Будды и Конфуция. По намерению Вильгельма это должно означать то, что народы Европы должны соединиться, чтобы противостоять надвигающейся оттуда опасности. И он совершенно прав с своей отставшей на 1800 лет языческой, грубой, патриотической точкой зрения.

Европейские народы, забыв Христа во имя своего патриотизма, все больше и больше раздражали и научали патриотизму и войне эти мирные народы и теперь раздражили их так, что действительно, если только Япония и Китай так же вполне забудут учение Будды и Конфуция, как мы забыли учение Христа, то скоро выучатся искусству убивать людей (этому скоро научаются, как и показала Япония) и, будучи бесстрашны, ловки, сильны и многочисленны, неизбежно очень скоро сделают из стран Европы, если только Европа не сумеет противопоставить чего-нибудь более сильного, чем оружие и выдумки Эдиссона, то, что страны Европы делают из Африки. "Ученик не бывает выше своего учителя, но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его" (Лука, VI, 40).

На вопрос одного царька: сколько и как прибавить войска, чтобы победить один южный не покорявшийся ему народец, -- Конфуций отвечал: "уничтожь все твое войско, употреби то, что ты тратишь теперь на войско, на просвещение своего народа и на улучшение земледелия, и южный народец прогонит своего царька и без войны покорится твоей власти".

Так учил Конфуций, которого нам советуют бояться. Мы же, забыв учение Христа, отрекшись от него, хотим покорить народы силою и этим только приготавливаем себе новых и более сильных врагов, чем наши соседи.

Один мой приятель, увидав картину Вильгельма, сказал: "Картина прекрасная. Только она означает совсем не то, что подписано. Она означает то, что архангел Михаил указывает всем правительствам Европы, изображенным в виде увешанных оружием разбойников, то, что погубит и уничтожит их, а именно: кротость Будды и разумность Конфуция". Он мог прибавить: "и смирение Лао-Тзе". И действительно, мы, благодаря своему лицемерию, до такой степени забыли Христа, вытравили из своей жизни все христианское, что учение Будды и Конфуция без сравнения стоят выше того зверского патриотизма, которым руководятся наши мнимо-христианские народы.

И потому спасение Европы и вообще христианского мира не в том, чтобы, как разбойники, обвешавшись мечами, как их изобразил Вильгельм, бросаться убивать своих братьев за морем, а напротив, в том, чтобы отказаться от пережитка варварских времен -- патриотизма и, отказавшись от него, снять оружие и показать восточным народам не пример дикого патриотизма и зверства, а пример братской жизни, которой мы научены Христом.

Москва. 5 января 1896.

Лев Толстой. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Вера есть смысл, даваемый жизни, есть то, что дает силу, направление жизни. Каждый живущий человек находит этот смысл и живет на основании его. Если не нашел, – то он умирает. В искании этом человек пользуется всем тем, что выработало все человечество.

Все это, выработанное человечеством, называется откровением. Откровение есть то, что помогает человеку понять смысл жизни. Вот отношение человека к вере.

Что ж за удивительная вещь? Являются люди, которые из кожи лезут вон для того, чтобы другие люди пользовались непременно этой, а не той формой откровения. Не могут быть покойны, пока другие не примут их, именно их форму откровения, проклинают, казнят, убивают всех, кого могут, из несогласных. Другие делают то же самое – проклинают, казнят, убивают всех, кого могут, из несогласных. Третьи – то же самое. И так все друг друга проклинают, казнят, убивают, требуя, чтобы все верили, как они. И выходит, что их сотни вер, и все проклинают, казнят, убивают друг друга.

Я сначала был поражен тем, как такая очевидная бессмыслица, такое очевидное противоречие не уничтожит самую веру? Как могли оставаться люди верующие в этом обмане?

И действительно, с общей точки зрения это непостижимо и неотразимо доказывает, что всякая вера есть обман, и что все это суеверия, что и доказывает царствующая теперь философия. Глядя с общей точки зрения, и я неотразимо пришел к признанию того, что все веры – обманы людские, но я не мог не остановиться на соображении о том, что самая глупость обмана, очевидность его и вместе с тем то, что все-таки все человечество поддается ему, что это самое показывает, что в основе этого обмана лежит что-то необманчивое. Иначе все так глупо, что нельзя обманываться. Даже эта общая всему человечеству, истинно живущему, поддача себя под обман заставила меня признать важность того явления, которое служит причиной обмана. И вследствие этого убеждения я стал разбирать учение христианское, служащее основой обману всего христианского человечества.

Так выходит с общей точки зрения; но с личной точки зрения, с той, вследствие которой каждый человек и я, для того чтобы жить, должен иметь веру в смысл жизни и имеет эту веру, – это явление насилия в деле веры еще более поразительно своей бессмыслицей.

В самом деле, как, зачем, кому может быть нужно, чтобы другой не только верил, но и исповедывал бы свою веру так же, как я? Человек живет, стало быть знает смысл жизни. Он установил свое отношение к Богу, он знает истину истин, и я знаю истину истин. Выражение их может быть различно (сущность должна быть одна и та же – мы оба люди). Как, зачем, что может меня заставить требовать от кого бы то ни было, чтобы он выражал свою истину непременно так, как я?

Заставить человека изменить свою веру я не могу ни насилием, ни хитростью, ни обманом (ложные чудеса).

Вера есть его жизнь. Как же я могу отнять у него его веру и дать ему другую? Это все равно, что вынуть из него сердце и вставить ему другое. Я могу сделать это только тогда, когда вера и моя, и его – слова, а не то, чем он живет, – нарост, а не сердце. Этого нельзя сделать и потому, что нельзя обмануть или заставить верить человека в то, во что он не верит, и нельзя потому, что тот, кто верит, – т. е. установил свои отношения с Богом и потому знает, что вера есть отношение человека к Богу, – не может желать установить отношения другого человека с Богом посредством насилия или обмана. Это невозможно, но это делается, делалось везде и всегда; т. е. делаться это не могло, потому что это невозможно, но делалось и делается что-то такое, что очень похоже на это; делалось и делается то, что люди навязывают другим подобие веры, и другие принимают это подобие веры, подобие веры, т. е. обман веры.

Вера не может себя навязывать и не может быть принимаема ради чего-нибудь: насилия, обмана или выгоды; а потому это не вера, а обман веры. И этот-то обман веры есть старое условие жизни человечества.

В чем же состоит этот обман и на чем он основан? Чем вызван для обманывающих и чем держится для обманутых?

Не буду говорить о браманизме, буддизме, конфуцианстве, магометанстве, в которых были те же явления, не потому, чтобы невозможно было и здесь найти то же. Для каждого, читавшего об этих религиях, будет ясно, что то же совершалось и в тех верах, что и в христианстве; но буду говорить исключительно о христианстве, как о вере нам известной, нам нужной и дорогой. В христианстве весь обман построен на фантастическом понятии церкви, ни на чем не основанном и поражающем с начала изучения христианства своей неожиданной и бесполезной бессмыслицей.

Из всех безбожных понятий и слов нет понятия и слова более безбожного, чем понятие церкви. Нет понятия, породившего больше зла, нет понятия более враждебного учению Христа, как понятие церкви.

В сущности, слово эклезиаста значит собрание и больше ничего и так употреблено в Евангелиях. В языках всех народов слово эклезиаста означает дом молитвы. Дальше этих значений, несмотря на 1500-летнее существование обмана церкви, слово это не проникло ни в какой язык. По определениям, которые дают этому слову те жрецы, которым нужен обман церкви, оно выходит не что иное, как предисловие, говорящее: все, что я теперь буду говорить, все истина, и если не поверишь, то я тебя сожгу, или прокляну и всячески обижу. Понятие это есть софизм, нужный для некоторых диалектических целей, и остается достоянием тех, которым оно нужно. В народе, не только в народе, а в обществе и в среде образованных людей, несмотря на то, что этому учат в катехизисах, понятия этого нет совсем.

Определение это (как ни совестно серьезно разбирать его, надо это сделать, потому что столько людей так серьезно выдают его за что-то важное) -определение это совершенно ложно. Когда говорят, что церковь есть собрание истинно верующих, то, собственно, ничего не говорят (не говоря уж о фантастических мертвых), потому что если я скажу, что капелла есть собрание всех истинных музыкантов, то я ничего не сказал, если не сказал, что я называю истинными музыкантами. По богословию же оказывается, что истинно верующие - те, которые следуют учению церкви, т.е. находятся в церкви. Не говоря уже о том, что истинных таких вер сотни, определение ничего не говорит и, казалось бы, даже бесполезно, как определение капеллы собранием истинных музыкантов; но тотчас же за этим виднеется конец ушка. Церковь истинна и едина, и в ней пастыри и паства; и пастыри, Богом установленные, уч! ат этому истинному и единому учению, т.е. "Ей-Богу, все, что мы будем говорить, все истинная правда". Больше ничего нет. Обман весь в этом, в слове и понятии церкви. И смысл этого обмана только тот, что есть люди, которые без памяти хочется учить других своей вере.

Для чего же им так хочется учить своей вере других людей? Если бы у них была истинная вера, они бы знали, что вера есть смысл жизни, отношение с Богом, устанавливаемое каждым человеком, и что потому нельзя учить вере, а только обману веры. Но они хотят учить. Для чего? Самый простой ответ был бы тот, что попу нужны лепешки и яйца, архиерею - дворец, кулебяка и шелковая ряса. Но этот ответ недостаточен.

Таков, без сомнения, внутренний, психологический повод к обману, повод, поддерживающий обман. Но как, разбирая, каким образом мог один человек (палач) решиться убивать другого человека, против которого он не имеет никакой злобы, было бы недостаточно сказать, что палач убивает потому, что ему дают водки, калачи и красную рубаху, точно так же недостаточно сказать, что киевский митрополит с монахами набивает соломой мешки, называя их мощами угодников, только для того, чтобы иметь 30 тысяч дохода. И то, и другое действие слишком ужасно и противно человеческой природе для того, чтобы такое простое, грубое объяснение могло быть достаточно. Как палач, так и митрополит, объясняя свой поступок, приведут целый ряд доказательств, которых главная основа будет историческое предание. "Человека надо казнить. Казнили с тех пор, как свет стоит. Не я, так другой. Я сделаю это, надеюсь, с Божьей помощью, лучше, ! чем другой". Так же скажет митрополит: "Внешнее богопочитание нужно. С тех пор, как свет стоит, почитали мощи угодников. Пещерные мощи почитают, ходят сюда. Не я, так другой будет хозяйничать над ними. Я, с Божьей помощью, надеюсь богоугоднее употребить эти деньги, вырученные кощунственным обманом".

Чтобы понять обман веры, надо пойти к его началу и источнику. Мы говорим о том,
Страница 15

что знаем о христианстве. Обратясь к началу христианского учения, в Евангелиях мы находим учение, прямо исключяющее внешнее богопочитание, осуждающее его и в особенности ясно, положительно отрицающее всякое учительство. Но от времени Христа, приближаясь к нашему времени, мы находим отклонение учения от этих основ, положенных Христом. Отклонение это начинается со времен апостолов, особенно охотника до учительства Павла; и чем дальше распространяется христианство, тем больше и больше оно отклоняется и усваивает себе приемы того самого внешнего богопочитания и учительства, отрицание которого так положительно выражено Христом. Но в первые времена христианства понятие церкви употребляется только как представление о всех тех разделяющих то верование, которое я считаю истинным, – понятие совершенно верное, если оно не включает в себя! выражение верований словами, но всей жизнью, так как верование не может быть выражено словами.

Употреблялось еще понятие истинной церкви, как довод против разногласящих, но до царя Константина и Никейского собора церковь есть только понятие, со времени же царя Константина и Никейского собора церковь становится делом, и делом обмана. Начинается тот обман митрополитов с мощами, попов с евхаристией, Иверских, синодов и т.п., которые так поражают и ужасают нас и не находят достаточного объяснения, по своему безобразию, в одной выгоде этих лиц. Обман этот старый, и он начался не из одних выгод частных лиц. Нет такого человека изверга, который бы решился это делать, если бы он был первый и если бы не было других причин. Причинны, приведшие к этому, были недобрые. "По плодам узнаете их". Начало было зло – ненависть, человеческая гордость, вражда против Ария и других; и другое, еще большее зло – соединение христиан с властью. Власть – Константин царь, по языческим понятиям стоящий на высоте величия человеческого (их причитали к богам), принимает христ! тianство, подает пример всему народу, обращает народ и подает руку помощи против еретиков и уставляет посредством вселенского собора единую правую христианскую веру.

Христианская кафолическая вера установлена навсегда. Так естественно было поддаться на этот обман, и до сих пор еще так верят в спасительность этого события. А это было то событие, где большинство христиан отреклось от своей веры; это были те росстани, где огромное большинство пошло с христианским именем по языческой дороге и идет до сих пор. Карл Великий, Владимир продолжают то же. И обман церкви идет до сих пор, обман, состоящий в том, что принятие властью христианства нужно для тех, которые понимали букву, а не дух христианства, потому что принятие христианства без отречения от власти есть насмешка над христианством и извращение его.

Освящение власти государственной есть кощунство, есть погибель христианства. Проживя 1500 лет под этим кощунственным союзом мнимого христианства с государством, надо сделать большое усилие, чтобы забыть все сложные софизмы, которыми 1500 лет, везде в угоду власти, изуродовав все учение Христа, чтобы оно могло ужиться с государством, пытались объяснить святость, законность государства и возможность его быть христианским. В сущности же слова "христианское государство" есть то же, что слова: теплый, горячий лед. Или нет государства, или нет христианства.

Для того, чтобы ясно понять это, надо забыть все те фантазии, в которых мы старательно воспитываемся, и прямо спрашивать о значении тех наук исторических и юридических, которым все учат. Основ эти науки не имеют никаких. Все эти науки не что иное, как апология насилия.

Пропустив истории персов, мидян и т.д., возьмем историю того государства, которое первое составило союз с христианством.

Было разбойничье гнездо в Риме; оно разрослось грабительством, насилием, убийством; оно завладело народами. Разбойники и потомки их, с атаманами, которых называли то Кесарем, то Августом, во главе, – грабили и мучили народы для удовлетворения своих похотей. Один из наследников этих разбойничьих атаманов, Константин, начитавшись книг и пресытившись похотной жизнью, предпочел некоторые догматы христианства прежним верованиям. Принесению людских жертв он предпочел обедню, почитанию Аполлона, Венеры и Зевса он предпочел единого Бога с сыном Христом и велел ввести эту веру между теми, которых он держал под своей властью.

"Цари властвуют над народами, между вами да не будет так. Не убей, не прелюбодействуй, не имей богатств, не суди, не присуждай. Терпи зло". Всего

этого никто не сказал ему. "А ты хочешь называться христианином и продолжать быть атаманом разбойников, бить, жечь воевать, блудить, казнить, роскошествовать? Можно".

И они устроили ему христианство. И устроили очень покойно, даже так, что и нельзя было ожидать. Они предвидели, что, прочтя Евангелие, он может хватиться, что там требуется все это, т.е. жизнь христианская, кроме построения храмов и хождения в них. Они предвидели это и внимательно устроили ему такое христианство, что он мог, не стесняясь, жить по-старому, по-язычески. С одной стороны – Христос, сын Бога, затем только и приходил, чтобы его и всех искупить. Оттого, что Христос умер, Константин может жить, как хочет. А этого мало – можно покаяться и проглотить кусочек хлеба с вином, это будет спасенье, и все простится. Мало того, – они еще его власть разбойничью освятили и сказали, что она от Бога, и помазали его маслом. Зато и он им устроил, как они хотели – собрание попов, и велел сказать, какое должно быть отношение каждого человека к Бог! у, и каждому человеку велел так повторять.

И все стали довольны, и вот 1500 лет эта самая вера живет на свете, и другие разбойничьи атаманы ввели ее, и все они помазаны, и все от Бога. Если какой злодей пограбит всех, побьет много народа, его они помажут – он от Бога. У нас мужеубийца, блудница была от Бога, у французов – Наполеон. А попы, зато – не только уж от Бога, но почти сами боги, потому что в них сидит дух святой. И в папе, и в нашем синоде с его командирами-чиновниками.

И как какой помазанник, т.е. атаман разбойников, захочет побить чужой и свой народ, – сейчас ему сделают святой воды, покропят, крест возьмут (тот крест, на котором умер нищий Христос за то, что он отрицал этих самых разбойников) и благословят побить, повесить, голову отрубить.

И все бы хорошо, да не умели и тут согласиться и стали помазанники друг друга называть разбойниками (то, что они и есть), и стали попы друг друга называть обманщиками (то, что они и есть); а народ стал прислушиваться и перестал верить и в помазанников, и в хранителей св. духа, а выучился у них же называть их, как следует и как они сами себя называют, т.е. разбойниками и обманщиками.

Но о разбойниках только пришлось к слову, потому что они развратили обманщиков. Речь же об обманщиках, мнимых христианах. Такими они сделались от соединения с разбойниками. И не могло быть иначе. Они сошли с дороги с той первой минуты, как освятили первого царя и уверили его, что он своим насилием может помочь вере, – вере о смирении, самоотвержении и терпении обид. Вся история настоящей церкви, не фантастической, т.е. история иерархии под властью царей есть ряд тщетных попыток этой несчастной иерархии сохранить истину учения, проповедуя ее ложью и на деле отступая от нее. Значение иерархии основано только на учении, которому она хочет учить. Учение говорит о смирении, самоотречении, любви, нищете; но учение проповедуется насилием и злом.

Для того, чтобы иерархии было чему учить, чтобы были ученики, нужно не отречься от учения, но для того, чтобы очистить себя и свою незаконную связь с властью, нужно всякими соображениями скрыть сущность учения. А для этого нужно перенести центр тяжести учения не на сущность учения, а на внешнюю сторону его. И это самое делает иерархия.

Так вот: источник того обмана веры, который проповедуется церковью, источник его есть соединение иерархии, под именем церкви, с властью насилием. Источник же того, что люди хотят научить других людей вере, в том, что истинная вера обличает их самих и им нужно вместо истинной веры подставить свою вымышленную, которая бы их оправдывала.

Истинная вера везде может быть, только не там, где она явно насилующая, – не в государственной вере. Истинная вера может быть во всех так называемых расколах, ерсях, но наверное не может быть только там, где она соединилась с государством. Странно сказать, но название "православная, католическая, протестантская" вера, как эти слова установились в обыкновенной речи, значат не что иное, как вера, соединенная с властью, т.е. государственная вера и потому ложная.

Понятие церкви, т.е. единомыслия многих, большинства, и вместе с тем близость к источнику учения в первые два века христианства, был только один из плохих

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
внешних доводов. Павел говорил: "Я знаю от самого Христа". Другой говорил: "Я знаю от Луки". И все говорили: мы думаем верно, и доказательство того, что мы верно думаем, то, что нас большое собрание, зкклезия, церковь. Но только с собора в Никее, устроенного царем, начался – для части исповедующих одно и то же учение – прямой и осознанный обман. "Изволися нам и св. духу", – стали говорить тогда. Понятие церкви стало уже не только плохой аргумент, а стало для некоторых власть. Оно соединилось с властью и стало действовать, как власть. И все то, что соединилось с властью и подпало ей, перестало быть верой, а стало обманом.

Чему учит христианство, понимая его как учение какой бы то ни было церкви или всех церквей?

Как хотите разбирайте, смешивая или подразделяя, но тотчас же все учение христианское распадется на два резкие отдела: учение о догматах, начиная с божественности сына, духа, отношения этих лиц, до евхаристии с вином или без вина, пресного или кислого хлеба, – в на нравственное учение смирения, нестяжательности, чистота телесной, семейной, неосуждения и освобождения от неволи уз, миролюбия. Как ни старались учителя церкви смешать эти две стороны учения, они никогда не смешивались, и как масло от воды, всегда были врозь – каплями большими и малыми.

Различие этих двух сторон учения ясно для каждого, и каждый может проследить плоды той и другой стороны учения в жизни народов, и по этим плодам может заключить о том, какая сторона более важна и, если можно сказать, более истинна, то какая более истинна? Посмотришь на историю христианства с этой стороны – и ужас нападет на тебя. Без исключения с самого начала и до самого конца, до нас, куда ни посмотришь, на какой ни взглянешь догмат, хоть с самого начала – догмат божественности Христа – и до сложения перстов, до причастия с вином или без вина, – плоды всех этих умственных трудов на разъяснение догматов: злоба, ненависть, казни, изгнания, побоища жен и детей, костры, пытки. Посмотришь на другую сторону нравственного учения, от удаления в пустыню для общения с Богом до обычая подавать калачи в острог, и плоды этого – все наши понятия добра, все то радостное, утешительное, служащее нам светочем в истории.

Заблуждаться тем, перед глазами которых не выразились ясно еще плоды того и другого, можно было, и нельзя было не заблуждаться. Можно было заблуждаться и тем, которые искренно вовлечены были в эти споры о догматах, не заметив того, что они этими догматами служат дьяволу, а не Богу, не заметив того, что Христос прямо говорил, что он пришел разрушить все догматы; можно было заблуждаться и тем, которые, унаследовав предания важности этих догматов, получили такое превратное воспитание умственное, что не могут видеть своей ошибки; можно и тем темным людям, для которых догматы эти не представляют ничего, кроме слов или фантастических представлений, но нам, для которых открыт первый смысл Евангелия, отрицающего всякие догматы, нам, имеющим перед глазами плоды в истории этих догматов, нам нельзя уж ошибаться. История для нас – проверка истинности учения, проверка даже механическая!

Догмат непорочного зачатия богородицы – нужен он или нет? Что от него произошло? Злоба, ругательства, насмешки. А польза была? Никакой. Учение о том, что не надо казнить блудницу, нужно или нет? Что от него произошло? Тысячи и тысячи раз люди были смягчены этим напоминанием.

Другое: в догматах каких бы то ни было все согласны? – Нет. – В том, чтобы просящему дать? – Все.

И вот первое – догматы, в чем никто не согласен, что никому не нужно, что губит людей, это – то иерархия выдавала и выдает за веру; а второе, то, в чем все согласны, что всем нужно и что спасает людей, этого, хотя и не смела отрицать иерархия, но не смела и выставлять, как учение. ибо это учение отрицало ее самое.

Лев Толстой. ДВЕ ВОЙНЫ

В христианском мире идут в настоящее время две войны. Правда, одна уже кончилась, другая еще не кончилась, но шли они обе в одно и то же время и противоположность между ними была поразительна. Одна, теперь уже кончившаяся, была старая, тщеславная, глупая и жестокая, несвоевременная, отсталая, языческая

война, -- испанско-американская, которая убийством одних людей решала вопрос о том, как и кем должны управляться другие люди. Другая война, продолжающаяся еще теперь и имеющая кончиться только тогда, когда кончатся все войны, -- это новая, самоотверженная, основанная на одной любви и разуме, святая война, -- война против войны, которую уже давно (как это выразил В. Гюго на одном из конгрессов) объявила лучшая, передовая часть христианского человечества другой, грубой и дикой части этого же человечества и которую с особенной силой и успехом веде! т в последнее время горсть людей -- христиан, кавказских духоборов, против могущественного русского правительства.

Я на днях получил письмо из Колорадо от какого-то господина Джесси Глодвина, который просит меня прислать ему: "...несколько слов или мыслей, выражающих мои чувства по отношению благородного дела американской нации и героизма ее солдат и моряков". Господин этот, вместе с огромным большинством американского народа, вполне уверен, что дело американцев, состоящее в том, что они побили несколько тысяч почти безоружных (в сравнении с вооружением американцев испанцы били почти безоружны) людей, есть несомненно благородное дело, noble work, и что те люди, которые, побив большое количество своих ближних, большею частью остались живы и здоровы и устроили себе выгодное положение, -- герои.

Испано-американская война, не говоря о тех ужасах, которые совершали испанцы на Кубе и которые послужили предлогом войны, сама испанско-американская война похожа вот на что:

Выживший из сил и ума старик, воспитанный в преданиях ложной чести, вызывает для разрешения возникшего между ним и молодым человеком недоразумения на кулачный бой этого молодого, находящегося в полном обладании своих сил человека; и молодой человек по своему прошедшему, по тому, что он не раз сам высказывал, долженствующий стоять неизмеримо выше такого решения вопроса, принимает вызов с зажатым кастетом в кулаке, набрасывается на выжившего из ума и сил старика, выбивает ему зубы, ломает ребра и потом с восторгом рассказывает свои подвиги огромной публике таких же молодых людей, которая радуется и хвалит героя, изувечившего старика.

Такова одна война, занимавшая все умы христианского мира. Про другую войну никто не говорит; про нее почти никто и не знает. Другая война -- это вот такая.

Все государства, обманывая людей, говорят: вы все, управляемые мною, находитесь в опасности быть завоеванными другими народами, я блюду ваше благополучие и безопасность и потому требую, чтобы вы отдавали мне ежегодно миллионы рублей, плоды ваших трудов, которые я буду употреблять на ружья, пушки, порох, корабли для вашей защиты; кроме того, требую, чтобы и сами вы шли в устроенные мною организации, где из вас будут делать неразумные частицы одной огромной машины -- армии, управляемой мною. Находясь в этой армии, вы перестанете быть людьми и иметь свою волю, а будете делать все, что я хочу. Хочу же я прежде всего властвовать; средство же для властвования, употребляемое мною, есть убийство, и потому я буду обучать вас убийству.

И несмотря на очевидную нелепость утверждения того, что люди находятся в опасности от нападения правительств других государств, которые утверждают, что они, несмотря на все желание мира, находятся в той же опасности, несмотря на унижительность того рабства, которому люди подвергаются, поступая в армию, несмотря на жестокость того дела, к которому они призываются, люди поддаются обману, отдают свои деньги на свое же порабощение и сами поработают друг друга.

И вот являются люди, которые говорят:

То, что вы говорите об угрожающей нам опасности и о вашей заботе предохранить нас от нее, есть обман. Государства все уверяют, что хотят мира, и вместе с тем все вооружаются друг против друга. Кроме того, по тому закону, который вы признаете, все люди -- братья и нет никакой разницы принадлежать тому или иному государству, а потому и нападения на вас других государств, которыми вы нас пугаете, для нас не страшны и не имеют никакого значения. Главное же то, что по тому закону, который нам дан Богом и который признаете и вы, требующие от нас участия в убийстве, явно запрещено не только убийство, но и всякое насилие, и потому мы не можем и не будем участвовать в ваших приготовлениях к убийствам, не будем давать на это денег и не пойдём в ваши устроенные сборища, где извращают разум и совесть людей, превращая их в орудия насилия, покорные всякому злему

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
человеку, взявшему в руки это орудие.

В этом состоит другая война, давно уже ведомая лучшими людьми мира с представителями грубой силы и в последнее время разгоревшаяся с особенной силой между духоборами и русским государством. Русское государство выставило против духоборов все те орудия, которыми оно может бороться. Орудия эти: полицейские меры арестов, непозволения выезда из места жительства, запрещение общения друг с другом, перехватывание писем, шпионство, запрещение печатания в газетах сведений о всем, касающемся духоборов, клевета на них, печатаемая в журналах, подкупы, сечения, тюрьмы, ссылки, разорение семей. Духоборы же с своей стороны выставили свое единственное религиозное орудие: кроткую разумность и терпеливую твердость, и говорят: не должно повиноваться людям больше, чем Богу, и что бы вы с нами ни делали, мы не можем и не будем повиноваться вам.

Восхваляют испанских и американских героев той дикой войны, которые, желая отличиться перед людьми, получить награду и славу, убили очень много людей или сами умерли в процессе убийства своих ближних. Но никто не говорит и не знает даже про тех героев войны против войны, которые, никем не видимы и не слышимы, умирали и умирают под розгами или в вонючих карцерах, или в тяжелом изгнании, и все-таки до последнего издыхания остаются верными добру и истине.

Я знаю десятки этих мучеников уже умерших и сотни таких же, которые, разбросанные по всему миру, продолжают это мученическое исповедание истины.

Я знаю Дрожжина, учителя-крестьянина, который до смерти был замучен в дисциплинарном батальоне; знаю другого -- Изюмченко, товарища Дрожжина, выдержанного в дисциплинарном батальоне и потом сосланного на край света; знаю Ольховика, крестьянина, отказавшегося от военной службы, за это приговоренного в дисциплинарный батальон и на пароходе обратившего конвойного солдата Середу. Середа, поняв то, что сказал Ольховик о грехе военной службы, пришел к начальству и сказал, как говорили это древние мученики: "Не хочу быть с мучителями, присоедините меня к мученикам", и его стали мучить, послали в дисциплинарный батальон, а потом в Якутскую область. Знаю я десятки духоборов, из которых многие умерли, ослепли и все-таки не покоряются требованиям, противным закону Бога.

На днях я читал письмо о молодом духоборе, который один, без товарищей послан в полк, стоящий в Самарканде. Опять те же требования со стороны начальства и те же простые неотразимые ответы: "Не могу делать того, что противно моей вере в Бога". -- "Мы тебя замучаем". -- "'Это ваше дело. Вы делайте свое, а я буду делать свое".

И этот двадцатилетний мальчик, заброшенный один в чужой край, среди враждебных ему людей, сильных, богатых, образованных, направляющих все свои силы на то, чтобы покорить его, не покоряется и делает свое великое дело.

Говорят: "Это напрасные жертвы. Люди эти погибнут, а устройство жизни останется то же". Так же, я думаю, говорили люди и о напрасности жертвы Христа, да и всех мучеников за истину. Люди нашего времени, особенно ученые, так огрубели, что не понимают, не могут даже по грубости своей понимать значения и действия духовной силы. Заряд в 250 пудов динамита, пущенный в толпу живых людей, -- это они понимают и видят в этом силу; но мысль, истина, получившая осуществление, проведенная в жизни до мученичества, ставшая доступной миллионам, -- это, по их понятию, не сила, потому что она не трещит и не видно сломанных костей и луж крови. Ученые (правда, плохие ученые) все силы эрудиции употребляют на то, чтобы доказать, что человечество живет, как стадо, руководимое только экономическими условиями, и что разум дан ему только для забавы; но правительства знают! , что движет миром, и потому безошибочно по инстинкту самосохранения ревнивей всего относятся к проявлению духовных сил, от которых зависит их существование или гибель. Оттого-то все силы русского правительства были направлены и еще направлены на то, чтобы обезвредить духоборов, изолировать их, выслать их за границу.

Но, несмотря на все усилия, борьба духоборов открыла глаза миллионам.

Я знаю сотни людей, старых и молодых военных, которые благодаря гонениям против кротких, трудолюбивых духоборов усомнились в законности своей деятельности; знаю людей, которые в первый раз задумались над жизнью и значением христианства,

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
увидав и услышав про жизнь этих людей, про гонения, которым они подверглись.

И правительство, управляющее миллионами людей, знает это и чувствует, что оно поражено в самое сердце.

Такова другая война, ведущаяся в наше время, и таковы последствия ее. И последствия ее важны не для одного русского правительства. Всякое правительство, основанное на войне и на насилии, точно так же поражено этим оружием. Христос сказал: "Я победил мир". И он действительно победил мир, если только люди поверят в силу данного им этого оружия.

Оружие это есть следование каждым человеком своему разуму и своей совести.

Ведь это так просто, так несомненно и обязательно для каждого человека. "Вы хотите сделать меня участником убийства. Вы требуете от меня денег для приготовления орудий убийства и хотите, чтобы я сам участвовал в организованном сборище убийц, -- говорит разумный человек, не продавший и не затемнивший свою совесть. -- Но я исповедую тот самый закон, который исповедуете и вы и в котором давным-давно запрещено не только убийство, но и всякая вражда, и потому не могу повиноваться вам".

И вот это-то средство, и такое простое, одно и побеждает мир.

Ясная Поляна. 15 августа 1898 г

Лев Толстой. ОТВЕТ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОДА ОТ 20-22 ФЕВРАЛЯ

ОТВЕТ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОДА ОТ 20-22 ФЕВРАЛЯ И НА ПОЛУЧЕННЫЕ МНОЮ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ ПИСЬМА

He who begins by loving Christianity better than Truth will proceed by loving his own Sect or Church better than Christianity, and end in loving himself better than all.

Coleridge

Я не хотел сначала отвечать на постановление обо мне синода, но постановление это вызвало очень много писем, в которых неизвестные мне корреспонденты - одни бранят меня за то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другие увещевают меня поверить в то, во что я не переставал верить, третьи выражают со мной единомыслие, которое едва ли в действительности существует, и сочувствие, на которое я едва ли имею право; и я решил ответить и на самое постановление, указав на то, что в нем несправедливо, и на обращения ко мне моих неизвестных корреспондентов.

Постановление синода вообще имеет много недостатков; оно незаконно или умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к бурным чувствам и поступкам.

Оно незаконно или умышленно двусмысленно потому, что если оно хочет быть отлучением от церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение; если же это есть заявление о том, что тот, кто не верит в церковь и ее догматы, не принадлежит к ней, то это само собой разумеется, и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно и случилось, потому что оно так и было понято.

Оно произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тоща как не только многие, но почти все образованные люди в России разделяют такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах и книгах.

Оно неосновательно, потому что главным поводом своего появления выставляет большое распространение моего совращающего людей лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из получаемых мною

писем.

Оно содержит в себе явную неправду, утверждая, что со стороны церкви были сделаны относительно меня не увенчавшиеся успехом попытки вразумления, тогда как ничего подобного никогда не было.

Оно представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нем заключаются заведомо несправедливые и клонящиеся к моему вреду утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах. "Теперь ты предан анафеме и пойдешь после смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... анафема та, старый черт... проклят будь", пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключен еще в монастырь, и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: "Если правительство не уберет тебя, - мы сами заставим тебя замолчать"; письмо кончается проклятиями. "Чтобы уничтожить прохвоста тебя, - пишет четвертый, - у меня найдутся средства..." Следуют неприличные ругательства. Признаки такого же озлобления после постановления синода я замечаю и при встречах с некоторыми людьми. В самый же день 25 февраля, когда было опубликовано поста! новление, я, проходя по площади, слышал обращенные ко мне слова: "Вот дьявол в образе человека", и если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избили, как избили, несколько лет тому назад, человека у Пантелеймоновской часовни.

Так что постановление синода вообще очень нехорошо; то, что в конце постановления сказано, что лица, подписавшие его, молятся, чтобы я стал таким же, как они, не делает его лучше.

Это так вообще, в частности же постановление это несправедливо в следующем. В постановлении сказано: "Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа его и на святое его достояние, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери, церкви православной".

То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усумнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически - я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически же строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и посещая все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения:

И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым.

То же, что сказано, что я "посвятил свою литературную деятельность и данный мне от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и церкви" и т.д., и что "я в своих сочинениях и письмах, во множестве рассылаемых мною так же, как и учениками моими, по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, проповедую с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской", - то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространении своего учения. Правда, я сам для себя выразил в сочинениях свое понимание учения Христа и не скрывал эти сочинения от людей, желавших с ними познакомиться, но никогда сам не печатал их; говорил же людям о том, как я понимаю учение Христа, только тогда, когда меня об этом спрашивали. Таким людям я говорил то, что думаю, и давал, если они у меня были,

мои книги.

Потом сказано, что я "отвергаю Бога, во святой троице славимого создателя и промыслителя вселенной, отрицаю господу Иисуса Христа, богочеловека, искупителя и спасителя мира, пострадавшего нас ради человек и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицаю бессеменное зачатие по человечеству Христа господу и девство до рождества и по рождестве пречистой богородицы".

Стоит только почитать требник и проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются православным духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидеть, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни. Для того, чтобы ребенок, если умрет, пошел в рай, нужно успеть помазать его маслом и выкупать с произнесением известных слов; для того, чтобы родительница перестала быть нечистой, нужно произнести известные заклинания; чтобы был успех в деле или спокойное житье в новом доме, для того, чтобы хорошо родился хлеб, прекратилась засуха, для того, чтобы путешествие было благополучно, для того, чтобы излечиться от болезни, для того, чтобы облегчилось положение умершего на том свете, для всего этого и тысячи других обстоятельств есть известные заклинания, которые в известном месте и за известные приношения произносит священник.

То, что я отвергаю непонятную троицу и не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о Боге, родившемся от девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо. Бога же - духа, бога - любовь, единого бога - начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении.

Еще сказано: "не признает загробной жизни" и мздовоздаяния". Если разумеет жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рай - постоянного блаженства, то совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то есть рождения новой жизни, верю, что всякий добрый поступок увеличивает истинное благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его.

Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, грубым, несоответствующим понятию о Боге и христианскому учению колдовством и, кроме того, нарушением самых прямых указаний Евангелия. В крещении младенцев вижу явное извращение всего того смысла, который могло иметь крещение для взрослых, сознательно принимающих христианство; в совершении таинства брака над людьми, заведомо соединявшимися прежде, и в допущении разводов и в освящении браков разведенных вижу прямое нарушение и смысла, и буквы Евангельского учения. В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность и уничтожающий опасение перед согрешением.

В елеосвящении так же, как и в миропомазании, вижу приемы грубого колдовства, как и в почитании икон и мощей, как и во всех тех обрядах, молитвах, заклинаниях, которыми наполнен требник. В причащении вижу обоготворение плоти и извращение христианского учения. В священстве, кроме явного приготовления к обману, вижу прямое нарушение слов Христа, - прямо запрещающего кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мф. XXIII, 8-10).

Сказано, наконец, как последняя и высшая степень моей виновности, что я, "ругаясь над самыми священными предметами веры, не содрогнулся подвергнуть глумлению священнейшее из таинств - евхаристию". То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священник делает для приготовлений этого, так называемого, таинства, то это совершенно справедливо; но то, что это, так называемое, таинство есть нечто священное и что описать его просто, как оно делается, есть кощунство, - это совершенно несправедливо. Кощунство не в том, чтобы назвать перегородку-перегородкой, а не иконостасом, и чашку - чашкой, а не потиром и т.п., а ужаснейшее, не перестающее, возмутительное кощунство - в том, что люди, пользуясь всеми возможными средствами обмана и гипнотизации, - уверяют детей и простодушный народ, что если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить их в вино, то в кусочки эти входит Бог; и что то! т, во имя кого живого вынется кусочек, тот будет здоров;

во имя же кого умершего вынется такой кусочек, то тому на том свете будет лучше; и что тот, кто съест этот кусочек, в того войдет сам Бог.

Ведь это ужасно!

Как бы кто ни понимал личность Христа, то учение его, которое уничтожает зло мира и так просто, легко, несомненно дает благо людям, если только они не будут извращать его, это учение все скрыто, все переделано в грубое колдовство купанья, мазания маслом, телодвижений, заклинаний, проглатывания кусочков и т.п., так что от учения ничего не остается. И если когда какой человек попытается напомнить людям то, что не в этих волхвовании, не в молебнах, обеднях, свечах, иконах учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга, то поднимется стон негодования тех, которым выгодны эти обманы, и люди эти во всеуслышание, с непостижимой дерзостью говорят в церквях, печатают в книгах, газетах, катехизисах, что Христос никогда не запрещал клятву (присягу), никогда не запрещал убийство (казни, войны), что учение о непротивлении злу с сатанинской хитростью выдуманно врагами Христа (Речь Амвросия, епископа харьковского) .

Ужасно, главное, то, что люди, которым это выгодно, обманывают не только взрослых, но, имея на то власть, и детей, тех самых, про которых Христос говорил, что горе тому, кто их обманет. Ужасно то, что люди эти для своих маленьких выгод делают такое ужасное зло, скрывая от людей истину, открытую Христом и дающую им благо, которое не уравнивается и в тысячной доле получаемой ими от того выгодой. Они поступают, как тот разбойник, который убивает целую семью, 5-6 человек, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денег. Ему охотно отдали бы всю одежду и все деньги, только бы он не убивал их. Но он не может поступить иначе. То же и с религиозными обманщиками. Можно бы согласиться в 10 раз лучше, в величайшей роскоши содержать их, только бы они не губили людей своим обманом. Но они не могут поступать иначе. Вот это-то и ужасно. И потому обличать их обманы не только можно, но должно. Если есть что с! вященное, то никак уже не то, что они называют таинством, а именно эта обязанность обличать их религиозный обман, когда видишь его. Если чувашин мажет своего идола сметаной или сечет его, я могу равнодушно пройти мимо, потому что то, что он делает, он делает во имя чуждого мне своего суеверия и не касается того, что для меня священо; но когда люди, как бы много их ни было, как бы старо ни было их суеверие и как бы могущественны они ни были, во имя того Бога, которым я живу, и того учения Христа, которое дало жизнь мне и может дать ее всем людям, проповедают грубое колдовство, я не могу этого видеть спокойно. И если я называю по имени то, что они делают, то я делаю только то, что должен, чего не могу не делать, если я верую в Бога и христианское учение. Если же они вместо того, чтобы ужаснуться на свое кощунство, называют кощунством обличение их обмана, то это только доказывает силу их обмана и должно только увеличивать усилия людей, верующих в Бога и в учение Христа, для того, чтобы уничтожить этот обман, скрывающий от людей истинного Бога.

Про Христа, выгнавшего из храма быков, овец и продавцов, должны были говорить, что он кощунствует. Если бы он пришел теперь и увидел то, что делается его именем в церкви, то еще с большим и более законным гневом наверно повыкидал бы все эти ужасные антимины, и копыя, и кресты, и чаши, и свечи, и иконы, и все то, посредством чего они, колдуя, скрывают от людей Бога и его учение.

Так вот что справедливо и что несправедливо в постановлении обо мне синода. Я действительно не верю в то, во что они говорят, что верят. Но я верю во многое, во что они хотят уверить людей, что я не верю.

Верю я в следующее: верю в Бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека - в исполнении воли Бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви, что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, дает после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем и более всего другого содействует установлению ! в мире царства Божия, то есть такого строя жизни, при

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным
согласием, правдой и братской любовью людей между собою. Верю, что для
преуспеяния в любви есть только одно средство:

молитва, – не молитва общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. VI, 5–13), а молитва, образец которой дан нам Христом, – уединенная, состоящая в
восстановлении и укреплении в своем сознании смысла своей жизни и своей
зависимости только от воли Бога.

Оскорбляют, огорчают или соблазняют кого-либо, мешают чему-нибудь и кому-нибудь
или не нравятся эти мои верования, – я так же мало могу их изменить, как свое
тело. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и
потому я не могу никак иначе верить, как так, как верю. Готовясь идти к тому
Богу, от которого исшел. Я не говорю, чтобы моя вера была одна несомненно на все
времена истинна, но я не вижу другой более простой, ясной и отвечающей всем
требованиям моего ума и сердца; если я узнаю такую, я сейчас же приму ее, потому
что Богу ничего, кроме истинны, не нужно. Вернуться же к тому, от чего я с
такими страданиями только что вышел, я уже никак не могу, как не может летающая
птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла. "Тот, кто начнет с
того, что полюбит христианство более истинны, очень скоро полюбит свою церковь
или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое
спокойствие) больше всего на свете", – сказал Кольридж.

Я шел обратным путем. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более
своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же
люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с
христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство; и в той мере,
в какой исповедую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно
приближаюсь к смерти.

4 апреля 1901. Москва.

Лев Толстой. БЕССМЫСЛЕННЫЕ МЕЧТАНИЯ

17 января нынешнего 1895 г. русские представители дворянства и земства всех 70 с
чем-то губерний и областей России собрались в Петербурге для поздравления
нового, вступившего на место своего умершего отца, молодого русского императора.

За несколько месяцев до выезда представителей во всех губерниях России в
продолжение нескольких месяцев шли усиленные работы приготовления для этого
поздравления: собирались экстренные собрания, предлагали, избирали, интриговали;
придумывали форму верноподданнических адресов, спорили, придумывали подарки для
подношения, опять спорили, собирали деньги, заказывали, избирали счастливых,
которые должны были ехать и иметь счастье лично передать адреса и подарки; и,
наконец, люди ехали иногда по несколько тысяч верст со всех концов России с
подарками, новыми мундирами, заготовленными речами и радостными ожиданиями
увидать царя, царицу и говорить с ними.

И вот все приехали, собрались, доложились, явились к министрам тому и другому,
подверглись всем мытарствам, через которые проводили их, наконец дождались
торжественного дня и явились во дворец со своими подарками. Разные курьеры,
гофмейстеры, фурьеры, церемониймейстеры, камер-лакеи, адъютанты и т.п. захватили
их, водили, проводили, устанавливали, и, наконец, наступила торжественная
минута, и все эти сотни, большей частью старые, семейные, седые, почитаемые в
своей среде люди замерли в ожидании.

И вот отворилась дверь, вошел маленький, молодой человек в мундире и начал
говорить, глядя в шапку, которую он держал перед собой и в которой у него была
написана та речь, которую он хотел сказать. Речь заключалась в следующем.

"Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления
верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих
каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых
земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об
участии представителей земства в делах внутреннего управления. Путь все знают,
что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия
так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель".
Когда молодой царь дошел до того места речи, в котором он хотел выразить мысль о

том, что он желает делать все по-своему и не хочет, чтобы никто не только не руководил им, но даже не давал советов, чувствуя, вероятно, в глубине души, что и мысль эта дурная и что форма, в которой она выражена, неприлична, он смешался и, чтобы скрыть свой конфуз, стал кричать визгливым, озлобленным голосом.

Что же такое было? За что такое оскорбление всех этих добродушных людей?

А было то, что в нескольких губерниях: Тверской, главное Тверской, Тульской, Уфимской, еще какой-то земцы в своих адресах, исполненных всякой бессмысленной лжи и лести, намекали в самых темных и неопределенных словах о том, что хорошо бы земству быть тем, чем оно по своему смыслу должно быть и для чего оно было учреждено, т.е. чтобы иметь право доводить до сведения царя о своих нуждах. На эти-то намеки старых, умных, опытных людей, желавших сделать для царя возможным какое-нибудь разумное управление государством, потому что, не зная, как живут люди, что им нужно, нельзя управлять людьми, -- на эти-то слова молодой царь, ничего не понимающий ни в управлении, ни в жизни, ответил, что это -- бессмысленные мечтания.

Когда речь кончилась, наступило молчание. Но придворные прервали его криками "ура", и почти все присутствующие закричали тоже "ура".

После этого все представители поехали в собор и там служили молебен благодарственный. Некоторые из бывших тут говорят, что они не кричали "ура" и не ездили в собор; но если и были таковые, то их было мало, и не кричавшие "ура" и не ездившие в собор не заявили этого публично; так что не несправедливо сказать, что все или огромное большинство представителей радостно приветствовали ругательную речь царя и ездили в собор служить благодарственный молебен за то, что царь удостоил их за их поздравления и подарки назвать глупыми мальчишками.

Прошло 4 месяца, и ни царь не нашел нужным отречься от своих слов, ни общество не выразило своего осуждения его поступка (кроме одного анонимного письма). И как будто всеми решено, что так и должно быть. И депутации продолжают ездить и подличать, и царь так же принимает их подлости, как должное. Мало того, что все вошло в прежнее положение, все вступило в положение гораздо худшее, чем прежде. Необдуманый, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя стал совершившимся фактом; общество, все русское общество проглотило оскорбление, и оскорбивший получил право думать (если он и не думает, то чувствует), что общество этого само и стоит, что так и надо с ним обращаться, и теперь он может попробовать еще высшую меру дерзости и оскорбления и унижения общества.

Эпизод 17-го января был одним из тех моментов, когда две стороны, вступающие в борьбу между собою, примеряются друг к другу, и между ними устанавливаются новые отношения. Сильный рабочий человек встречается в дверях слабого мальчишку, барчука. Каждый имеет такое же право пройти первым, но вот нахальный мальчишка, барчук, отталкивает в грудь входящего рабочего и дерзко кричит: "Долой с дороги, дрянь этакая!"

Момент этот решающий: ответит ли рабочий спокойно руку мальчика, пройдет впереди его и тихо скажет: "Нехорошо так, миленькой, делать, я постарше тебе, и ты вперед так не делай". Или покорится, уступит дорогу и снимет шапку и извинится.

От этого момента зависят дальнейшие отношения этих людей и нравственное душевное состояние их. В первом случае мальчик опомнится, станет умнее и добрее, а рабочий свободнее и мужественнее; во втором случае нахальный мальчик делается еще нахальнее и рабочий еще покорнее.

То же столкновение произошло между русским обществом и царем, и благодаря своей необдуманности молодой царь сделал ход, оказавшийся очень выгодным для него и невыгодным для русского общества. Русское общество проглотило оскорбление, и столкновение разрешилось в пользу царя. Теперь он должен стать еще дерзновеннее и будет совершенно прав, если он еще больше будет презирать русское общество; русское же общество, сделав этот шаг, неизбежно сделает и следующие шаги в том же направлении и станет еще покорнее и подлее. Так оно и сделалось. Прошло 4 месяца, и не только не появилось протеста, но все с великим успехом готовятся к приему царя в Москве, к коронации и новым подаркам икон и всяких глупостей, и в газетах восхваляли мужество царя, отстоявшего святыню русского народа -самодержавие. Нашелся даже такой сочинитель, который упрекает царя за то, что он слишком мягко отозвался на неслыханную дерзость людей, решившихся намекнуть

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

н! а то, что для того, чтобы управлять людьми, надо знать, как они живут и что им нужно; и что надо было сказать: не "бессмысленные мечтания", а надо было разразиться громом на тех, которые посмели посягнуть на самодержавие -- святыню русского народа.

В газетах иностранных ("Times", "Daily News" и др.) были статьи о том, что для всякого другого народа, кроме русского, такая речь государя была бы оскорбительна, но нам, англичанам, судить об этом с своей точки зрения нельзя: русские любят это и им нужно это.

Прошло 4 месяца, и в известных, так называемых высших кругах русского общества установилось мнение, что молодой царь поступил прекрасно, так, как должно было поступить. "Молодец Ники, -- говорят про него его бесчисленные кузены, -- молодец Ники, так их и надо".

И течение жизни и управление пошло не только по-старому, но хуже, чем по-старому; те же ссылки без суда; те же отнятия детей у родителей; те же виселицы, каторги, казни; та же нелепая до комизма цензура, запрещающая все, что вздумается цензору или его начальнику; те же одурение и развращение народа.

Положение дел ведь такое: существует огромное государство с населением свыше 100 миллионов людей, и государство это управляемо одним человеком. И человек этот назначается случайно, не то что избирается из самых лучших и опытных людей наиболее опытный и способный управлять, а назначается тот, который прежде родился того человека, который прежде управлял государством. А так как тот, который прежде управлял государством, тоже назначался случайно по первородству, точно так же, как и его предшественник, -- и только родоначальник их всех был властителем, потому что достиг власти или избранием, или выдающимися дарованиями, или, как это бывало большей частью, тем, что не останавливался ни перед какими обманами и злодеяниями, -- то выходит, что становится управителем 100-миллионного народа не человек, способный к этому, а внук ! или потомок того человека, который выдающимися способностями или злодеяниями, или и тем и другим вместе, как это чаще всего бывало, достиг власти, -- хотя бы этот потомок не имел ни малейших способностей управлять, а был бы самым глупым и дрянным человеком. Положение это, если прямо посмотреть на него, представляется действительно бессмысленным мечтанием.

Ни один разумный человек не сядет в экипаж, если не знает, что кучер умеет править, и в поезд железной дороги, если машинист не умеет ездить, а только сын кучера или машиниста, который когда-то, по мнению некоторых, умел ездить; и тем менее не поедет в море на пароходе с капитаном, права которого на управление кораблем состоят только в том, что он -- внучатный племянник человека, который когда-то управлял кораблем. Ни один разумный человек не верит себя и свою семью в руки таких кучеров, машинистов, капитанов, а все мы живем в государстве, которое управляется, и неограниченно, такими сыновьями и внучатыми племянниками не только не хороших правителей, но на деле показавших свою неспособность к управлению людей. Положение это действительно совершенно бессмысленно и может быть оправдываемо только тем, что было время, когда люди верили, что эти властители суть какие-то особенные, сверхъестественные и! ли избранные Богом помазанные существа, которым нельзя не повиноваться. Но в наше время, -- когда уже никто не верит в сверхъестественное призвание этих людей к власти, никто не верит в святость помазания и наследственности, когда история уже показала людям, как свергали, прогоняли, казнили этих помазанников, -- положение это не имеет никаких оправданий, кроме того, что если предполагать, что верховная власть необходима, то наследственность такой власти избавляет государство от интриг, смут, междоусобий даже, которые неизбежны при другом роде избрания верховного властителя, и что смуты и интриги обойдутся народу дороже и тяжелее, чем неспособность, развращенность, жестокость управителей по наследству, если неспособность их будет восполняться участием представителей народа, а развращенность и жестокость их будет держаться в пределах ограничениями, поставленными их власти.

И вот на желания этих-то самых -- нераздельных с наследственностью власти -- участия в делах правительства и ограничения власти (хотя эти желания и были скрыты под толстым слоем самой грубой лести), на эти-то желания молодой царь с решительностью и дерзостью ответил: "не хочу, не позволю. Я сам".

Эпизод 17-го января напоминает то, что часто случается с детьми. Ребенок

начинает делать какое-нибудь непосильное ему дело. Старшие хотят помочь ему, сделать за него то, что он не в силах сделать, но ребенок капризничает, кричит визгливым голосом: "Я сам, сам" -- и начинает делать; и тогда, если никто не помогает ему, то очень скоро ребенок образумливается, потому что или обжигается, или падает в воду, или расшибает себе нос и начинает плакать. И такое предоставление ребенку делать самому то, что он хочет делать, бывает, если не опасно, то поучительно для него. Но беда в том, что при ребенке таком всегда бывают лстивые няньки, прислужницы, которые водят руками ребенка и делают за него то, что он хочет сам сделать, и он радуется, воображая, что он сделал сам, -- и сам не научается и другим часто делает вред.

То же бывает и с правителями. Если бы они действительно управляли сами, то управление их продолжалось бы недолго, они сейчас же бы наделали таких явных глупостей, что погубили бы других и себя, и царство их тотчас кончилось бы, что и было бы очень полезно для всех. Но беда в том, что как у капризных детей есть няньки, делающие за них то, что они воображают сами делать, так и у царей всегда есть такие няньки -- министры, начальники, дорожащие своими местами и властью, и знающие, что они пользуются ими только до тех пор, пока царь считается неограниченным.

Считается и предполагается, что правит делами государства царь; но ведь это только считается и предполагается: править делами государства один царь не может, потому что дела эти слишком сложны, он может только сделать все то, что ему вздумается по отношению тех дел, которые дойдут до него, и может назначать себе помощниками тех, кого ему вздумается; а править делами он не может потому, что это совершенно невозможно для одного человека. Правят действительно: министры, члены разных советов, директора и всякого рода начальники. Попадают же в эти министры и начальники люди никак не по достоинствам, а по проискам, интригам, большей частью женским, по связям, родству, угодливости и случайности. Лстесцы и лгуны, пишущие статьи о святине самодержавия, о том, что эта форма (форма самая древняя, бывшая у всех народов) есть особенно священное достояние русского народа, и что править народом царь должен неограниченно, но, к сож! алению, никто из них не объясняет, как должно действовать самодержавие, как именно должен и может править царь сам, один своим народом. В прежнее время, когда славянофилы проповедовали самодержавие, то они проповедовали его нераздельно с земским собором, и тогда, как ни наивны были мечтания славянофилов (сделавших много зла), понятно было, как должен был управлять самодержавный царь, узнавший от соборов нужды и волю народа. Но как может управлять теперь царь без соборов? Как кокандский хан? Да это нельзя, потому что в кокандском ханстве все дела можно было рассмотреть в одно утро, а в России в наше время для того, чтобы управлять государством, нужны десять тысяч ежедневных решений. Кто же поставляет эти решения? Чиновники. Кто же эти чиновники? Это люди, для достижения своих личных целей пролезавшие во власть и руководимые только тем, чтобы им получать побольше денег. В последнее время люди эти до такой степени у нас в России пали в нравственном и умственном значении, что е! сли они прямо не воруют, как воровали те, которых обличили и прогнали, -- они даже не умеют притвориться, что преследуют какие-нибудь общие государственные интересы, они только стараются как можно дольше получать свои жалованья, квартирные, разъездные. Так что управляет государством не самодержавная власть, -- какое-то особенное, священное лицо, мудрое, неподкупное, почитаемое народом, -- а управляет в действительности стая жадных, пронырливых, безнравственных чиновников, пристроившихся к молодому, ничего не понимающему и не могущему понимать молодому мальчику, которому наговорили, что он может прекрасно управлять сам один. И он смело отклоняет всякое участие в управлении представителей народа и говорит: "нет, я сам".

Так что выходит, что управляемы мы не только не волей народа, не только не самодержавным царем, стоящим выше всех интриг и личных желаний, как хотят представить нам царя настоящие славянофилы, -- но управляемы мы несколькими десятками самых безнравственных, хитрых, корыстных людей, не имеющих за себя ни, как прежде, родовитости, ни даже образования и ума, как тому свидетельствуют разные Дурново, Кривошеины, Деляновы и т.п., а управляемы теми, которые одарены теми способностями посредственности и низости, при которых только, как это верно определил Бомарше, можно достигнуть высших мест власти: *Mediocre et rampant, et on parvient a tout* (Будь посредственным и раболепным и достигнешь всего). Можно подчиняться и повиноваться одному человеку, поставленному своим рождением в особенное положение, но оскорбительно и унизительно пов! иноваться и подчиняться людям, нашим сверстникам, на наших глазах разными подлостями и гадостями

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
вылезшим на высшие места и захватившим власть. Можно было скрепя сердце подчиняться Иоанну Грозному и Петру Третьему, но подчиняться и исполнять волю Малюты Скуратова и немецких капралов, любимцев Петра III -- обидно.

В делах, нарушающих волю Бога, -- в делах, противных этой воле, я не могу подчиняться и повиноваться никому; но в делах, не нарушающих волю Бога, я готов подчиняться и повиноваться царю, какой бы он ни был. Он не сам стал на свое место. Его поставили на это место законы страны, составленные или одобренные нашими предками. Но зачем же я буду подчиняться людям, заведомо подлым или глупым, или и то и другое вместе, которые 30-летней подлостью пролезли во власть и предписывают мне законы и образ действий? Мне говорят, что по высочайшему повелению мне предписано [не] издавать таких-то сочинений, не собираться на молитву, не учить моих детей, как я считаю хорошим, а по таким-то началам и книгам, которые опрел[еляет] г-н Победоносцев; мне говорят, что по высочайшему повелению я должен отдавать подати на постройку броненосцев, должен отдать своих детей или имение тому и тому-то, или самому перестать жить, где я хочу, ! а жить в назначенном мне месте. Все это еще можно было бы перенести, если бы это точно было повеление царя; но ведь я знаю, что высочайшее повеление тут только слова, что делается это вовсе не тем царем, который номинально управляет нами, а делается это г-ном Победоносцевым, Рихтером, Муравьевым и т.п., которых прошедшее я знаю давно, и так знаю, что я не желаю иметь с ними ничего общего. И этим-то людям я должен повиноваться и отдать им все, что есть у меня дорогого в жизни.

Но и это бы можно было перенести, если бы дело шло только об унижении своем. Но, к сожалению, дело не в одном этом. Царствовать и управлять народом нельзя без того, чтобы не развращать, не одурять народ и не развращать и не одурять его тем в большей степени, чем несовершеннее образ правления, чем меньше управители выражают собою волю народа. А так как у нас самое бессмысленное и далекое от выражения воли народа правление, то при нашем управлении необходимо самое большое напряжение деятельности для одурения и развращения народа. И вот это одурение и развращение народа, совершающееся в таких огромных размерах в России, и не должны переносить люди, видящие средства этого одурения и развращения и последствия его.

1891

Лев Толстой. CARTHAGO DELEND A EST (Карфаген должен быть разрушен)

С каждым годом более и более учреждается обществ мира, чаще и чаще следуют один за другим конгрессы мира, на которых собираются лучшие люди Европы, обсуживая стоящий поперек дороги всякого движения человечества к осуществлению своих целей вопрос вооружения и приготовления к войне, произносятся речи, пишутся книги, статьи, брошюры, со всех сторон разъясняющие и освещающие этот вопрос. Нет уже теперь образованного и разумного человека, который бы не видел того ужасного, вопиющего зла, которое производят безумные приготовления к войне дружественно связанных между собой народов, не имеющих никаких причин для того, чтобы воевать друг с другом, и не думал бы о средствах уничтожения этого ужасного, безумного зла.

Все аргументы, начиная с Мольте и кончая г-ном Вогюэ, которыми люди, отстаивающие старый порядок, хотели бы защищать войну, давно уже безнадежно опровергнуты; давно уже разъяснено и доказано, что война поддерживает в людях не высшие, а самые низшие, зверские чувства; что для разрешения столкновений, возникающих между цивилизованными государствами, могут быть учреждены международные судилища, а для защита от воображаемого нападения варваров цивилизованным народам достаточно одной сотой тех войск, которые теперь содержатся государствами; несомненно доказано, что войны и приготовления к ним производятся только теми властвующими людьми, которым выгодны войны, и что для всех народов они только пагубны и бессмысленны.

Но, удивительное дело, тут же рядом с этим сознанием бесполезности, преступности и бессмысленности войны между образованными народами, к которой они все усиленно готовятся, в последнее время с особенной самоуверенностью, если не сказать наглостью, проявляются среди военного сословия самые противоположные чувства этому сознанию и выражаются так, как 40, 50 лет тому назад они не смели выражаться.

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Почти в одно и то же время в двух самых военных государствах -- в Германии и в России -- совершены офицерами возмутительные преступления: в Германии пьяный офицер убил беззащитного человека под предлогом оскорбления мундира. В России компания пьяных офицеров тоже под этим предлогом с помощью солдат, врываясь в дома, грабила и секла беззащитных жителей. Убийство, совершенное немецким офицером, произошло при следующих обстоятельствах:

"11-го октября, вечером, в кафе-ресторане "Тангейзер", который был переполнен народом, сидели два молодых лейтенанта местного гренадерского полка фон-Брюзевиц и фон-Юнг-Штиллинг. Около 12 часов ночи в залу вошли два штатских с двумя дамами и сели за столик около лейтенантов. Один из штатских, механик Зипман, задел своим стулом стул, на котором сидел лейтенант фон-Брюзевиц. Лейтенант счел себя оскорбленным и потребовал, чтобы Зипман перед ним извинился, на что тот возразил, что и не думал оскорблять лейтенанта. Тогда фон-Брюзевиц выхватил шпагу и хотел ударить ею Зипмана, но был остановлен хозяином ресторана и кельнером, что дало возможность Зипману скрыться.

-- Теперь моей чести капут. Я должен подать в отставку! -- воскликнул лейтенант, выходя из кафе, но, узнав от полицейского, что господин, похожий на Зипмана, не выходил на улицу, снова вернулся в кафе, надеясь там найти своего обидчика и вернуть свою честь. Действительно, он увидел там Зипмана и бросился на него с обнаженной шпагой, несмотря на то, что безоружный механик, убегая от офицера, усиленно просил у него извинения.

Произошла отвратительная сцена: среди оцепеневших мужчин и кричавших в ужасе женщин храбрый лейтенант гонялся за убегающим механиком и, наконец, нагнав его в углу двора, уложил на месте ударом шпаги. Опуская окровавленную шпагу в ножны, офицер с чувством удовлетворения произнес: "Чу, теперь моя честь спасена!"

Поступок русских офицеров еще отвратительнее: пьянствующие офицеры вывели из терпенья толпу, над которой они издевались, и одного из этих пьяных офицеров прибили и сорвали с него погоны. Офицер собрал товарищей и солдат и с этой командой пошел по домам евреев, врываясь в них, грабя жителей и отыскивая несчастные погоны. Погоны найдены были на мельнице, и тут начались истязания хозяев мельницы, истязания, кончившиеся смертью, как говорят некоторые. То, что сущность дела такова, -- в этом не может быть сомнения; подробности же могут быть неверны, и поправить их нельзя, потому что все это дело старательно было скрыто от всего русского общества. В газетах было только известие о том, что разжалуются в солдаты неизвестно за что двенадцать офицеров.

Казалось бы, что поступки как немецкого, так и русских офицеров таковы, что правительства как того, так и другого народа должны были бы принять все зависящие от них меры для того, чтобы поступить с этими одичавшими людьми так же, как оно поступает с гораздо менее развращенными и дикими уголовными преступниками, и позаботиться о том, чтобы искоренить тот дух, который воспитывает таких извергов. Ничуть не бывало. Как то, так и другое правительство, очевидно, сочувствует такому роду поступкам и поощряет их.

Вильгельм II -- qui laisse toujours passer l'occasion de se taire et ne laisse jamais passer l'occasion de dire une betise (который всегда пропускает случай смолчать и никогда не пропускает случая сказать глупость), сказал по случаю поступка убийцы Брюзевица, что если оскорблена честь мундира, то военный должен помнить, что оскорблен этим сам император, и они, офицеры, должны немедленно и основательно пустить в ход свое оружие.

Точно то же было и в России. Хотя при системе молчания и требования всеобщего молчания о всем том, что важно и интересно обществу, мы не знаем, что именно было сказано властями по этому случаю, мы знаем, что сочувствие высших властей на стороне этих защитников мундира и что поэтому--то и не были судимы эти преступники, и наказание им назначено то, которое обыкновенно очень скоро прекращается прощением и возвращением прежнего звания. Мы знаем это еще и потому, что такие случаи, как случай Брюзевица в Германии, за время царствования Александра III повторялись и в России несколько раз: было несколько убийств офицерами беззащитных граждан, и убийц не судили, или судили, ни к чему не присуждая. Мы знаем это еще и потому, что тот самый Александр III, которому присвоится почему-то эпитет миротворца и христианина, не только не воспрещал дуэлей, против которых боролись и борются все христианские импе- раторы и короли, но прямо предписал их законом, для того чтобы поддержать в войсках

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
пропадающий принцип чести военного звания.

50, 40 лет тому назад всего этого не могло быть: не было таких офицеров, которые бы убивали беззащитных людей за воображаемую честь мундира, и не было таких государей, которые одобряли бы убийство беззащитных граждан и узаконивали бы убийство на дуэли.

Случилось нечто подобное химическому разложению. Поваренная соль, пока она не разложена, не представляет ничего неприятного. Но, подвергшись разложению, она дает отвратительный удушливый газ хлор, который прежде, в соединении своем, был незаметен. То же сделалось в нашем обществе с военными людьми.

В прежнее время военный человек 30-х, 40-х, 50-х, даже 60-х годов, составляя нераздельную и необходимую часть тогдашнего общества, не представлял из себя не только ничего неприятного, но, как это было у нас, да и везде, я полагаю, представлял из себя, особенно в гвардии, цвет тогдашнего образованного сословия. Таковы были наши декабристы 20-х годов (далее отчеркнуто место с пометой пропустить: Тогдашние военные не только не сомневались в справедливости своего звания, но гордились им, часто избирая это звание из чувства самоотвержения.).

Не то уже представляют теперешние военные. В обществе совершилось разделение: лучшие элементы выделились из военного сословия и избрали другие профессии; военное же сословие пополнялось все худшим и худшим в нравственном отношении элементом и дошло до того отсталого, грубого и отвратительного сословия, в котором оно находится теперь. Так что на сколько более человечны, и разумны, и просвещенны стали взгляды на войну лучших не военных людей европейского общества и на все жизненные вопросы, на столько более грубы и нелепы стали взгляды военных людей нашего времени как на вопросы жизни, так и на свое дело и звание.

Оно и не могло быть иначе: военные люди за 30, 40 лет тому назад, никогда не слышавшие сомнения о достоинстве военного звания, наивно гордились им и могли быть добрыми, честными и, главное, вполне христиански просвещенными людьми, продолжая быть военными; теперь же это уже невозможно. Теперь для того, чтобы быть военным, человеку нужно быть или грубым, или непросвещенным в истинном смысле этого слова человеком, т.е. прямо не знать всего того, что сделано человеческой мыслью для того, чтобы разъяснить безумие, бесполезность и безнравственность войны и потому всякого участия в ней, или нечестным и грубым, т.е. притворяться, что не знаешь того, чего нельзя не знать, и, пользуясь авторитетом сильных мира сего и инерцией общественного мнения, продолжающего по старой привычке уважать военных, - делать вид, что веришь в высокое и важное значение военного звания.

Так оно и есть.

За 40 лет тому назад военные писатели, следя за всем тем, что делалось в Европе, писали о том, как уничтожить войну, или как по крайней мере сделать ее менее жестокой. Теперь же генерал, считающийся ученым и просвещенным военным, в ответ на статью об уничтожении войны, смело пишет:

"Вы усиливаетесь доказать, -- пишет он, -- будто протест против милитаризма мало-помалу доведет до полного устранения боевых столкновений; я же полагаю, что такое устранение немыслимо, ибо противоречит основному закону природы, которой равно дорого (и равно безразлично) разрушение, как и созидание; ведь ничего не разрушать и ничего не созидать -- одно и то же. Что бы вы ни созидали, вы неминуемо должны нечто и разрушать. Ах, господа, господа! Да неужели вам не приходит в голову, что превращение права "грубой" силы" в силу "деликатного" права не уничтожает первого права, а только переводит его в скрытое состояние? Неужели вы не замечаете, что сила права была бы очень не сильна, если бы у него за спиной не стоял полицейский, а за полицейским -- солдат, т.е. право силы? Что дает обязательную силу деликатным приговорам, вроде многих лет каторги, пускаться семьи по миру, для удовлетворения "законной" претензии какого-нибудь Шейлока? Должно быть, убеждены в праведности судьи, в нерушимости писанного закона, не правда ли?"

И, очевидно, воображая, что он открыл новость о том, что право держится насилием, и этим доказал необходимость войны, генерал этот спокойно проповедует то, что ему хочется и нужно, именно зверство диких животных, которые зубами раздирают добычу.

"Редкость столкновений на холодном оружии, -- говорит он, -- доказывает ничтожество не его, а тех, кто неспособен сойтись на дистанцию штыка или шашки; с военной точки зрения проповедь о ничтожестве холодного оружия есть отрицание самоотвержения и оправдание самосохранения, т.е., попросту говоря: апофеоза тру-сости" ("Новое время", 6-го ноября 1896 г., N 7434.).

30, 40, 50 лет тому назад такие статьи были невозможны. Еще менее возможны были такие руководства для солдат, сочинения того же автора, которые теперь распространяются между ними.

Во всех солдатских казармах для поучения тех миллионов людей, которые проходят солдатство, висит наставление под заглавием "памятка". В памятке этой сказано (она вся ужасна, но выписываю некоторые места):

"Сломится штык -- бей прикладом; приклад отказался -- бей кулаками; попортил кулаки -- вцепись зубами. Только тот бьет, кто отчаянно, до смерти бьется.

Трое наскочат: первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун. Храброго Бог бережет.

Умирай за веру православную, за царя батюшку, за святую Русь. Церковь Бога молит. Погубящий душу свою, обрящет ее". (Мало ему свое -- он Евангелием хочет подтвердить свое зверство). "Кто остался жив, тому честь и слава".

И, наконец, заключение:

"Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву. Молись Богу! От него победа! Чудо-богатыри! Бог вас водит, он вам генерал!"

И это кощунственное бешеное сочинение, которое мог произвести только мерзкий и пьяный человек, развешено во всех казармах, и все молодые люди во всей христианской России, поступившие на службу, должны изучать это сочинение и верить ему.

30, 40, 50 лет тому назад ничего подобного не могло быть. Да, разложение вещества совершилось, с одной стороны, натром, с другой стороны -- удушливым паром, который прежде не был замечен.

С одной стороны, конгрессы мира, солидарность всех просвещенных людей мира, ненавидящих войну и ищущих средств предотвратить и уничтожить ее; с другой стороны -- убийства и истязания беззащитных людей за честь мундира, памятки и статьи храброго генерала, отечески внушающего необходимость и пользу пожирания друг друга. Сопоставляя то и другое, мне вспоминается рассказ путешественника, присутствовавшего на празднестве дагомейцев, во время которого должны были быть убиты 300 пленных. Путешественник, стараясь говорить так, чтобы быть понятным, употребил все силы своего красноречия. для того, чтобы внушить дагомейским вождям о том, что убийство противно их же верованиям, о власти душ умерших над живыми, о том, что это против их выгоды, так как они могли бы заставить этих диких работать или воевать, о том, что это невыгодно, так как вызывает врагов делать то же с ! ng1049 их пленными.

Дагомейские вожди, опустив головы, украшенные перьями, с кольцами в носгах, сидели молча, -- как говорил путешественник, -- передавая друг другу чашу с пьяным напитком. Но когда он кончил, они вскочили и, оскалив зубы, подали знак воинам к убийству, и началась резня. А вожди, кривляясь своими обнаженными коричневыми телами, плясали вокруг, издавая хриплые, нечленораздельные звуки.

Таковыми представляются ввиду сложной, умной, утонченной, гуманной работы, которая идет среди лучших представителей европейского общества по вопросу войны, те грубые речи в рейхстагах, статьи газет, речь Вильгельма, и особенно эти самоуверенно отеческие наставления нашего генерала, товарища Богу по генеральству.

Очевидно, разложение совершилось, и то, что оно совершилось и вонючий пар не дает дышать нам, уже есть важный шаг вперед. Вонючий газ должен быть уничтожен. Точно так же и военное сословие, выделившись из общей жизни, стало отвратительно

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru и должно быть уничтожено. Но как же уничтожить его? Средство для этого есть только одно: общественное мнение, уяснение общественного мнения, значения и свойств военного сословия.

Люди эти, очевидно, составили вокруг себя удушливую, вонючую атмосферу, в которой живут и в которую не проникает тот свежий воздух, которым дышит уже большинство людей. Очевидно, люди не допускают до себя этот свежий воздух и, по мере распространения его, сгущают вокруг себя свою вонючую атмосферу. До них никак не доберешься: вы будете, как тот путешественник, усиливать свои доводы, доводить их до последней степени ясности, и в ответ на это вы ничего не услышите, кроме нечленораздельных звуков пляшущего дикого, потрясающего своим томагавком: услышите призывы к убийству для чести мундира и отеческие увещания: "Ах, господа, господа!.. не в этом дело, а надо выучиться грызть людей зубами" и т.п.

И что ужаснее всего, это то, что эти самые люди имеют власть, силу над другими людьми... Как же быть? Какое средство для того, чтобы уничтожить это? А средство есть только одно:

уничтожение той атмосферы уважения, восхваления своего сословия, своего мундира, своих знамен и т.д., за которыми скрываются эти люди от действия истины.

(1896)

Лев Толстой. О СОЦИАЛИЗМЕ

Вы желаете, чтобы я написал для вашей книги статью, касающуюся социальных и экономических вопросов, т.е. о том, в какую, по моему мнению, наилучшую с экономической точки зрения форму я желал бы, чтобы сложилось или должно сложиться современное общество. Желания вашего я никак не могу исполнить, во-первых, потому, что не знаю, не могу знать и думаю, что никто не может знать ни тех законов, по которым изменяется экономическая жизнь народов, ни той наилучшей формы экономической жизни, в какую должно сложиться современное общество, как это думают знать социалисты и их учителя, а во-вторых, еще и потому, что если бы я и воображал себе, что знаю законы, по которым движется человечество в своем экономическом развитии, а также и ту наилучшую форму экономического устройства, в которую оно должно сложиться, как это думали и думают все социалистические реформаторы от Сен-Симона, Фурье, Оуэна до Маркса, Энгельса, Бернштейна и других, я бы никак не решился бы сказать это. Не решился же бы я сказать этого потому, что имеющие в будущем сложиться экономические формы жизни человеческих обществ, по моему несомненному убеждению, так же мало могут быть предвидены и определены, как и будущее положение каждого отдельного живого человека, и что поэтому все эти вымышленные людьми законы и на основании этих законов предполагаемые различными людьми различные наилучшие устройства обществ не только не содействуют благу людей, но составляют одну из главных причин того неурядиства человеческих обществ, от которого теперь страдают люди нашего времени.

Думаю я так потому, что человек может находить и устанавливать посредством наблюдений и рассуждений законы движения небесных тел, жизни растений, а также и животных, но никак не может подводить свою жизнь и жизнь себе подобных существ, обладающих разумом и волею, под законы, выведенные из наблюдения над внешнею жизнью человечества, не принимая во внимание тех особенных свойств разума и воли, которыми обладают только люди. Делать это все равно, что отыскивать и определять законы жизни животных, обладающих способностью произвольного передвижения, внешними чувствами и инстинктом, на основании законов, выведенных из наблюдений над мертвым веществом или хотя бы над растениями, не обладающими свойствами животных.

Правда, человек может спуститься и спускается до степени животного и тогда подлечит законам животной жизни и даже мертвой материи, но в общих своих проявлениях человек всегда был и есть существо, отличающееся от всех других существ животного и вещественного мира, ему одному свойственным разумом и свободною волею. И потому жизнь его всякая, и семейная, и общественная, и политическая, и международная, и экономическая складывается, складывалась и должна складываться никак не на основании выведенных из наблюдения общих объективных законов, провозглашаемых разными теоретиками в политическом устройстве народов и в области экономической разными Марксами, Энгельсами,

Бернштейнами и т.п., а всегда только на основании совершенно другого, одного для всех людей закона жизни, провозглашенного с древнейших времен и браминами, и Буддой, и Лао-Тце, и Сократом, и Христом, и Марком Аврелием, и Эпиктетом, и Руссо, и Кантом, и Эм! ерсоном, и Чанингом, и всеми религиозно-нравственными мыслителями человечества. Религиозно-нравственный закон этот, определяя все проявления жизни человеческой, и семейные, и общественные, и политические, и международные, определяет в том числе и экономические, определяет их совершенно иначе, чем это делают все политические, международные, общественные и социалистические учения. Различие это заключается во-первых в том, что тогда как все объективные законы и выведенные из них учения, по которым должны быть устроены человеческие общества, бесконечно разнообразны и противоречат одно другому; религиозно-нравственный закон в своих главных основах, хотя бы в том, признаваемом всеми людьми и всеми религиозными учениями положении о том, что всякий человек не должен делать того, чего себе не хочет, религиозно-нравственный закон -- один и для всех людей один и тот же. Различие это, во-вторых и главное, заключается в том, что тогда как все политические, международные, общественные, а также и социалистические учения предредают те формы, в которые будто бы должна сложиться жизнь людей, и требуют от людей усилий для достижения именно этих, вперед определенных форм, религиозно-нравственный закон, не предредая никаких форм жизни, ни семейной, ни политической, ни международной, ни экономической, требует от людей только воздержания во всех областях жизни от поступков противных этому закону, одним исполнением этого закона достигая всего того блага, которое тщетно обещают все политические, а также и социалистические учения.

Различие это подобно тому, какое было бы между двумя артелями работников, приставленных хозяином к одному и тому же делу -- положим, к земляным работам для проведения дороги. Работникам даны орудия для работы и приказано ровнять по проложенным линиям землю, но не сказано, для чего именно предназначена работа. Одна из двух артелей, составленная из людей горячих, легкомысленных и потому самоуверенных, не будучи в состоянии понять, для чего предназначена работа, находит, что указания, данные хозяином, неясны, неопределенны и едва ли к чему-нибудь пригодны, и для того, чтобы придать смысл своей работе, люди этой артели придумывают более определенную цель. Одни решают, что вместо того, чтобы ровнять без всякой видимой им цели землю, разумнее будет копать гряды для посадки капусты, другие же, что еще лучше будет копать землю в глубину для отыскания клада или золота, третьи же предполагают, что полезнее было бы копанье пруда или колодца и на это направляют свои силы. Делая же не то, что предписано хозяином, а сами придумывая цели для своей деятельности, работники ссорятся между собой, мешают друг другу и не только не делают того, что могли бы сделать и что нужно для их же блага, но еще и портят свою жизнь теми раздорами, которые неизбежно возникают между ними. Так поступают люди, предредающие кажушиеся им наилучшие формы общественной, политической, экономической жизни и полагающие свои силы на осуществление этих форм жизни. Люди же, следующие религиозно-нравственному закону, подобны тем разумным работникам, которые, делая то, что предписано им хозяином, вполне уверены, что из исполнения ими воли хозяина ничего, кроме добра во всех отношениях, для них не может выйти.

Казалось бы, так просто, так естественно, так свойственно разумному существу -- человеку руководиться в своей короткой, всякую минуту могущей быть оборванной жизни тем общим религиозно-нравственным законом, который живет в душе каждого человека и который выражен и признается всеми великими религиями человечества, а никак не теми взаимно противоречивыми требованиями осуществления признаваемых людьми наилучшими форм жизни, достигаемых всегда только нарушениями требований нравственного закона. А между тем с древнейших времен совершалось, совершается и теперь и считается необходимым это самое нарушение религиозно-нравственного закона для осуществления и поддержания того или иного устройства жизни, считаемого теми или другими людьми наилучшим. Все правительства, от самых деспотических до самых либеральных, все революционные партии, все коммунисты, социалисты, всех возможных оттенков проповедают и делают это. Отчего! отчего? А от той общей причины тех бедствий, которые сами себе наносят люди, от суеверия. Подчиняясь этому суеверию, люди придумывают себе какие кому более нравятся цели -- то государственные, то патриотические, то социалистические, то коммунистические, то анархические, и вместо исполнения своего истинного назначения и приобретения предназначенного всем блага, направляют все силы свои на устройство жизни других людей и, как и не может быть иначе, достигают не только не ожидаемого блага, но все большего и большего упадка нравственности и все большего и большего ухудшения своей жизни. Все войны, все казни, все

революции, все ограбления трудящихся нетрудящимися, все общественные бедствия жидутся только на этом суеверии. В сущности ведь это не может быть иначе. Ведь как только я верю, что могу знать то лучшее устройство жизни, в которое могут сложиться люди! , то и не имею никакой другой, кроме лично эгоистической цели в жизни.

Укажу хоть на один пример. Социалистическое учение требует, чтобы произведениями труда пользовались трудящиеся. Но кто же отнимает у трудящегося его труд? Капиталисты. Кто же дает капиталистам возможность отнимать у трудящегося его труд? Власть. Власть же -- это полиция, войско. Войско же и полиция составлены из тех самых людей, у которых капиталисты отнимают их труд. Зачем же эти люди делают это, сами у себя отнимают произведение своего труда? Затем, что они обмануты. Стало быть, все дело в обмане. Что же проповедуют социалистические учения для того, чтобы избавиться от этого обмана? Всякого рода соединения во имя выгод рабочих: кооперации, стачки, распространение социалистических учений. Но разве все эти меры могут уничтожить тот обман, посредством которого одни люди находят нужным обманывать других, а другие подчиняются этому обману. Допустим, что одни устроители общества, пускай это будут социал! исты, будут в состоянии предписывать законы, которые должны будут подчиняться капиталисты и всякие собственники. Но ведь никогда не было и не может быть, да и не будет того, чтобы устроители общества пришли бы к оному признаваемому всеми наилучшему устройству общества. А как скоро не будет такого согласия, необходимо будет (как оно всегда и было, есть и теперь) употребление власти, т.е. насилия одних людей над другими. Для того же, чтобы было насилие, необходимо, чтобы продолжался тот самый обман, вследствие которого люди насилуют самих себя по воле тех людей, какие в данное время имеют власть.

Власть же для того, чтобы быть властью, должна поддерживать этот обман всякого рода обманами и жестокостями, направленными против обманутого народа: она должна иметь тюрьмы, даже казни, должна иметь полицию, войско, т.е. людей, без рассуждения обязанных исполнять приказанное до убийства включительно. А разве возможно предположить, чтобы при обязательности, *conditio sine qua non* (необходимое условие) такой деятельности, какая бы то ни была власть могла содействовать благу народа.

Что же нужно сделать для того, чтобы люди перестали подчиняться этому обману, перестали бы насиловать самих себя? Очевидно, есть только одно средство: соединение всех людей в одном общем всем законе жизни, из которого вытекало бы и устройство общественной жизни. И закон этот есть и сразу уничтожает ту главную причину существующего зла, заключающегося в обмане, вследствие которого люди насилуют самих себя и дают возможность капиталистам отнимать у работников произведения их труда. Только следуя человеку религиозно-нравственному закону, не допускающему насилия человека над человеком, ни какого бы то ни было участия в таком насилии, и насилие, главная причина несправедливого экономического устройства жизни, само собой уничтожается.

"Да, но ведь это было бы так, если бы все люди отказались от участия в насилии. То же, что один человек откажется от уплаты податей, от солдатушки, что же из этого", скажут на это. Но ведь он отказался не потому, что ему это выгодно или невыгодно. Отказался он от участия в насилии над людьми -- плата ли податей или военная служба -- не потому, что он хочет достигнуть этим какой-либо цели, а только потому, что он сделал тот вывод, который не может не сделать ни один человек из того, если не религиозного, то нравственного закона, который каждый исповедует и без признания которого жизнь человека станет жизнью ниже животной.

И потому важно не количество отказавшихся от участия в насилии людей, а важно то, во имя чего отказываются люди. И потому один отказавшийся несравненно могущественнее всех тех миллионов людей, которые будут мучить, держать в тюрьме, казнить этого одного отказавшегося.

И поступок его значительнее, богаче последствиями всех возможных парламентских речей, конгрессов мира, социализма и всех этих забав и средств срывания от себя истины. И правительства и капиталисты очень хорошо знают это. Знают это чувством самосохранения и везде, в Японии даже, запрещают книги, провозглашающие эту простую, всем известную правду, и сажают в тюрьмы тех людей, которые в жизни своей исповедуют ее. Правительства и капиталисты знают, где угрожающая им опасность. Не могут не знать, потому что в этом для них вопрос жизни и смерти. Вопрос жизни или смерти для них в провозглашении или непроезглашении той

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
простой правды, что всякому человеку, такому ж, как все другие, обладающему разумом и способностью любви, нет никакой надобности отдаваться на год в рабство чуждым ему людям и под их руководством учиться убивать и убивать тех людей, которых ему велят убивать, и не только нет никакой надобности, что дело это са! мое преступное, противное самой не чуткой совести и, кроме того, самое вредное для того, кто соглашается его делать, а также и для всех его братьев.

Вот это то пробуждающееся сознание, а никак не социализм, страшен правительствам и капиталистам. Социализм же, парламентаризм и всякие конгрессы, напротив, полезны правительствам и капиталистам: все эти учреждения со своими сложными разглагольствованьями, спорами, самым действительным способом скрывают от людей главную причину того зла, против которого они будто бы борются.

Да, люди нашего, так называемого христианского мира все живут только суевериями: суеверие церкви, суеверие государства, суеверие науки, суеверие устроительства, суеверие патриотизма, суеверие искусства, суеверие прогресса, суеверие социализма. Оно и не может быть иначе: когда нет веры, не могут не быть суеверия. А веры нет. Христианский мир пережил христианство в тех грубых формах, в которых оно выразилось и выражается в католицизме, ортодоксии, протестантстве. И это бы ничего, если бы люди поняли, что так как им нужна религия, и они пережили церковное христианство, которое уже не отвечает их требованиям, то им надо все силы употребить на то, чтобы найти те разумные основы жизни, на которых бы они могли основать свою жизнь. Но к несчастью в нашем христианском мире случилось нечто скрывающее и скрывающее от людей их бедственное положение -- скрывающее на время, потому что это бедственное положение отрезвит людей -- случилось то, что вместо того, чтобы, потеряв! главную основу жизни -- религию, все силы направить на установление тех религиозных основ, без которых никогда не жило и не может жить человечество, наш европейский так называемый образованный мир очень обрадовался тому, что нет религии, и решил, что ее совсем и не нужно, что мы давно уже стоим выше этих грубых суеверий каких-то религиозных учений. "Это диким, которые ездили на волах, нужна была религия, а мы гораздо выше этого. У нас есть прогресс, эволюция, теория атомов, эфир, радий. Не только мы делаем 60 в час, но перелетели через Альпы, ездим под водой, синематограф, телефоны, граммофоны, беспроволочный телеграф. Чего же еще? То же, что есть миллиардеры, не знающие куда поместить свои капиталы, и миллионы безработных рабочих, которые как милости ждут работы, и что 13 миллиардов ежегодно тратится на вооружения и миллиону людей стоят под ружьем, всякую минуту по воле нескольких людей могущие начинать убивать друг друга сотням! и тысяч, все это не важно, потому что все это устраняется тем социализмом и конгрессами мира, которыми мы усердно занимаемся. Какая же тут религия. Смешно даже при той высокой степени нашего развития говорить о таких устарелых глупостях".

Да, поразительно одурение нашего, так называемого образованного мира!

Так что в конце концов краткий смысл длинных рассуждений следующий. Вам, молодым людям, людям 20 столетия, людям будущего, если вы точно хотите исполнить свое высшее человеческое назначение, надо прежде всего освободиться, во-первых, от суеверия о том, что вы знаете, в какую форму должно сложиться человеческое общество будущего, во-вторых, от суеверия патриотизма, чешского или славянского, в-третьих, от суеверия науки, т.е. слепого доверия всему тому, что вам передают под фирмой научной истины, в том числе и разные экономические и социалистические теории, в-четвертых, от главного суеверия, источника всех зол нашего времени, о том, что религия отжила свое время, а есть дело прошлого. Освободившись же от этих суеверий, вам надо прежде всего постараться изучить все то, что в области определения истинных основ, религиозных основ жизни сделано всеми величайшими мыслителями мира, и, ! усвоив разумное, религиозное мировоззрение, исполнять его требования не для того, чтобы достигнуть вами или кем бы то ни было определенной цели, а для того, чтобы исполнить свое назначение человека, несомненно ведущее к неведомой нам, но несомненной благой цели.

1910

Лев Толстой. СЛАВЯНСКОМУ СЪЕЗДУ В СОФИИ

Получил приглашение ваше и с радостью приехал бы, если бы не мои года и нездоровье. Приехал бы с тем, чтобы лично побеседовать с вами о том предмете, который собрал вас. Постараюсь сделать это хотя письменно.

Единение людей, то самое, во имя чего вы собрались, есть не только важнейшее дело человечества, но в нем я вижу и смысл, и цель, и благо человеческой жизни. Но для того, чтобы деятельность эта была благодетельна, нужно, чтобы она была понимаема во всем ее значении без умаления, ограничения, извращения. Так это по отношению всех важнейших деятельностей человеческих, так это и по отношению религии, любви, служения человечеству, науки, искусства. Все до конца, до последних выводов, как бы они ни были чужды или неприятны нам. Все или ничего. И именно ничего, а не кое-что, потому что все эти величайшие деятельности человеческой души, как только они не доведены до конца, не только не полезны, не только не приносят свою, хоть малую пользу, как думают и говорят многие, но губительны и более всего другого задерживают достижение той самой цели, к которой они как будто бы стремятся. Так это с религией, допускающей слепую веру, так это с любовью, допускающей борьбу -- противление, так это со служением людям, допускающим насилие над людьми. Так во всем и особенно в деятельности, имеющей целью единение людей.

Несомненно, что соединенные люди сильнее разъединенных. Семья сильнее отдельного человека. Шайка грабителей сильнее, чем каждый порознь. Община сильнее отдельных личностей. Соединенное патриотизмом государство сильнее разрозненных народностей. Но дело в том, что преимущество соединенных людей против разъединенных и неизбежное последствие этого преимущества, порабощение или хотя бы эксплуатация разъединенных, естественно вызывает в разъединенных желание соединиться для того, чтобы сначала противодействовать насилию, а потом и совершать его. Славянским народностям естественно, испытывая на себе зло соединения австрийского, русского, германского, турецкого государств, желать для противодействия этому злу, сложиться в свое соединение, но новое соединение это, если только состоится, неизбежно будет вовлечено точно в такую же деятельность не только борьбы с другими единениями, но и в подавление и эксплуатацию более слабых соединений и отдельных личностей.

Да, в единении и смысл, и цель, и благо человеческой жизни, но цель и благо это достигаются только тогда, когда это единение всего человечества во имя основы, общей всему человечеству, но не единение малых или больших частей человечества во имя ограниченных, частных целей. Будь это единение семьи, шайки грабителей, общины или государства, народности или "священный союз" государств, такие соединения не только не содействуют, но более всего препятствуют истинному прогрессу человечества. И только для того, чтобы сознательно служить истинному прогрессу, я, по крайней мере, так думаю, должно не содействовать всем таким частным соединениям, а всегда противодействовать им. Единение есть ключ, освобождающий людей от зла. Но для того, чтобы ключ этот исполнил свое назначение, нужно! , чтобы он был продвинут до конца, до того места, где он отворяет, а не ломается сам и не ломает замок. Так и единение для того, чтобы оно могло произвести свойственные ему благодетельные последствия, оно должно иметь целью единение всех людей, во имя общего всем людям, одинаково признаваемого всеми начала. А таким единением может быть только единение, основанное на той религиозной основе жизни, которая одна соединяет людей и, к несчастью, признается ненужной, отжившей большинством людей, в наше время руководящим народами.

Мне скажут: мы признаем и эту религиозную основу, но не отрицаем и основы единения племенной, народной, государственной. Но дело в том, что одно исключает другое. Если признано целью жизни человечества единение всемирное, религиозное, то это самое признание отрицает всякие другие основы единения и наоборот, признание основой единения начала племенного, народного, патриотическо-государственного неизбежно отрицает религиозное начало, как действительную основу жизни.

Думаю, почти уверен, что эти высказанные мною мысли будут признаны неприложимыми и неправильными, но я счел своим долгом вполне откровенно высказать их тем людям, которые, несмотря на мое отрицание племенного и народного патриотизма, все-таки более близки мне, чем люди других народов. Скажу более, откинув соображения о том, что по этим словам моим меня могут уличить в непоследовательности и противоречии самому себе, скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказал, моя вера в то, что та основа всеобщего религиозного единения, которая одна может, все более и более соединяя людей, вести их к свойственному им благу, что эта основа будет принята прежде всех других народов христианского мира народами именно славянского племени.

Лев Толстой. ДОКЛАД, ПРИГОТОВЛЕННЫЙ ДЛЯ КОНГРЕССА О МИРЕ В СТОКГОЛЬМЕ

Любезные братья,

мы собрались здесь для того, чтобы бороться против войны. Войны, т.е. того, для чего все народы мира, миллионы и миллионы людей, отдают в бесконтрольное распоряжение нескольких десятков лиц, иногда одного человека, не только миллиарды рублей, талеров, франков, иенов, представляющих большую долю сбережений их труда, но самих себя, свои жизни. И вот мы, десяток собравшихся с разных концов земли частных людей, не имеющих никаких особых преимуществ и, главное, никакой власти ни над кем, намереваемся бороться, а если хотим бороться, то надеемся и победить эту огромную силу не одного, а всех правительств, имеющих в своем распоряжении миллиарды денег и миллиону войск и очень хорошо знающих, что то исключительное положение, в котором находятся они, т.е. люди, составляющие правительства, основано только на войске -- войске, имеющем смысл и значение только тогда, когда есть война, та самая война, с которой мы хотим бороться и которую мы хотим уничтожить.

Борьбы при таких неравных силах должна представляться безумием. Но если вдуматься в значение тех средств борьбы, которые в руках тех, с кем мы хотим бороться, и тех, которые в наших руках, то удивительным покажется не то, что мы решаемся бороться, но то, что существует еще то, с чем мы хотим бороться. В их руках -- миллиарды денег, миллионы покорных войск, в наших руках только одно, но зато могущественнейшее средство в мире -- истина.

И потому, как ни ничтожны могут показаться наши силы в сравнении с силами наших противников, победа наша так же несомненна, как несомненна победа света восходящего солнца над темнотою ночи.

Победа наша несомненна, но только при одном условии, при том, что, высказывая истину, мы будем высказывать ее всю, без всяких сделок, уступок и смягчений. Истина же эта так проста, так ясна, так очевидна, так обязательна не только для христианина, но для всякого разумного человека, что стоит только высказать ее всю во всем ее значении, чтобы люди уже не могли поступать противно ей.

Истина эта во всем ее значении в том, что за тысячи лет до нас сказано в законе, признаваемом нами Божьим, в двух словах: не убий, истина в том, что человек не может и не должен никогда, ни при каких условиях, ни под каким предлогом убивать другого.

Истина так очевидна, так признается всеми, так обязательна, что стоит только ясно и определенно поставить ее перед людьми, чтобы то зло, которые называется войной, стало совершенно невозможно. :

И потому думаю, что если мы, собравшиеся здесь на конгрессе мира, вместо того, чтобы ясно и определенно высказать эту истину, будем, обращаясь к правительствам, предлагать им разные меры для уменьшения зла войн или для того, чтобы они все реже и реже возникали, то будем подобны людям, которые, имея в руках ключ от двери, ломались бы через стены, которые, они знают, что не могут быть разрушены их усилиями. Перед нами миллионы вооруженных, все более и более вооружаемых людей, приготавливаемых к все более и более успешному убийству. Мы знаем, что все эти миллионы людей не имеют никакого желания убивать себе подобных, большей частью не знают даже того повода, по которому их заставляют делать это противное им дело, тяготятся своим положением подневольности и принуждения, знаем, что убийства, по временам совершаемые этими людьми, совершаются по повелению правительств; знаем, что существование правительств обусловлено войсками. И мы, люди, желающие уничтожения войны, не находим ничего более целесообразного для этого уничтожения, как то, чтобы предлагать, кому же? правительствам, существующим только войсками, следовательно войною, такие меры, которые уничтожили бы войну, т.е. предлагаем правительствам самоуничтожение.

Правительства будут с удовольствием слушать все такие речи, зная, что такие рассуждения не только не уничтожат войну и не подорвут их власть, но еще больше скроют от людей то, что им нужно скрыть для того, чтобы могли существовать и войска, и войны, и они сами, распоряжающиеся войсками.

"Но ведь это анархизм: без правительств и государств никогда не жили люди. А потому правительства и государства и военная сила, ограждающая их, суть необходимые условия жизни народов", -- скажут мне.

Не говоря о том, возможна или невозможна жизнь христианских, да и всех народов без войск и войн, ограждающих правительства и государства, допустим, что людям для своего блага необходимо рабски подчиняться состоящим из неизвестных им людей учреждениям, называемым правительствами, необходимо отдавать этим учреждениям произведения своего труда, необходимо исполнять все требования этих учреждений, включая и убийство своих ближних, допустим все это; остается все-таки неразрешимое в нашем мире затруднение. Затруднение это в невозможности согласования той христианской веры, которую с особенным подчеркиванием исповедуют все люди, составляющие правительство, с составленными из христиан войсками, приготавливаемыми к убийству. Как ни извращай христианское учение, как ни замалчивай главные его положения, основой смысла этого учения все-таки только в любви к Богу и ближнему -- к Богу, т.е. к высшему совершенству добродетели, и к ближнему, т.е. ко всем людям без различия. И потому, казалось бы, неизбежно признать одно из двух:

или христианство с любовью к Богу и ближнему, или государство с войсками и войнами? г

Очень может быть, что христианство отжило и что, выбирая одно из двух: христианство и любовь или государство и убийство, люди нашего времени найдут, что существование государства и убийства настолько важнее христианства, что надо забыть про христианство, а держаться только того, что важнее для людей: государства и убийства.

Все это может быть, по крайней мере могут люди думать и чувствовать так. Но тогда так и надо сказать. Надо сказать, что люди в наше время должны перестать верить тому, что говорит совокупная мудрость всего человечества, что говорит исповедуемый ими закон Бога, перестать верить в то, что записано неизгладимыми чертами в сердце каждого человека, а должны верить только тому, что будет повелено, включая и убийство, разными людьми, случайно, по наследству ставшими императорами, королями, или по разным интригам, по выборам ставшими президентами, депутатами палат парламентов. Так и сказать надо.

Сказать же этого нельзя. Нельзя сказать не только этого, но нельзя сказать ни того, ни другого. Сказать, что христианство запрещает убийство, не будет войска, не будет правительства. Сказать, что мы, правители, признаем законность убийства и отрицаем христианство, никто не захочет повиноваться такому правительству, основывающему свою власть на убийстве. Да и кроме того, если разрешается убийство на войне, то оно тем более должно быть разрешено для народа, отыскивающего свое право в революции. И потому правительства, не имея возможности сказать ни то, ни другое, стараются только о том, чтобы скрыть от своих подданных неизбежность решения дилеммы.

И потому для противодействия злу войны нам, собравшимся здесь, если мы точно хотим достигнуть своей цели, нужно только одно: поставить эту дилемму с полной определенностью и ясностью как перед людьми, составляющими правительства, так и перед массами народа, составляющими войско. Для того же, чтобы это сделать, мы должны ясно, открыто не только повторить ту истину, о том, что человек не должен убивать человека, но и разъяснить то, что никакие соображения не могут уничтожить для людей христианского мира обязательность этой истины.

И потому я предложил бы нашему собранию составить и обнародовать такое воззвание к людям всех и в особенности христианских народов, в котором мы ясно и определенно высказали бы то, что все знают, но никто или почти никто не говорит, а именно то, что война не есть, как это признается теперь большинством людей, какое-то особенно доброе, похвальное дело, а есть, как всякое убийство, гадкое и преступное дело, как для тех людей, которые свободно избирают военную деятельность, так и для тех, которые из страха наказания или из корыстных видов избирают ее.

По отношению лиц, свободно избирающих военную деятельность, я предложил бы ясно и определенно высказать в этом воззвании то, что несмотря на всю ту торжественность, блеск и всеобщее одобрение, которыми обставляется эта деятельность, деятельность эта преступная и постыдная, и тем более преступная и

постыдная, чем выше положение, занимаемое человеком в военном сословии. Точно так же предложил бы высказать ясно и определенно по отношению людей из народа, которые призываются в военную службу угрозами наказания или подкупом, ту грубую ошибку, которую они делают и против своей веры, и против нравственности, и против здравого смысла, когда соглашаются поступать в войско: против веры тем, что, поступая в ряды убийц, нарушают признаваемый ими закон Бога; против нравственности тем, что из страха наказания со стороны властей или из корыстных видов соглашаются делать то, что в душе своей признают нехорошим; и против здравого смысла тем, что, поступая в войско, рискуют в случае войны теми же самыми, если не более тяжелыми бедствиями, чем те, которые им угрожают за отказ; главное же, поступают противно здравому смыслу уже явно, потому что вступают в то самое сословие людей, которое лишает их их свободы и принуждает проступить в солдаты.

По отношению и тех и других я предложил бы ясно высказать в этом воззвании ту мысль, что для людей истинно просвещенных и потому свободных от суеверия военного величия (а таковых с каждым днем становится все больше и больше) военное дело и звание, несмотря на все усилия скрыть его истинное значение, -- есть дело столь же и даже гораздо более постыдное, чем дело и звание палача, так как палач признает себя готовым убивать только людей, признанных вредными и преступниками, военный же человек обещается убивать и всех тех людей, которых только ему велят убивать, хотя бы это были и самые близкие ему и самые лучшие люди.

Человечество вообще, особенно же наше христианское человечество, дожило до такого резкого противоречия между своими нравственными требованиями и существующим общественным устройством, что неизбежно должно измениться не то, что не может измениться, нравственные требования общества, а то, что может измениться, общественное устройство. Изменение это, вызываемое внутренним противоречием, особенно резко выражающееся в приготовлениях к убийству, готовится с разных сторон и с каждым годом, днем становится все более и более настоятельным. Напряжение, требующее этого изменения, дошло в наше время до такой степени, что как для перехода жидкого тела в твердое нужно небольшое усилие электрического тока, так точно и для перехода той жестокой и неразумной жизни людей нашего времени с их разделениями, вооружениями и войсками к жизни разумной, свойственной требованиям сознания современного человечества, может быть, нужно только небольшое усилие, иногда одно слово. Каждое такое усилие, каждое такое слово может быть тем толчком в переохлажденной жидкости, который мгновенно претворяет всю жидкость в твердое тело. Почему наше теперешнее собрание не было бы этим усилием? Как в сказке Андерсена, когда царь шел в торжественном шествии по улицам города и весь народ восхищался его прекрасной новой одеждой, одно слово ребенка, сказавшего то, что все знали, но не высказывали, изменило все. Он сказал: "На нем нет ничего", и внушение исчезло, и царю стало стыдно, и все люди, уверявшие себя, что они видят на царе прекрасную новую одежду, увидели, что он голый. То же надо сказать и нам, сказать то, что все знают, но только не решаются высказать, сказать, что как бы ни называли люди убийство, убийство всегда есть убийство, преступное, позорное дело. И стоит ясно, определенно и громко, как мы можем сделать это здесь, сказать это, и люди перестанут видеть то, что им казалось, что они видели, и увидят то, что действительно видят. Перестанут видеть: служение отечеству, геройство войны, военную славу, патриотизм, и увидят то, что есть: голое, преступное дело убийства. А если люди увидят это, то и сделается то же, что сделалось в сказке: тем, кто делает преступное дело, станет стыдно, а те, кто уверял себя, что они не видят преступности убийства, увидят его и перестанут быть убийцами.

Но как будут защищаться народы от врагов, как поддерживать внутренний порядок, как могут жить народы без войска?

В какую форму сложится жизнь людей, отказавшихся от убийства, мы не знаем и не можем знать. Одно несомненно, то, что людям, одаренным разумом и совестью, естественнее жить, руководствуясь этими свойствами, чем рабски подчиняться людям, распоряжающимся убийством друг друга, и что поэтому та форма общественного устройства, в которую сложится жизнь людей, руководствующихся в своих поступках не насилием, основанным на угрозе убийства, а разумом и совестью, будет во всяком случае не хуже той, в которой они живут теперь.

Вот все, что я хотел сказать. Очень буду сожалеть, если то, что я сказал, оскорбит, огорчит кого-либо и вызовет в нем недобрые чувства. Но мне, 80-летнему

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
старика, всякую минуту ожидающему смерти, стыдно и преступно было бы не сказать всю истину, как я понимаю ее, истину, которая, как я твердо верю, только одна может избавить человечество от неисчислимых претерпеваемых им бедствий, производимых войной.

4 августа 1909г.

ДОБАВЛЕНИЕ К ДОКЛАДУ НА КОНГРЕССЕ МИР

Вы желаете, чтобы я участвовал в вашем собрании. Я, как умел, выразил мой взгляд на вопрос о мире в том докладе, который я приготовил для прошлогоднего конгресса. Доклад этот послан. Боюсь, однако, что доклад этот не удовлетворит требованиям высоко просвещенных лиц, собравшихся на конгрессе. Не удовлетворит потому, что, сколько я мог заметить, на всех конгрессах мира мои взгляды и не мои личные, а взгляды всех религиозных людей мира на этот вопрос считаются под названием неопределенного нового слова антимилитаризма исключительным, случайным проявлением личных желаний и свойств некоторых людей и потому не имеющим серьезного значения. Но, несмотря на это, я все-таки исполняю и выраженное мне желание конгресса и свою потребность еще раз хотя бы вкратце высказать все ту же мою мысль о полной бесполезности выработки на конгрессах новых законов, обеспечивающих мир между ненавидящими друг друга и полагающими свое благо в наибольшем распространении своей власти народами. Считаю выработку на конгрессах новых законов, обеспечивающих мир, бесполезным, главное потому, что закон, несомненно обеспечивающий мир среди всего мира, закон, выраженный двумя словами "не убий", известен всему миру и не может не быть известен и всем высокопросвещенным членам конгресса.

Вот об этом-то законе, записанном не только во всех великих религиях мира, но и во всех сердцах человеческих, я считал и теперь считаю своим священным долгом перед Богом и людьми еще раз напомнить высокопросвещенным членам конгресса. Правда, что деятельность тех сотен людей, которые, следуя этому закону, отказываются от военной службы и подвергаются за это тяжелым лишениям и страданиям, как мои друзья в России и в Европе (вчера только получил такое письмо от молодого Шведа, готовящегося к отказу), не может интересовать высокопросвещенных членов конгресса, так как принадлежит к области антимилитаризма, я все-таки думаю, что деятельность этих людей, не на словах, а на деле признающих закон не убий и потому ни в какой форме не принимающих участия в преступном деле убийства, одна только лучше всего удовлетворяет и требованиям каждой отдельной души, совести человека, а также и вернее всего служит и общему движению к добру и правде всего человечества, между прочим и той цели установления мира среди людей, которой заняты члены конгресса.

Вот это-то, любезные братья, мне, доживающему последние дни или часы моей жизни, и хотелось еще раз повторить вам. А именно то, что нужны нам не союзы, не конгрессы, устраиваемые императорами и королями, главными начальниками войск, не рассуждения на этих конгрессах об устройстве жизни других людей, а только одно: исполнить в жизни тот известный нам и признаваемый нами закон любви к Богу и ближнему, который ни в каком случае не совместим с готовностью к убийству и самое убийство ближнего.

20 июля, 10 года.

Ясная Поляна

Лев Толстой. ХРИСТИАНСТВО И ПАТРИОТИЗМ

Франко-русские празднества, происходившие в октябре месяце прошлого года во Франции, вызвали во мне, вероятно так же как и во многих людях, сначала чувство комизма, потом недоумения, потом негодования, которые я и хотел выразить в короткой журнальной статье; но, вдумываясь все более и более в главные причины этого странного явления, я пришел к тем соображениям, которые и предлагаю теперь читателям.

I

Люди русские и французские жили много столетий, зная друг друга, входя иногда в дружеские, большею частью к сожалению, в очень враждебные, вызываемые их правительствами, отношения друг с другом, и вдруг оттого, что два года тому

назад французская эскадра прибыла в Кронштадт, и офицеры эскадры, вышедши на берег, в разных местах много ели и пили разного вина, выслушивая при этом и произнося много лживых и глупых слов, и оттого, что в 1893 году такая же русская эскадра прибыла в Тулон, и офицеры русской эскадры в Париже много ели и пили, выслушивая и произнося при этом еще больше лживых и глупых слов, сделалось то что не только те люди, которые ели, пили и говорили, но и все те, которые присутствовали при этом, и все те даже, которые не присутствовали при этом, но только слышали и читали в газетах про это, все эти миллионы людей русских и французских вдруг вообразили себе, что они как-то особенно любят друг друга, т.е. все французы всех русских, и все русские всех французов.

Чувства эти выражались во Франции в прошедшем октябре самым необыкновенным образом.

Вот как описывается встреча русских моряков в "Сельском Вестнике", газете, собирающей свои сведения из всех других.

"При встрече судов русских и французских те и другие, кроме пушечных выстрелов, приветствовали друг друга горячими, восторженными криками "ура", "да здравствует Россия", "да здравствует Франция!"

"К этому присоединились хоры музыки (бывшие на многих частных пароходах), исполнявшие гимну -- русский "Боже, царя храни" и французский "Марсельезу"; публика на частных судах махала шляпами, флагами, платками и букетами цветов; на многих барках были одни крестьяне и крестьянки со своими детьми, и у всех в руках были букеты цветов, и даже ребята, махая букетами, кричали что было мочи: "вив ля Рюсси". Наши моряки, видя такой восторг народный, не могли удержаться от слез.

"В гавани были выстроены в две линии все французские военные суда, находившиеся в Тулоне, и наша эскадра проходила между ними: впереди шел адмиральский броненосец, а за ним остальные. Наступила чрезвычайно торжественная минута. "С русского броненосца последовало пятнадцать пушечных выстрелов в честь французской эскадры, а в ответ французский броненосец дал двойное число выстрелов -- тридцать. С французских судов грянули звуки русского гимна. Французские матросы взбираются на реи и мачты; громкие клики приветствий безостановочно льются с обеих эскадр и с частных судов;

шапки матросов, шляпы и платки публики -- все это восторженно поднимается кверху в честь дорогих гостей. Отовсюду с воды и с берега гремит один общий возглас: "да здравствует Россия, да здравствует Франция!"

"Согласно морскому уставу, адмирал Авелан с офицерами своего штаба высадился на берег, чтобы приветствовать местных властей. На пристани русских моряков встретили французский главный морской штаб и старшие офицеры тулонского порта. Последовали общие дружеские рукопожатия при громе пушек и звоне колоколов. Хор морской музыки исполнил гимн "Боже, царя храни", покрытый громовыми кликами публики: "да здравствует царь!", "да здравствует Россия!" Эти клики слились в один могучий гул, покрывший и музыку и пушечную пальбу.

"Очевидцы сообщают, что в эту минуту восторг несметной массы народа достиг высочайшей степени и словами невозможно передать, какими ощущениями переполнились сердца всех здесь присутствующих. Адмирал Авелан с обнаженной головой и в сопровождении русских и французских офицеров, отправился в помещение морского управления, где его ожидал французский морской министр".

Принимая адмирала, министр сказал:

" -- Кронштадт и Тулон -- это два места, которые свидетельствуют о сочувствии между русским и французским народами; вы будете везде встречены как сердечные друзья. Правительство и вся Франция поздравляют вас с приездом и ваших спутников, представляющих "великий и благородный народ".

Адмирал ответил, что он не в силах выразить всю свою благодарность. "Русская эскадра и вся Россия, -- сказал он, -- будут признательны за ваш прием". После краткого разговора, прощаясь с министром, адмирал вторично благодарил его за прием и прибавил: "Не хочу с вами расставаться, пока не произнесу тех слов, которые начертаны в сердцах всех русских людей: "да здравствует Франция!"

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
("Сельский Вестник", 1893, No41.)

Такова была встреча в Тулоне; в Париже встреча и празднества были еще удивительнее.

Вот как описывается в газетах встреча в Париже:

"Все взоры направлены на бульвар des Italiens, откуда должны появиться русские моряки. Издали доносится, наконец, гул целого урагана восклицаний и аплодисментов. Гул становится сильнее, явственнее. Ураган видимо приближается. На площади происходит сильнейшее движение. Полицейские бросаются расчищать дорогу к "Cercle militaire", но это оказывается делом далеко не легким. В толпе поднялась невообразимая толкотня и давка... Наконец, на площади появляется голова кортежа. В тот же момент над ней проносится оглушительный крик:

"Vive la Russie! Vive les russes!" (Да здравствует Россия! Да здравствуют русские! "Новое время"..) Все обнажают головы, публика, битком набившаяся в окнах, на балконах, разместившаяся даже на крышах, машет платками, флагами, шляпами, ожесточенно аплодирует, бросает из окон верхних этажей облака небольших разноцветных кокард. Целое море платков, шляп, флагов волнуется над головами толпы, стоящей на площади. "Vive la Russie! Vive les russes!" -- кричит эта стотысячная толпа, стараясь получше рассмотреть дорогих гостей, протягивая к ним руки и всячески выражая свои симпатии ("Новое время".)

Другой корреспондент пишет, что восторг толпы граничил с бредом. Один русский публицист, бывший в то время в Париже, описывает это шествие моряков следующим образом:

"Правду говорят -- событие всемирное, изумительное, трогательное до слез, поднимающее душу, заставляющее ее трепетать той любовью, которая видит в людях братьев и которая ненавидит кровь и насильственные присоединения, отторжение родных детей от любимой матери. Я в каком-то чаду в течение нескольких часов. Мне было странно, почти непосильно стоять на станции Лионской железной дороги среди представителей французской администрации в золотом шитых мундирах, среди муниципалитета во фраках и слышать крики: "Vive la Russie! Vive le czar!" и наш народный гимн, исполняемый несколько раз сряду. Где я? что такое случилось? какая волшебная струя соединила все это в одно чувство, в один разум? Разве не чувствуется тут присутствие Бога любви и братства, присутствие чего-то высшего, идеального, сходящего на людей только в высокие минуты? Сердце так полно чем-то прекрасным и чистым и возвышенным, что перо не в состоянии всего этого выразить. Слова бледны перед тем, что я видел, что я чувствовал. Это не восторг, слово это слишком банально, -- это лучше восторга. Живописнее, глубже, радостнее, разнообразнее. Нельзя описывать того, что было у "Cercle militaire", когда появился на балконе второго этажа адмирал Авелан. Тут слова ничего не скажут. Во время молебна, когда певчие пели в церкви "Спаси, Господи, люди твоя", в открытые двери врывались торжественные звуки "Марсельезы" духового оркестра, который играл на улице. Что-то изумительное по впечатлению, непередаваемое" ("Новое время". Октябрь 93 г..)

II

Приехавши во Францию, русские моряки в продолжение двух недель переходили с праздника на праздник и в середине или по окончании всякого праздника ели, пили и говорили. И сведения о том, где и что они ели и пили в среду, и где и что в пятницу, и что при этом говорили, по телеграфу сообщалось всей России. Как только который-нибудь из русских капитанов пил за здоровье Франции, так это тотчас становилось известным миру, и как только русский адмирал говорил: "пью за прекрасную Францию!", слова эти тотчас же разносились по всему миру. Но мало того, заботливость газет была такова, что сообщались не только тосты, но и меню обедов с пирожками и закусками, которые потреблялись на обедах.

Так в одном No газеты было сказано, что обед представлял изящное произведение:

Consomme de volailles, petits pates.

Mousse de homard parisienne.

Noisette de boeuf a la bearnaise.

Faisans a la Perigor.

Casseroles de truffes au champagne.

Chaufroid de volailles a la Toulouse.

Salade russe.

Croute de fruits

Parfaits a l 'ananas.

Desserts.

(Бульон из дичи, маленькие пирожки.

Мусс из парижских омаров.

Вырезка по-беарнски.

Фазаны a la Перигор.

Салат из трюфелей с шампанским.

Дичь по-тулузски.

Русский салат.

Фрукты по-тулонски.

Ананасное мороженое.

Десерт.)

В следующем No было сказано:

И в кулинарном отношении обед не оставлял желать ничего лучшего: меню было следующее:

Potage livonien et S.-Germain.

Zephyrs Nantua.

Esturgeon braise moldave.

Selle de daguet grand veneur и т.д.

(Суп ливонский и сент-жерменский. Зефир Нантюа. Вареная осетрина помолдавски. Грудинка из молодого оленя.)

В следующей газете описывается опять новое меню. При каждом меню описывались еще подробно и те напитки, которые поглощали все празднующие: такая-то "вудка", такое-то Bourgogne vieux, Grand Moet (Старое бургундское, шампанское Моет.) и т.п. В английской газете было перечисление всех тех пьяных напитков, которые были поглощены во время этих празднеств. Количество это так огромно, что едва ли все пьяницы России и Франции могли бы выпить столько в такое короткое время.

Сообщались и речи, произносимые празднующими, но меню было разнообразнее речей. Речи состояли неизменно из одних и тех же слов в различных сочетаниях и перемещениях. Смысл этих слов был всегда один и тот же: мы нежно любим друг друга, мы в восторге, что мы вдруг так нежно полюбили друг друга. Цель наша не война и не revanche (Реванш.) и не возвращение отнятых провинций, а цель наша только мир, благодеяние мира, обеспечение мира, спокойствие и мир Европе. Да здравствует русский император и императрица, мы любим их и любим мир. Да здравствует президент республики и его супруга, мы тоже любим их и любим мир. Да здравствует Франция, Россия, их флот и их армия. Мы любим и армию, и мир, и начальника эскадры. Речи большей частью заканчивались, как в куплетах словами:

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Тулон, Кронштадт или Кронштадт, Тулон. И наименование этих мест, где было так много съедено разных кушаний и выпито разного вина, произносились как слова, напоминающие самые высокие, доблестные поступки представителей обоих народов, такие слова, после произнесения которых уже говорить нечего, потому что все понятно. Мы любим друг друга и любим мир, Кронштадт, Тулон! Что еще можно прибавить к этому?! особенно под звуки торжественной музыки, играющей одновременно два гимна: один -- прославляющий царя и просящий у Бога для него всяких благ, другой -- проклинающий всех царей и обещающий им всем погибель.

Людам, особенно хорошо выражавшим свои чувства любви, давались ордена и награды, некоторым же людям за те же заслуги или просто от избытка чувств, подносились подарки самые странные и неожиданные: так, русскому царю французская эскадра поднесла в подарок какую-то золотую книгу, в которой, кажется, ничего не написано, а если и написано, то нечто такое, чего никому знать не нужно, а начальнику русской эскадры, в числе других подарков, еще более удивительный предмет -- соху из алюминия, покрытую цветами, и много других таких же неожиданных подарков.

Кроме того, все эти странные поступки сопровождались еще более странными религиозными обрядами и общественными молитвами, от которых, казалось бы, уже давно отвыкли французы. Едва ли со времен конкордата было совершено столько общественных молитв, сколько в это короткое время. Все французы стали вдруг необыкновенно набожны и заботливо развешивали в комнатах русских моряков те самые образа, ; которые они только недавно так же старательно, как вредное орудие суеверия, выносили из своих школ, и не переставая молились. Кардиналы и епископы везде предписывали молитвы и сами молились самыми странными молитвами, Так, епископ в Тулоне, при спуске броненосца "Жоригибери", молился Богу мира, давая чувствовать при этом однако, что если что, то он может обратиться и к Богу войны.

"Какова будет судьба его, -- сказал епископ, говоря о спускаемом броненосце, -- один Бог только ведает, будет ли он извергать смерть из ужасающих недр своих -- неизвестно. Но если бы, призвав ныне Бога мира, нам пришлось впоследствии призвать и Бога брани, мы твердо уповаем, что "Жоригибери" пойдет на врага рука об руку с могучими судами, экипажи коих вступили ныне в столь близкое братское единение с нашими. Но да минует нас эта перспектива, да оставит настоящее празднество только мирное воспоминание, как воспоминание о великом князе Константине (Константин Николаевич был в Тулоне в 1857 г.), которых здесь же присутствовал на спуске корабля "Квиринал", и да сделает дружба Франции с Россией из этих двух наций хранителей мира..."

Между тем десятки тысяч телеграмм перелетали из России во Францию и из Франции в Россию. Французские женщины приветствовали русских женщин. Русские женщины выражали свою благодарность французским женщинам. Труппа русских актеров приветствовала французских актеров, французские актеры сообщали, что они закладывают себе глубоко в сердце приветствие труппы русских актеров. Русские кандидаты на судебные должности, состоящие при окружном суде какого-то города, изъявляли свой восторг французской нации. Генерал такой-то благодарил г-жу такую-то, г-жа такая-то уверяла в своих чувствах к русской нации генерала такого-то; русские дети писали приветственные стихи французским детям, французские дети отвечали стихами и прозой; русский министр просвещения свидетельствовал министру французского просвещения о чувствах внезапной любви к французам всех подведомственных ему русских детей, ученых и писателей; члены общества покровительства животным свидетельствовали свою горячую привязанность французам; о том же заявляла казанская дума.

Каноник Аррарской епархии заявлял высокопреподобному протопресвитеру русского придворного духовенства, что он может утверждать, что в сердцах всех французских кардиналов и архиепископов глубоко запечатлена любовь к России и к его величеству Александру III и его августейшей фамилии и что французские и русские священники исповедуют почти одну и ту же веру и одинаково чтут пресвятую деву. На что высокопреподобный протопресвитер отвечал, что молитвы французского духовенства за августейшую фамилию радостно отозвались в сердцах всего русского царелюбивого народа и что, так как русский народ также чтит пресвятую деву, то и может рассчитывать на Францию на жизнь и смерть. О том же почти заявляли разные генералы, телеграфисты и торговцы бакалейными товарами. Все кого-то с чем-то поздравляли, кого-то за что-то благодарили. Возбуждение было так велико, что совершались самые необычайные поступки, но никто не замечал их необычайности, а

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
напротив, все одобряли их, восхищались ими и, как будто боясь опоздать, торопились каждый совершить поскорее какой-нибудь такого же рода поступок, чтобы не отстать от прочих. Если слышались высказываемые и даже писанные и печатные против этих беснований протесты, указывающие на неразумность их, то протесты эти скрывались или заглушались. (Так мне известен следующий протест студентов, посланный в Париж, но не принятый ни в одной газете:

"Открытое письмо к французским студентам.

Недавно кучка московских студентов юристов, с инспекцией во главе, взяла на себя смелость говорить от лица всего московского студенчества по поводу тулонских празднеств.

Мы, представители союза землячеств, самым решительным образом протестуем как против самозванства этой кучки, так и по существу против происшедшего между нею и французскими студентами обмена приветствий. Мы тоже смотрим с горячей любовью и глубоким уважением на Францию, но смотрим так на нее потому, что видим в ней великую нацию, которая прежде постоянно являлась для всего мира глашатаем и провозвестником великих идеалов свободы, равенства и братства, которая была первой и в деле отважных попыток воплощения в жизнь этих великих идеалов. И лучшая часть русской молодежи всегда была готова приветствовать Францию как передового воина за лучшее будущее человечества. Но мы не считаем такие празднества, как кронштадтские и тулонские, подходящим поводом для подобных приветствий.

Напротив, эти празднества знаменуют собой печальное, но, надеемся, кратковременное явление, -- измену Франции своей прежней великой исторической роли: страна, призывавшая когда-то весь мир разбить оковы деспотизма и предлагавшая свой братскую помощь всякому народу, восставшему за свое освобождение, теперь воскуряет фимиамы перед русским правительством, которое систематично тормозит нормальный, органический и живой рост народной жизни и беспощадно подавляет, не останавливаясь ни перед чем, все стремления русского общества к свету, к свободе и к самостоятельности. Тулонские манифестации -- есть один из актов той драмы, которую представляет созданными Наполеоном III и Бисмарком антагонизм между двумя великими нациями -- Францией и Германией. Этот антагонизм держит всю Европу под ружьем и делает вершителем политических судеб мира русский абсолютизм, всегда бывший опорой произвола и деспотизма против свободы, эксплуататоров против эксплуатируемых. Чувство боли за свою страну, сожаление о слепоте значительной части французского общества -- вот какие чувства вызывают в нас эти празднества. Мы вполне убеждены, что молодое поколение Франции не увлекается национальным шовинизмом и, готовое бороться за тот лучший социальный строй, к которому идет человечество, сумеет отдать себе отчет в настоящих событиях и отнестись к ним надлежащим образом; мы надеемся, что наш горячий протест найдет себе сочувственный отклик в сердцах французской молодежи.)

Союзный совет 24-х объединенных московских землячеств".

Не говоря уже о всех миллионах рабочих дней, потраченных на эти празднества, на повальное пьянство всех участвующих, поощряемое всеми властями, не говоря о бессмысленности произносимых речей, совершались самые безумные и жестокие дела, и никто не обращал на них внимания.

Так, задавлено было до смерти несколько десятков людей, и никто не находил нужным упоминать об этом. Один корреспондент писал, что француз сказал ему на бале, что теперь едва ли найдется одна женщина в Париже, которая не изменила бы своим обязанностям для удовлетворения желания какого-либо русского моряка, и все это проходило незамеченным, как нечто такое, что так и должно быть. Появлялись случаи и ясно выраженного бешенства. Так одна женщина, одевшись в платье из цветов французско-русского флагов, дождалась моряков, воскликнула "Vive la Russie!" и с моста пригнула в реку и потонула.

Женщины вообще в этих торжествах играли выдающуюся роль и даже руководили мужчинами. Кроме бросания цветов и разных ленточек и поднесения подарков и адресов, французские женщины на улицах бросались на русских моряков и целовали их, некоторые для чего-то подносили им детей, предлагая целовать их; когда русские моряки исполняли это желание, то все присутствующие приходили в восторг и плакали.

Странное возбуждение это было так заразительно, что, как рассказывает один корреспондент, казавшийся совершенно здоровым русский матрос, после двухнедельного созерцания всего совершавшегося вокруг него, -- в середине дня спрыгнул с корабля в море и поплыл, крича: "виф ля франс!" Когда его вытащили и спросили, зачем это он сделал, он отвечал, что дал зарок в честь Франции оплыть кругом корабля.

Таким образом, ничем не нарушаемое возбуждение росло и росло, как ком катящегося мокрого снега, и доросло, наконец, до того, что не только присутствующие, не только предрасположенные, слабонервные, но сильные, нормальные люди подпали общему настроению и пришли в ненормальное состояние.

Помню, что я, в рассеянии читая одно из таких описаний торжества приема моряков, вдруг неожиданно почувствовал сообщившееся мне чувство, подобное умилению, даже готовность к слезам, так что должен был сделать усилие, чтобы побороть это чувство.

III

Недавно профессор психиатрии Сикорский описал в Киевских университетских известиях исследованную им, как он называет это, психопатическую эпидемию малеванщины, проявившуюся в некоторых деревнях Васильковского уезда Киевской губернии. Сущность этой эпидемии состояла, по словам г-на Сикорского, в том, что некоторые люди этих деревень под влиянием их руководителя, по фамилии Малеванного, вообразили себе, что в скором времени должен наступить конец мира, и, изменив вследствие этого весь свой образ жизни, стали раздавать свое имущество, наряжаться, сладко есть и пить и перестали работать. Профессор нашел положение этих людей ненормальным. Он говорит: "Необыкновенное благодушие их переходило часто в экзальтацию, радостное состояние, лишенное внешних мотивов. Они настроены были сентиментально; учтивы до утрировки, говорливы, подвижны, с легко наступающими и столь же легко и бесследно исчезающими слезами радости. Они продавали необходимое, чтобы обзавестись зонтиками, шелковыми платками и т.п. принадлежностями, и к тому же платки служили для них только как туалетное украшение. Они много ели сладостей. Настроение их духа всегда было жизнерадостное, и жизнь они вели совершенно праздничную: посещали друг друга, гуляли вместе... При указании им на явно нелепый характер их отказа от работы можно было каждый раз получить в ответ стереотипную фразу: "захочется -- буду работать, не захочется -- зачем стану себя принуждать?!"

Ученый профессор считает состояние этих людей явно выраженный случай психопатической эпидемии и, советуя правительству принять некоторые меры против распространения ее, заканчивает свое сообщение словами: "Малеванщина есть вопль заболевшего населения и мольба об освобождении от вина и об улучшении образования и санитарных условий".

Но если малеванщина есть вопль заболевшего населения и мольба об освобождении от вина и от вредных общественных условий, то какой же ужасающий вопль заболевшего населения и какая мольба об избавлении его от вина и от ложных общественных условий есть эта новая болезнь, появившаяся в Париже и с ужасающей быстротой охватившая большую часть городского населения Франции и почти всю правительственную и господскую цивилизованную Россию?

И если признать, что психопатическое страдание малеванщины опасно и что правительство хорошо сделало, последовав совету профессора, устранив руководителей малеванцев за исключением некоторых из них в сумасшедшие дома и монастыри и ссылкой некоторых в отдаленные места, то насколько более опасной должно признать эту вновь появившуюся в Тулоне и Париже и оттуда распространившуюся по всей Франции и России новую эпидемию, и насколько необходимее, если не правительству, то обществу принять решительные меры против распространения таких эпидемий.

Сходство между тою и другою болезнью полное. То же необыкновенное благодушие, переходящее в беспричинную и радостную экзальтацию, та же сентиментальность, утрированная учтивость, говорливость, те же беспрестанные слезы умиления, приходящие и проходящие без причинны, то же праздничное настроение, то же гуляние и посещение друг друга, то же наряжание себя в самые нарядные платья, то же пристрастие к сладкой еде, те же бессмысленные речи, та же праздность, то же

пение и музыка, то же руководство женщин и та же для многих клоуническая фаза attitudes passionells, которую заметил г-н Сикорский у малеванцев, т.е., как я понимаю это слово, те различные ненатуральные позы, которые принимают люди во время торжественных встреч, приемов и произнесения речей во время обедов.

Сходство совершенное. Разница только в том, и разница огромная для того общества, в котором происходят эти явления, что там это помешательство нескольких десятков мирных, бедных деревенских жителей, живущих своими небольшими средствами и потому не могущих совершить никакого насилия над своими соседями и заражающих других только посредством личной и изустной передачи своего настроения, здесь же -- это помешательство миллионов людей, обладающих огромными суммами денег и средствами насилия над другими людьми: ружьями, штыками, крепостями, броненосцами, меленитами, динамитами и, кроме того, имеющими в своем распоряжении самые энергические средства распространения своего помешательства: почту, телеграфы, огромное количество газет и всякого рода изданий, наперерыв печатающих и разносящих их заразу во все концы мира. Разница еще в том, что первые не только не напиваются пьяны, но не употребляют никаких хмельных напитков, вторые же находятся постоянно в полупьяном состоянии, которое они не переставая в себе поддерживают. И потому для общества, в котором происходят такие явления, между киевской эпидемией, во время которой, по сведениям г-на Сикорского, не видно, чтобы было совершено какое-либо насилие, убийство, и той, которая появилась в Париже, где при одном шествии задавлено более 20 женщин, разница та же, какая была бы между тем, что из печки выскочил уголек и теплится на полу, который, очевидно, не загорится от него" и огнем, который захватил уже двери и стены дома. В худшем случае последствия киевской эпидемии будут состоять в том, что крестьяне одной миллионной части России проживут то, что они нажили своим трудом, и окажутся несостоятельными для уплаты казенных податей. Последствия же от эпидемии тулонско-парижской, захватившей людей, обладающих страшной властью, огромными суммами денег, орудиями насилия и распространения своего помешательства, -- могут и должны быть ужасны.

IV

Можно с жалостью выслушивать тот вздор, который болтает слабый, старый, безоружный сумасшедший в своем колпаке и халате, даже и не противоречить и шутя даже потакнуть ему, но когда это целая толпа здоровенных сумасшедших, вырвавшихся из своего заключения, и толпа эта обвешена с головы до ног острыми кинжалами, саблями и заряженными револьверами и в азарте размахивает этими смертоносными орудиями, -- нельзя уже не только потакать им, но и быть минуту спокойным. То же и с тем состоянием возбуждения, вызванного франко-русскими празднествами, в котором находится теперь французское и русское общество. Ведь люди, подпавшие теперь психопатической эпидемии, находятся в обладании самых страшных орудий убийства и истребления.

Правда, что во всех речах, во всех тостах, произносимых во время этих празднеств, во всех статьях об этих празднествах неуклонно говорилось о том, что значение всего совершающегося состоит в обеспечении мира. Даже сторонники войны говорили не о ненависти к отторгающим провинции, а о какой-то любви, которая как-то ненавидит.

Но известна хитрость всех людей, одержимых душевными болезнями, и это-то самое упорное повторение того, что мы не хотим войны, а хотим мира, и умалчивание о том, о чем все думают, и составляет самое угрожающее явление.

В своем ответном тосте на обеде в Елисейском дворце русский посол сказал: "Прежде нежели провозгласить тост, на который отзовутся из самой глубины сердец не только все, находящиеся в этих стенах, но также и с той же силой и все те, чьи сердца вдали и вблизи на всех пунктах великой, прекрасной Франции, равно как и всей России, бьются в настоящую минуту в унисон с нашими, -- позвольте мне принести вам выражение глубокой нашей благодарности за приветственные слова, обращенные вами к адмиралу, на которого царь возложил поручение отдать кронштадтский визит. При том высоком значении, которым вы пользуетесь, слова ваши характеризуют истинное значение великолепных мирных торжеств, празднуемых с таким замечательным единодушием, лояльностью и чистосердечием".

То же ничем не оправдываемое упоминание о мире находится и в речи французского президента: "Узы любви, связывающие Россию и Францию, -- сказал он, -- и два года назад скрепленные трогательными манифестациями, которых наш флот был

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
предметом в Кронштадте, с каждым днем становятся теснее, и честный обмен наших дружественных чувств должен вдохновить всех тех, кто принимает к сердцу благодеяния мира, доверяя и безопасности" и т.д.

И в той и другой речи совершенно неожиданно и без всякого повода говорится о благодеяниях мира и о мирных торжествах.

То же самое и в телеграммах, которыми обменялись русский император и французский президент. Русский император телеграфирует:

"Au moment ou l'escadre russe quitte la France, il me tient a coeur de vous exprimer combien je suis touche et reconnaissant de l'accueil chaleureux et splendide, que mes marins ont trouve partout sur le sol francais. Les temoignages de vive avec tant d'eloquence, joindront un nouveau lien a ceux qui unissent les deux pays et contribueront, je l'espere, a l'affermissement de la paix generale, objet de leurs efforts et de leurs voeux les plus constant..." (В тот момент, когда русская эскадра покидает Францию, мне хочется высказать вам, насколько я тронут и благодарен за горячий и блестящий прием, который встретили мои моряки повсюду на французской территории. Выражения живой симпатии, которые проявились еще раз так красноречиво, прибавят еще новые узы к тем, которые соединяют две страны, и послужат, я надеюсь, к укреплению всеобщего мира, цели их постоянных усилий и желаний.)

Французский президент в ответной телеграмме говорит:

""La depeche don't je remercie votre majeste m'est parvenue au moment ou je quittais Toulon pour rentrer a Paris. Le belle escadre sur laquelle j'ai eu la vive satisfaction se saluer le pavillon russe dans les eaux francaises, l'accueil cordial et spontane que vos braves marins ont rencontre partout en France, affirment une fois de plus avec eclat les sympathies sinceres qui unissent nos deux pays. Ils marquent en meme temps une foi profonde dans l'influence bienfaisante que peuvent exercer ensemble deux grandes nations devouees a la cause de la paix". (Депешу, за которую я благодарю ваше величество, я получил в тот момент, когда я покидал Тулон, чтобы вернуться в Париж. Прекрасная эскадра, на которой я имел удовольствие приветствовать русский флаг в французских водах, дружеский и радужный прием, который ваши храбрые моряки встретили повсюду во Франции, блестяще доказывают еще раз, какая искренняя симпатия соединяет наши две страны. В то же время они вселяют глубокую веру в то благодетельное влияние, которые могут оказать две большие нации, преданные делу мира .)

Опять в обеих телеграммах ни к селу ни к городу упоминается о мире, не имеющем ничего общего с празднествами моряков.

Нет ни одной речи, ни одной статьи, в которых не говорилось бы о том, что цель всех этих бывших оргий есть мир Европы.

За обедом, который дают представители русской прессы, все говорят о мире. Г-н Зола, который недавно писал о том, что война необходима и даже полезна, и Г-н Вогюэ, который не раз печатно высказывал то же, не говорят ни слова о войне, а говорят только о мире. Заседания палат открываются речами о прошедших празднествах, ораторы утверждают, что празднества эти суть объявление мира Европе.

Точно как человек, пришедший в мирное общество и усердно уверяющий при всяком случае присутствующих, что он вовсе не имеет намерения никому выбивать зубы, подбивать глаза и ломать руки, а имеет намерение только мирно провести вечер. "Да никто в этом и не сомневается, -- хочется ему сказать. -- Если же вы имеете такие гнусные намерения, то по крайней мере не смейте говорить их нам".

Во многих статьях, писанных о празднествах, даже прямо и наивно высказывается удовольствие о том, что во время празднеств никем не было выражено то, что *tacito consensu* (По молчаливому соглашению.) решено было скрывать от всех и что только один неосторожный человек, тотчас же убранный полицией, крикнул то, что думали все, а именно "A bas l'Allemagne!" (Долой Германию!).

Так дети иногда так рады, что они скрыли свою шалость, что самая радость эта выдает их.

Да зачем же так радоваться тому, что никто ничего не сказал о войне, если мы точно не думаем о ней?

V

Никто не думает о войне, но только миллиарды тратятся на военные приготовления и миллионы людей находятся под ружьем в РОССИИ и Франции.

"Но это все делается для обеспечения мира, si vis pacem para bellum. L'empire c'est la paix, la republique c'est la paix " (Если хочешь мира, готовься к войне. Империя – это мир, республика -- это мир).

Но если так, то для чего же у нас в РОССИИ не только во всех журналах и газетах, издаваемых для так называемых образованных людей, выясняются военные выгоды нашего союза с Францией на случай войны с Германией, но и в "Сельском Вестнике", газете, издаваемой русским правительством для народа, внушается этому несчастному, обманываемому правительством народу, что "дружить с Францией и для РОССИИ тоже полезно и выгодно, потому что если бы паче чаяния упомянутые державы (Германия, Австрия, Италия) решились нарушить мир с Россией, то хотя она и одна с Божьей помощью могла бы постоять за себя, но было бы это нелегко и для успешной борьбы понадобились бы большие жертвы и потери" и т.д. ("Сельский вестник", 1893, No43.)

И для чего же во всех французских коллежах преподается история по учебнику, составленному г-м Лависсом, 21 издание 1889 г., в котором значитесь следующее:

"Depuis que l'insurrection de la Commune a ete vaincue, la France n'a plus ete troublee. Au lendemain de la guerre, elle s'est remise au travail. Elle a paye aux Allemands sans difficultes l'enorme contribution de guerre de cinq milliards. Mais la France a perdu sa renomée militaire pendant la guerre de 1870. Elle a perdu une partie de son territoire. Plus de quinze cents mille hommes, qui habitaient nos departments du Haut Rhin, du bas Rhin et de la Moselle, et qui etaient de bons francais, ont ete obliges de devenir Allemands. Ils ne sont pas resignes a leur sort. Ils detestent l'Allemagne, ils esperent toujours redevenir Francais. Mais l'Allemagne tient a sa conquete, et c'est un grand pays, don't tous les habitants aiment sincerement leur patrie et don't les soldats sont braves et disciplines. Pour reprendre a l'Allemagne ce qu'elle nous a pris, il faut que nous soyons de bons citoyens et de bons soldats. C'est pour que vous deveniez de bons soldats, que vos maitres vous apprennent l'histoire de la France. L'histoire de la France montre que dans notre pays les fils ont toujours venge les desastres de leurs peres. Les francais du temps de Charles VII ont venge leurs peres vaincus a Crecy, a Poities, a Azincourt... C'est a vous, enfants de venger vos peres, vaincus a Sedan et a Metz. C'est votre devoir, le grand devoir de votre vie. Vous devez y penser toujours" и т.д. ("После того как было подавлено восстание коммуны, Франция успокоилась. Сейчас же после войны она принялась за работу. Она заплатила немцам без затруднения громадную военную контрибуцию в пять миллиардов. Но Франция потеряла свою военную славу во время войны 1870 года. Она потеряла часть своей территории. Более полутораста тысяч человек, которые жили на верховьях и устьях Рейна и Мозеля и которые были настоящими французами, были вынуждены сделаться немцами. Но они не подчинились своей судьбе. Они ненавидят Германию; они постоянно надеются снова стать французами. Но Германия дорожит своими завоеваниями, и это великая страна, жители которой искренне любят свою родину и солдаты которой храбры и дисциплинированы. Чтобы отнять у Германии то, что она у нас взяла, нам нужно быть хорошими гражданами и хорошими солдатами. Чтобы вы сделались хорошими солдатами, учителя ваши учат вас истории Франции. История Франции показывает, что в нашей стране сыновья всегда мстили на несчастье своих отцов. Французы во времена Карла VII мстили за своих отцов, побежденных при Кресси, Пуатье, Азинкуре... А вам, детям, воспитанным теперь в наших школах, надлежит мстить за ваших отцов, побежденных при Седане и Меце. Это ваша обязанность, громадная обязанность вашей жизни. Вы должны "всегда думать об этом.")

Внизу страницы стоит ряд вопросов, соответствующих параграфам. Вопросы следующие:

"Что утратила Франция при потере части своей территории? Сколько французов сделалось немцами при потере этой территории? Любят ли эти французы Германию?"

Что должны мы делать для того, чтобы возвратить когда-нибудь отнятое у нас Германией?"... Кроме того, есть еще "Reflexions sur le VII livre ("Размышления о VII книге"), в которых говорится, что "дети Франции должны помнить о наших поражениях 1870 г.", что "они должны чувствовать на сердце тяжесть этого воспоминания", но что "это воспоминание не должно их обескураживать: оно, напротив, должно возбуждать в них храбрость".

Так что если в официальных речах и говорится с большой настойчивостью о мире, то народу, молодым поколениям, да и вообще всем русским и французам под рукою неуклонно внушается необходимость, законность, выгодность и даже доблесть войны.

"Мы не думаем о войне. Мы только заботимся о мире".

Хочется спросить: qui, diable, trompe-t-on ici (Кого же, черт возьми, здесь обманывают?) если бы еще нужно было это спрашивать и не было слишком ясно, кто этот несчастный обманутый.

Обманутый этот, все тот же вечно обманутый, глупый рабочий народ, тот самый, который своими мозолистыми руками строил все эти и корабли, и крепости, и арсеналы, и казармы, и пушки, и парходы, и пристани, и молы, и все эти дворцы, залы и эстрады, и триумфальные арки, и набирал и печатал все эти газеты и книжки, и добыл и привез всех тех фазанов и ортоланов, и устриц, и вина, которые едят и пьют все эти им же вскормленные, воспитанные и содержимые люди, которые, обманывая его, готовят ему самые страшные бедствия; все тот же добрый, глупый народ, который, оскаливая свои здоровые белые зубы, зевал, по-детски наивно радуясь на всяких наряженных адмиралов и президентов, на развевающиеся над ними флаги и на фейерверки, гремящую музыку, и который не успеет оглянуться, как уже не будет ни адмиралов, ни президентов, ни флагов, ни музыки, а будет только мокрое пустынное поле, холод, голод, тоска, спереди убивающий неприятель, сзади неотпускающее начальство, кровь, раны, страдания, гниющие трупы и бессмысленная, напрасная смерть.

А люди, такие же, как те, которые теперь празднуют на празднествах в Тулоне и Париже, будут сидеть после доброго обеда, с недопитыми стаканами доброго вина, с сигарою в зубах, в темной суконной палатке и булавками отмечать по карте те места, где надо оставить еще столько-то и столько-то составленного из этого народа пушечного мяса для завладения тем-то и тем-то укреплением и для приобретения такой или другой ленточки или чина.

VI

"Но ничего этого нет и нет никаких воинственных замыслов, -- отвечают нам на это. -- Есть только то, что два народа, чувствующие взаимную симпатию, друг другу выражают эти чувства. Что тут дурного, что представители дружественной нации были приняты с особенной торжественностью и почетом представителями другой нации? Что тут дурного, даже если и допустить, что союз может иметь значение обороны против угрожающего миру Европы опасного соседа?"

Дурно тут то, что все это ложь, самая очевидная и наглая, ничем не оправдываемая, злая ложь. Ложь -- эта внезапно возникшая, исключительная любовь русских к французам и французам к русским; и ложь -- наша подразумеваемая под этим нелюбовь к немцам, недоверие к ним. И еще большая ложь -- то, что цель всех этих неприличных и безумных оргий есть будто бы соблюдение европейского мира.

Все мы знаем, что никакой особенной любви к французам мы не испытывали ни прежде, ни теперь не испытываем, точно так же, как и то, что мы не испытывали и не испытываем никакой враждебности к немцам.

Нам говорят, что Германия имеет замыслы против России, что тройственный союз угрожает миру Европы и нам и что наш союз с Францией уравнивает силы и потому обеспечивает мир. Но ведь утверждение это так явно глупо, что совестно серьезно опровергать его. Ведь для того, чтобы это было так, т.е. чтобы союз обеспечивал мир, нужно, чтобы силы были математически равны. Если же перевес теперь на стороне франко-русского союза, то опасность все та же. Еще большая: потому что, если было опасно, что Вильгельм, стоящий во главе европейского союза, нарушит мир, то гораздо более опасно, что Франция, та, которая не может помириться с потерей своих провинций, сделает это. Ведь тройственный союз назывался лигой мира, для нас же он бил лигой войны. Точно так же и теперь

франко-русский союз не может не представляться иначе, чем он и есть на самом деле -- лигой войны.

И потом, если мир зависит от равновесия сил, то как определить те единицы, между которыми должно установиться равновесие? Теперь англичане говорят, что союз России с Францией угрожает им, и им потому нужно составлять новый союз. И насколько именно единиц союзов должна быть разделена Европа, чтобы было равновесие? Ведь если это так, то в каждом обществе людей более сильный человек, чем другой, уже есть опасность, и остальным нужно складываться в союзы, чтобы противодействовать ему.

Спрашивают: "что тут дурного, что Франция и Россия выразили свои взаимные симпатии для обеспечения мира?" -- Дурно то, что это ложь, а ложь никогда не говорится и не проходит даром.

Дьявол -- человекоубийца и отец лжи. И ложь всегда ведет к человекоубийству. И в этом случае очевиднее, чем когда-нибудь.

Ведь точно так же, как и теперь, так и перед турецкой войной будто бы возгорелась вдруг внезапная любовь наших русских к каким-то братьям славянам, которых никто не знал в продолжение сотен лет, тогда как немцы, французы, англичане всегда были и продолжают быть нам несравненно ближе и роднее, чем какие-то черногорцы, сербы, болгары. И начались такие же восторги, приемы и торжества, раздувавшиеся Аксаковыми и Катковыми, которых поминают уже теперь в Париже, как образцы патриотизма. Тогда, как и теперь, говорили только о взаимной внезапно вспыхнувшей любви между русскими и славянами. Сначала точно так же, как теперь в Париже, тогда в Москве пили, ели, говорили друг другу глупости, умилялись на свои возвышенные чувства, говорили об единении и мире и умалчивали о главном, о замыслах против Турции. Газеты раздували возбуждение; в игру понемногу вступало правительство. Поднялась Сербия. Начались дипломатические ноты, полуофициальные статьи; газеты все более и более лгали, выдумывали, горячились, и кончилось тем, что Александр II, действительно не желавший войны, не мог не согласиться на нее, и совершилось то, что мы знаем: гибель сотен тысяч невинных людей и озверение и одурение миллионов. То, что делалось в Тулоне и Париже и теперь продолжает делаться в газетах, очевидно ведет к такому же или еще ужаснейшему бедствию. Точно так же сначала будут под звуки "Боже, царя храни" и "Марсельезы" пить разные генералы и министры за Францию, Россию, за разные полки, армии и флоты; будут печатать свое лганье газеты, будет праздная толпа богатых людей, не знающих, куда девать свои силы и время, болтать патриотические речи, раздувая враждебность к Германии, и как бы ни был миролюбив Александр III, сложатся такие обстоятельства, что ему нельзя будет отказаться от войны, которой будут требовать все окружающие его, все газеты и, как это всегда кажется, общественное мнение всего народа. И не успеем мы оглянуться, как на столбцах газет появится обычное злое, нелепое провозглашение:

"Божьей милостью, мы, самодержавнейший, великий государь всея России, царь польский, великий князь финляндский и проч. и проч., объявляем всем нашим верным подданным, что для блага этих, вверенных нам Богом, любезных наших подданных, мы сочли своей обязанностью перед Богом послать их на убийство. С нами Бог" и т.п.

Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство. И начнется опять старое, давно известное, ужасное дело. Засуетятся, разжигающие людей под видом патриотизма и ненависти к убийству, газетчики, радуясь тому, что получают двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся всякого рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они крадут обыкновенно. Засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы и надеющиеся получить за убийство людей различные высокоценные ими побрякушки -- ленты, кресты, галуны, звезды. Засуетятся праздные господа и дамы, вперед записываясь в Красный Крест, готовясь перевязывать тех, которых будут убивать их же мужья и братья, и воображая, что они делают этим самое христианское дело.

И, заглушая в своей душе отчаяние песнями, развратом и водкой, побредут оторванные от мирного труда, от своих жен, матерей, детей -- люди, сотни тысяч простых, добрых людей с орудиями убийства в руках туда, куда их погонят. Будут ходить, зябнуть, голодать, болеть, умирать от болезней, и, наконец, придут к тому месту, где их начнут убивать тысячами, и они будут убивать тысячами, сами

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
на зная зачем людей, которых они никогда не видали, которые им ничего не сделали и не могут сделать дурного.

И когда. наберется столько больных, раненых и убитых, что некому будет уже подбирать их, и когда воздух уже так заразится этим гниющим пушечным мясом, что неприятно делается даже и начальству, тогда останутся на время, кое-как подберут раненых, свезут, свалят кучами куда попало больных, а убитых заруют, посыпав их известкой, и опять поведут всю толпу обманутых еще дальше, и будут водить их так до тех пор, пока это не надоест тем, которые затеяли все это, или пока те, которым это было нужно, не получат всего того, что им было нужно. И опять одичают, остервенеют, озвереют люди, и уменьшится в мире любовь, и наступившее уже охристианение человечества отодвинется опять на десятки, сотни лет. И опять те люди, которым это выгодно, с уверенностью станут говорить, что если была война, то это значит то, что она необходима, и опять станут готовить к этому будущие поколения, с детства развращая их.

VII

И потому, когда являются такие патриотические проявления, как тулонские празднества, хотя и издали как будто, но уже вперед связывающие волю людей и обязывающие их к тем обычным злодействам, которые всегда вытекают из патриотизма, всякий понимающий значение этих празднеств не может не протестовать против всего того, что молчаливо включено в них. И потому когда господа журналисты печатают, что все русские сочувствуют тому, что делалось в Кронштадте, Тулоне и Париже, что этот союз на жизнь и смерть закреплен волею всего народа, и когда русский министр просвещения уверяет французских министров, что вся его команда -- русские дети, ученые и писатели разделяют его чувства, или когда начальник русской эскадры уверяет французов, что вся Россия будет признательна им за их прием, и когда протопресвитеры отвечают за своих пасомых и уверяют, что молитвы французов за жизнь августейшего дома радостно отозвались в сердцах русского царелюбивого народа, и когда русский посланник в Париже, считающийся представителем русского народа, говорит после блюда *ortolans a la soubise et logopedes glacees* с бокалом шампанского *grand Moet* в руке, что все русские сердца бьются в унисон с его сердцем, преисполненным внезапной и исключительной любовью к прекрасной Франции (*la belle France*), -- то мы, свободные от одурения люди, считаем своей священной обязанностью не только за себя, но и за десятки миллионов русских людей, самым решительным образом протестовать против этого и заявить, что сердца наши не бьются в унисон с сердцами г-д журналистов, министров просвещения, начальников эскадр, протопресвитеров и послов, и, напротив, переполняются негодованием и омерзением к той вредной лжи и тому злу, которые они сознательно или бессознательно распространяют своими поступками и речами. Пускай они пьют *Moet*, сколько им угодно, и пишут статьи и произносят речи от себя и за себя, но МУ, все христиане, сознающие себя таковыми, не можем допустить того, что все то, что говорят и пишут эти люди, связывает нас. Не можем допустить этого потому, что мы знаем, что кроется под всеми этими пьяными восторгами, речами и объятиями, похожими не на закрепление мира, как уверяют нас, а скорее на те оргии и пьянства, которым предаются злоумышленники, готовясь на совместное преступление.

VIII

Года четыре тому назад, -- первая ласточка тулонской весны -- один известный французский агитатор в пользу войны с Германией приезжал в Россию для приготовления франко-русского союза и был у нас в деревне. Он приехал к нам в то время, как мы работали на покосе. Во время завтрака мы, вернувшись домой, познакомились с гостем, и он тотчас же рассказал нам, как он воевал, был в плену, бежал из него и как дал себе патриотический обет, которым он, очевидно, гордился: не перестать агитировать для войны против Германии до тех пор пока не восстановится целостность и слава Франции.

В нашем кругу все убеждения нашего гостя о том, как необходим союз России с Францией для восстановления прежних границ Франции и ее могущества и славы и для обеспечения нас от зловредных замыслов Германии, не имели успеха. На доводы его о том, что Франция не может успокоиться до тех пор, пока не вернет отнятых провинций, мы отвечали, что точно так же Пруссия не может успокоиться, пока не отплатила за Иену и что, если *revanche* французов теперь будет удачная, немцам надо будет опять оплачивать, и так без конца.

На доводы его, что французы обязаны спасти оторванных от себя братьев, мы отвечали, что положение жителей, большинство жителей, рабочих жители Эльзас-Лотарингии под властью Германии едва ли в чем-нибудь стало хуже того, в котором они были под властью Франции, и что из-за того, что некоторым эльзасцам приятнее числиться за Францией, чем за Германией. и из-за того, что ему, нашему гостю, желательно восстановить славу французского оружия, никак не стоит не только начинать тех страшных бедствий, которые произойдут от войны, но нельзя пожертвовать даже и одной человеческой жизнью.

На доводы же его о том, что хорошо нам говорить так, когда мы не испытали того же, но что мы заговорили бы иначе, если бы у нас отняты были Остзейские провинции, Польша, мы отвечали: что, даже с точки зрения государственной, отнятие у нас Польши, Остзейских провинций никак не может быть для нас бедствием, а скорее может считаться благом, так как оно уменьшило бы потребность военной силы и государственных расходов; с точки же зрения христианской мы ни в каком случае не можем допустить войны, так как война требует убийства людей, а христианство не только запрещает всякое убийство, но требует благотворения всем людям, считая всех братьями без различия народностей. Христианское государство, говорили мы, вступающее в войну, для того, чтобы быть последовательным, должно не только снять кресты с церкви, самые церкви обратить в помещения для других целей, духовенству дать другие должности и, главное, запретить евангелие, -- но должно отречься и от всех тех требований нравственности, которые вытекают из христианского закона. C'est a prendre ou a laisser (Это можно сделать только так.), говорили мы. До тех же пор, пока не будет уничтожено христианство, привлекать людей к войне можно будет только хитростью и обманом, как это и делается теперь. Мы же видим эту хитрость и обман и потому не можем поддаться им. Так как при этом не было музыки, шампанского, ничего одурманивающего нас, то наш гость только пожимал плечами и с свойственной французам любезностью говорил, что он очень благодарен за тот радушный прием, который он получил в нашем доме, но очень сожалеет о том, что мысли его не получили того же.

IX

После этой беседы мы пошли на покос, и там он, надеясь найти в народе больше сочувствия своим мыслям, попросил меня перевести старому уже, болезненному, с огромной грыжей и все-таки затаенному в труде мужику, нашему товарищу по работе, крестьянину Прокофию, свой план воздействия на немцев, состоящий в том, чтобы с двух сторон сжать находящегося между русскими и французами немца. Француз в лицах представил это Прокофию, своими белыми пальцами прикасаясь с обеих сторон к потной посконной рубахе Прокофия. Помню добродушно насмешливое удивление Прокофия, когда я объяснил ему слова и жест француза. Предложение о сжатии немца с двух сторон Прокофий, очевидно, принял за шутку, не допуская мысли о том, чтобы выросл и учений человек мог с спокойным духом и в трезвом состоянии говорить о том, чтобы желательно было воевать.

-- Что же, как мы его с обеих сторон зажмем, -- сказал он, отвечая шуткой, как он думал, на шутку, -- ему и податься некуда будет, надо ему тоже простор дать.

Я перевел этот ответ своему гостю.

-- Dites lui que nous aimons les Russes (Скажите ему, что мы любим русских.), -- сказал он. Слова эти поразили Прокофию, очевидно, еще более, чем предложение о сжатии немца, и вызвали некоторое чувство подозрения.

-- Чей же он будет? -- спросил меня Прокофий, с недоверием указывая головой на моего гостя. Я сказал, что он француз, богатый человек.

-- Что же он, по какому делу? -- спросил Прокофий. Когда я ему объяснил, что он приехал для того, чтобы вызвать русских на союз с Францией в случае войны с немцами, Прокофий, очевидно, остался вполне недоволен и, обратившись к бабам, сидевшим у копны, строгим голосом, невольно выразившим чувства, вызванные в нем этим разговором, крикнул на них, чтобы они заходили сгребать в копны недогребенное сено.

-- Ну, вы, вороны, задремали. Заходи. Пора тут немца жать. Вон еще покос не убрали, а похоже, что с середины жать пойдут, -- сказал он, и потом, как будто боясь оскорбить таким замечанием приезжего чужого человека, он прибавил, оскаливая в добрую улыбку свои до половины съеденные зубы: -- Приходи лучше с нами

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
работать, да и немца присылай. А отработаемся -- гулять будем. И немца возьмем. Такие же люди. -- И, сказав это, Прокофий вынул свою жилистую руку из развилины вил, на которые он опирался, вскинул их на плечи и пошел к бабам.

-- Oh, le brave homme! (О, добрый человек!)-- воскликнул, смеясь, учтивый француз. И на этом закончил тогда свою дипломатическую миссию к русскому народу.

Вид этих двух столь противоположных друг другу людей -- сияющего свежестью, бодростью, элегантностью, хорошо упитанного француза в цилиндре и длинном, тогда самом модном пальто, своими нерабочими белыми руками энергически показывающего в лицах, как надо сжать немца, -- и вид шершавого, с трухой в волосах, высохшего от работы, загорелого, всегда усталого и, несмотря на свою огромную грыжу, всегда работающего Прокофия с своими распухшими от работы пальцами, в его спущенных домашних портках, разбитых лаптях, шагающего с огромной навилиной сена на плече той не ленивой, но экономной на движения походкой, которой движется всегда рабочий человек, -- вид этих двух столь противоположных друг другу людей очень многое уяснил мне тогда и живо вспомнился мне теперь, после тулоно-парижских празднеств. Один из них олицетворял собой всех тех вскормленных и обеспеченных трудами народа людей, которые употребляют потом этот народ как пушечное мясо; Прокофий же -- то самое пушечное мясо, которое вскармливают и обеспечивают тех людей, которые им распоряжаются.

Х

"Но у французов отняты две провинции, отторгнуты дети от любимой матери. Но Россия не может потерпеть того, чтобы Германия предписывала ей законы и лишала ее исторического призвания на Востоке, -- не может допустить возможности отнятия у нее, как у французов, ее провинций: Остзейского края, Польши, Кавказа. Но Германия не может допустить возможности потери тех преимуществ, которые она приобрела такими жертвами. Но Англия не может никому уступить своего морского преобладания". И, сказав такие слова, обыкновенно, предполагается, что француз, и русский, и немец, и англичанин должны быть готовы жертвовать всем для возвращения отнятых провинций, утверждения своего влияния на Востоке, соблюдения своего единства и могущества, владычества над морями и т.п.

Предполагается, что чувство патриотизма есть, во-первых, -- чувство, всегда свойственное всем людям, а, во-вторых, -- такое высокое нравственное чувство, что, при отсутствии его, должно быть возбуждаемо в тех, которые не имеют его. Но ведь ни то, ни другое несправедливо. Я прожил полвека среди русского народа и в большой массе настоящего русского народа в продолжение всего этого времени ни разу не видал и не слышал проявления или выражения этого чувства патриотизма, если не считать тех заученных на солдатской службе или повторяемых из книг патриотических фраз самыми легкомысленными и испорченными людьми народа. Я никогда не слышал от народа выражений чувств патриотизма, но, напротив, беспрестанно от самых серьезных, почтенных людей народа слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма. То же самое я наблюдал и в рабочем народе других государств, и то же подтверждали мне не раз образованные французы, немцы и англичане о своем рабочем народе.

Рабочий народ слишком занят поглощающим все его внимание делом поддержания жизни, себя и своей семьи, чтобы он мог интересоваться теми политическими вопросами, которые представляются главным мотивом патриотизма:

вопросы влияния России на Восток, об единстве Германии, или возвращении Франции отнятых провинций, или уступки той или другой части одного государства другому и т.п. не интересуют его не только потому, что он никогда почти не знает тех условий, при которых возникают эти вопросы, но и потому, что интересы его жизни совершенно независимы от государственных, политических интересов. Человеку из народа всегда совершенно все равно, где проведут какую границу и кому будет принадлежать Константинополь, будет или не будет Саксония или Брауншвейг членом Германского союза, и будет ли Англии принадлежать Австралия или земля Мателло, и даже какому правительству ему придется платить подать и в чье войско отдавать своих сынов; но ему всегда очень важно знать, сколько ему придется платить податей, долго ли служить в военной службе, долго ли платить за землю и много ли получать за работу -- все вопросы совершенно независимые от общих государственных, политических интересов. Оттого-то и происходит то, что, несмотря на все усиленные средства, употребляемые правительствами для привития народам не

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
свойственного им патриотизма и подавления в народах развивающихся в них идей социализма, -- социализм все более и более проникает в народные массы, а патриотизм, так старательно прививаемых правительствами, не только не усваивается народом, но все более и более исчезает и держится только в высших классах, которым он выгоден. Если же и бывает, что патриотизм захватывает иногда народную толпу, как это было теперь в Париже, то это бывает только тогда, когда толпа эта подвергается усиленному гипнотическому воздействию правительств и правящих классов, и держится патриотизм в народе только до тех пор, пока продолжается это воздействие.

Так, например, в России, где патриотизм в виде любви и преданности к вере, царю и отечеству с необыкновенной напряженностью всеми находящимися в руках правительства орудиями:

церкви, школы, печати и всякой торжественности, прививается народу, русский рабочий человек -- сто миллионов русского народа, несмотря на ту незаслуженную репутацию, которую ему сделали, народа особенно преданного своей вере, царю и отечеству, есть народ самый свободный от обмана патриотизма и от преданности вере, царю и отечеству. Веры своей, той православной, государственной, которой он будто бы так предан, он большей частью не знает, а как только узнает, бросает ее и становится рационалистом, т.е. принимает такую веру, на которую нападать и которую защищать нельзя; к царю своему, несмотря на непрерывные, усиленные внушения в этом направлении, он относится как ко всем насильственным властям, если не с осуждением, то с совершенным равнодушием; отечества же своего, если не разумеет под этим свою деревню, волость, он или совершенно не знает, или, если знает, то не делает между ним и другими государствами никакого различия. Так что, как прежде русские переселенцы шли в Австрию, в Турцию, так и теперь они селятся совершенно безразлично в России, вне России, в Турции или в Китае.

XI

Мой старый друг Д., живя зимой один в деревне, в то время как жена его, которую он изредка навещал там, жила в Париже, по длинным осенним вечерам часто беседовал с безграмотным, но очень умным и почтенным мужиком --старостой, приходившим по вечерам с докладом, и приятель мой рассказывал ему между прочим и о преимуществах французского государственного порядка перед нашим. Это было накануне последнего польского восстания и вмешательства французского правительства в наши дела. Патриотические русские газеты тогда возгорелись негодованием к такому вмешательству, так разожгли правящие классы, что положение было очень напряженное, и у нас заговорили о войне с Францией.

Приятель мой, начитавшись газет, рассказал старосте и про эти отношения между Россией и Францией. Подчиняясь настроению газет, приятель мой говорил, что если будет война (он был старый военный), он пойдет на службу и будет воевать с Францией. Тогда revanche французам казалась нужной патриотическим русским за Севастополь.

-- Зачем же нам воевать? -- спросил староста.

-- Да как же позволить Франции распоряжаться у нас.

-- Да ведь вы сами говорите, что у них лучше нашего устроено, -- сказал староста совершенно серьезно. -- Пускай бы они так и у нас устроили.

И приятель мой рассказывал мне, что рассуждение это так поразило его, что он решительно не знал, что ответить, и только засмеялся, как смеются люди, проснувшись от обманчивого сна.

Такие же суждения можно услышать от всякого трезвого русского рабочего человека, если только он не находится под гипнотическим влиянием правительства. Говорят о любви русского народа к своей вере, царю и отечеству, а между тем не найдется в России ни одного общества крестьян, которое бы на минуту задумалось о том, что ему выбрать из двух предстоящих мест поселения: одно в России с русским батюшкой-царем, как это пишется в книжках, и святой верой православной в своем обожаемом отечестве, но с меньшей и худшей землей, или без батюшки белого царя и без православной веры где-либо вне России, в Пруссии, Китае, Турции, Австрии, но с несколько большими и лучшими угодьями, что мы и видели прежде и видим и теперь. Для всякого русского крестьянина вопрос о том, под чьим они будут

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
правительством (так как он знает, что, под чьим бы он ни был, одинаково будут обирать его), имеет несравненно меньше значения, чем вопрос -- не скажу уже:

хороша ли вода, но -- мягка ли глина и хорошо ли родится капуста.

Но можно подумать, что равнодушие русских происходит от того, что всякое правительство, под власть которого они перейдут, будет наверно лучше русского, потому что в Европе нет ни одного хуже его; но это не так: сколько мне известно, то же самое мы видели на переселенцах англичанах, голландцах, немцах, переселяющихся в Америку, всяких других народностях, переселяющихся в Россию.

Переходы европейских народов из-под власти одного правительства под власть другого: из-под турецкого под австрийское или из-под французского под германское, так мало изменяют положение народа, что ни в каком случае не могут вызвать никакого недовольства в рабочем народе, если он только не будет искусственно подчинен внушениям правительств и правящих классов.

XII

Обыкновенно в доказательство существования патриотизма приводят проявления патриотических чувств в народе во время различных торжеств, как, например, в России во время коронации или встречи царя после крушения 17 октября, или во Франции во время объявления войны Пруссии, или в Германии во время торжеств победы, или во время франко-русских празднеств.

Но ведь надо знать, как готовятся эти манифестации. В России, например, при каждом проезде государя наряжаются от крестьянских обществ и с фабрик люди для встреч и приветствий царя. Восторги толпы большей частью искусственно приготавливаются теми, кому они нужны, и степень восторга выражаемая толпой, показывает только степень искусства учредителей этих восторгов. Дело это практикуется давно, и потому специалисты учредители этих восторгов дошли в приготовлениях их до высокой виртуозности. Когда Александр II был еще наследником и командовал, как это обыкновенно делается, Преображенским полком, он раз после обеда приехал в полк, стоящий в лагере. Только что показалась его коляска, солдаты, как были в одних рубахах, выбежали ему навстречу и с таким восторгом встретили, как это пишется, своего августейшего командира, что все взапуски бежали за коляской и многие из них на бегу крестились, глядя на наследника. Все те, кто видели эту встречу, были умилены этой наивной преданностью и любовью русского солдата к царю и его наследнику и тем непритворным религиозным и очевидно неподготовленным восторгом, который выражался в лицах, в движениях и в особенности в крестных знамениях солдат. А между тем все это было сделано искусственно и приготовлено следующим образом: после смотра накануне наследник сказал бригадному командиру, что он заедет завтра.

-- Когда ожидать ваше императорское величество?

-- Должно быть, вечером. Только, пожалуйста, чтобы не было приготовлений. -- Как только наследник уехал, бригадный командир созвал ротных командиров и распорядился, чтобы на завтрашний день все солдаты были в чистых рубахах, и как только завидят коляску наследника, которую должны были ждать махальные, -- чтобы все бежали, как попало, навстречу и с криками "ура" бежали бы за коляской, при этом, чтобы каждый десятый человек в роте бежал и крестился. Фельдфебеля выстроили роты и, считая по одному, останавливались на десятом: "раз, два, три... восемь, девять, десять, Сидоренко крестится; раз, два, три, четыре... Иванов крестится..." и все было исполнено по приказанию, и впечатление восторга произведено было полное и на наследника, и на всех присутствующих, и даже на солдат и офицеров, и даже на бригадного командира, который сам все это выдумал. Точно так же, хотя менее грубо, делается это и везде, где есть патриотические манифестации. Так, франко-русские празднества, которые представляются нам как произвольные выражения чувства народа, произошли не сами собой, а были, напротив, очень искусственно и довольно видно подготовлены и вызваны французским правительством.

"Как только стал известен приезд русских моряков, так тотчас же, -- я цитирую опять из того же "Сельского вестника", правительственного органа, собирающего свои сведения из всех других газет, -- не только во всех больших и малых городах, лежащих на довольно длинном пути между Тулоном и Парижем, но и во

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

множестве городов и селений, лежащих совсем в стороне на далеком расстоянии, -- начали составляться комитеты для устройства празднеств. Открылся повсюду сбор пожертвований на расходы по этим празднествам. Многие города посылали депутации в Париж к нашему императорскому послу с просьбами, чтобы русские моряки посетили эти города хоть на один день, даже хоть на один час. Городские управления всех тех городов, в которых указано побывать нашим морякам, назначили огромные суммы, более чем по 100 тысяч рублей на устройство различных празднеств и увеселений, и изъявили готовность израсходовать на это еще большие суммы, сколько потребуется, лишь бы встреча и празднества вышли как можно великолепно.

"В самом Париже, кроме суммы на этот предмет, отпущенной от городского управления, еще собрана большая сумма по частной подписке частным комитетом тоже на устройство увеселений, и французское правительство ассигновало более 100 тысяч рублей для чествования русских гостей министрами и другими властями. Во многих городах, где наши моряки вовсе не покажутся, все-таки решено устроить 1-го октября разные празднества в честь России. Множество городов и провинций решили послать в Тулон или Париж особые депутации приветствовать русских гостей и поднести им подарки на память о Франции или послать им приветственные адреса и телеграммы. Решено повсюду день 1-го октября считать народным праздником и воспитанников учебных заведений освободить от учения на этот день, а в Париже на два дня. Штрафным нижним чином решено простить их провинности, чтобы они с благодарностью вспоминали радостный день для Франции -- день 1-го октября.

Для облегчения желающим из публики посетить Тулон и участвовать в встрече русской эскадры, железные дороги понизили плату наполовину и снаряжали особые поезда не в очередь".

И вот когда целым рядом повсеместных одновременных мер, которые, благодаря находящейся в его руках власти, всегда может принять правительство, некоторая часть народа, преимущественно пена народная, городская толпа, приведена в ненормально-возбужденное состояние, говорят: смотрите, это произвольное выражение воли всего народа. Такие манифестации, как те, которые происходили теперь в Тулоне и Париже, которые происходят в Германии при встрече императора или Бисмарка, или при маневрах в Лотарингии и постоянно повторяющиеся в России при всяких торжественно обставленных встречах, доказывают только то, что средства искусственного возбуждения народа, находящиеся теперь в руках правительства и правящих классов, так могущественны, что правительства и правящие классы, обладающие ими, всегда могут по произволу вызвать какую они хотят патриотическую манифестацию проявлением патриотических чувств народа. Ничто, напротив, не доказывает с такой очевидностью отсутствие патриотизма в народах, как именно те напряженные усилия, которые употребляются теперь правительствами и правящими классами для искусственного возбуждения его, и те малые результаты, которые получаются, несмотря на все эти усилия.

Если патриотические чувства так свойственны народам, то оставили бы их свободно проявляться, а не возбуждали бы их всеми возможными и постоянными и исключительными искусственными средствами. Пусть бы хоть на время, на год, перестали бы в России, как это делают теперь, при вступлении всякого царя во власть, заставлять весь народ присягать ему, перестали бы при всякой церковной службе по нескольку раз торжественно произносить обычные молитвы за царя, перестали бы праздновать с колокольным звоном, иллюминацией и запретами работать дни его рождения и именин, перестанут вывешивать и выставлять везде его изображения, перестали бы в молитвенниках, календарях учебниках печатать огромными буквами Имя его и семьи и даже местоимения, относящиеся к ним; перестали бы в особых книжках и газетах только для этого назначенных, возвеличивать его; перестали бы судить и сажать в тюрьмы за малейшее неуважительное слово, сказанное о царе, -- перестали бы хоть на время это делать, и тогда мы увидали бы, насколько свойственно народу, настоящему рабочему народу, Прокофию, старосте Ивану и всем людям русского народа, как в этом уверяют народ и уверены все иностранцы, обожать царя, который тем или другим способом отдает их в руки помещика и вообще богатых. Так это в России, но пусть точно так же перестанут в Германии, Франции, Италии, Англии, Америке делать все то, что точно так же напряженно делается и там правящими классами для возбуждения патриотизма и преданности и покорности существующему правительству, и тогда мы увидали бы, насколько свойствен этот воображаемый патриотизм народам нашего времени.

А то с детства всеми возможными средствами -- школьными учебниками, церковными

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

службами, проповедями, речами, книгами, газетами, стихами, памятниками -- все в одном и том же направлении одурят народ, потом соберут насильно или подкупом несколько тысяч народа и, когда эти собравшиеся тысячи, к которым пристанут еще все зеваки, которые всегда рады присутствовать при всяком зрелище, и когда вся эта толпа при звуках стрельбы из пушек, музыки и при виде всякого блеска и света начнет кричать то, что прокричат перед ней, нам говорят, что это выражение чувств всего народа. Но, во 1-х, эти тысячи, ну, много, десятки тысяч людей, которые кричат что-то при таких торжествах, составляют только одну крошечную, десяти тысячную часть всего народа; во 2-х, из этих десятков тысяч кричащих и махающих шапками людей, большая половина, если не согнана насильно, как у нас в России, то искусственно вызвана какой-нибудь приманкой; в 3-х, из всех этих тысяч едва ли есть десятки, которые знают, в чем дело, и точно так же кричали бы и махали шапками, если бы происходило совершенно противное тому, что происходит; в 4-х, тут же присутствует полиция, которая сейчас же заставит замолчать и заберет всех тех, которые закричат не то, чего хочет и требует правительство, как это усиленно делалось во время франко-русских празднеств.

Во Франции одинаково восторженно приветствовали войну с Россией при Наполеоне I, и потом Александра I, того, против кого велась война, и потом опять Наполеона, и опять союзников, и Бурбона, и Орлеана, и республику, и Наполеона III, и Буланже; а в России одинаково восторженно приветствуют нынче Петра, завтра Екатерину, послезавтра Павла, Александра, Константина, Николая, герцога Лейхтенбергского. братьев славян, прусского короля и француз их моряков и всех тех, кого начальство захочет приветствовать. Точно то же самое происходит в Англии, Америке, Германии, Италии.

То, что называется патриотизмом в наше время, есть только, с одной стороны, известное настроение, постоянно производимое и поддерживаемое в народах школой. религией, подкупной прессой в нужном для правительства направлении, с другой -- временное, производимое впечатление низших по нравственному и умственному даже уровню людей народа, которое выдается потом за постоянное выражение воли всего народа. Патриотизм угнетенных народностей не составляет из этого исключения. Он точно так же несвойствен рабочим массам, а искусственно прививается им высшими классами.

XIII

"Но если люди народа не испытывают чувства патриотизма, то это происходит оттого, что они не доросли еще до этого высокого и свойственного всякому образованному человеку чувства. Если они не испытывают этого высокого чувства, то надо его воспитывать в них. Это самое и делает правительство".

Так говорят обыкновенно люди правящих классов с такой полной уверенностью в том, что патриотизм есть высокое чувство, что наивные люди из народа, не испытывающие этого чувства, признают себя виноватыми в том, что они не испытывают этого чувства, стараются уверить себя, что они испытывают его или хотя притворяются в этом.

Но что же такое это высокое чувство, которое, по мнению правящих классов, должно быть воспитываемо в народах?

Чувство это есть, в самом точном определении своем, не что иное, как предпочтение своего государства или народа всякому другому государству и народу, чувство, вполне выражаемое немецкой патриотической песней: "Deutschland, Deutschland uber alles" (Германия, Германия выше всех".), в которую стоит только вместо Deutschland вставить Russland, Frankreich, Italien или N.N., т.е. какое-либо другое государство, и будет самая ясная формула высокого чувства патриотизма. Очень может быть, что чувство это очень желательно и полезно для правительств и для цельности государства, но нельзя не видеть, что чувство это вовсе не высокое, а, напротив, очень глупое и очень безнравственное; глупое потому, что если каждое государство будет считать себя лучше всех других, то очевидно, что все они будут не правы, и безнравственно потому, что оно неизбежно влечет всякого человека, испытывающего его, к тому, чтобы приобрести выгоды для своего государства и народа в ущерб другим государствам и народам, -- влечение прямо противоположное основному, признаваемому всеми нравственному закону: не делать другому и другим, чего бы мы не хотели, чтоб нам делали.

Патриотизм мог быть добродетелью в древнем мире, когда он требовал от человека

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

служения наивысшему -- доступному человеку того времени -- идеалу отечества. Но как же может быть патриотизм добродетелью в наше время, когда он требует от людей прямо противоположного тому, что составляет идеал нашей религии и нравственности, не признания равенства и братства всех людей, а признания одного государства и народности преобладающими над всеми остальными. Но мало того, что чувство это в наше время уже не только не есть добродетель, но несомненный порок; чувства этого, т.е. патриотизма в истинном его смысле, в наше время не может быть, потому что нет для него ни материальных, ни нравственных оснований.

Патриотизм мог иметь смысл в древнем мире, когда каждый народ более или менее однородный по своему составу, исповедующий одну и ту же государственную религию и подчиняясь одной неограниченной власти своего верховного, обоготворяемого владыки, представлялся сам себе как бы островом среди постоянно стремящегося залить его океана варваров.

Понятно, что при таком положении патриотизм, т.е. желание отстоять от нападения варваров, не только готовых разрушить общественный порядок, но угрожающих разграблением и поголовными убийствами, и пленением, и обращением в рабство мужчин, и изнасилованием женщин, было чувством естественным, и понятно, что человек, для избавления себя и своих соотечественников от таких бед, мог предпочитать свой народ всем другим и испытывать враждебное чувство к окружающим его варварам и убивать их, чтобы защитить свой народ.

Но какое же значение может иметь это чувство в наше христианское время? На каком основании и для чего может человек нашего времени, русский пойти и убивать французов, немцев, или француз немцев, когда он знает очень хорошо, как бы он ни был мало образован, что люди другого государства и народа, к которому возбуждается его патриотическая враждебность, не варвары, а точно такие же люди -- христиане, как и он, часто даже одной с ним веры и исповедания, точно так же, как и он, желающие только мира и мирного обмена труда и, кроме того, еще большей частью связанные с ним или интересами общего труда, или торговыми, или духовными интересами, или теми и другими вместе. Так что очень часто для людей одного государства -- люди другого государства ближе и нужнее, чем свои соотечественники, как это имеет место для рабочих, связанных с работодателями других народностей, для торговых людей и в особенности для ученых и художников.

Кроме того, сами условия жизни до того изменились теперь, что то, что мы называем отечеством, то, что мы должны как-то отличать от всего остального, перестало быть ясно определенным, как оно было у древних, где составлявшие одно отечество люди принадлежали к одной народности, одному государству и одной вере. Понятен патриотизм египтянина, еврея, грека, римлянина, которые, защищая свое отечество, защищали вместе и свою веру, и свою народность, и свою родину, и свое государство.

Но в чем выразится в наше время патриотизм ирландца в Соединенных Штатах, по вере своей принадлежащего Риму, по народности Ирландии, по государственности Соединенным Штатам? В таком же положении находится чех в Австрии, поляк в России, Пруссии и Австрии, индеец в Англии, татарин и армянин в России и Турции. Но, не говоря уже о людях этих отдельных покоренных народностей, люди государств самых однородных, как Россия, Франция, Пруссия, не могут уже испытывать того чувства патриотизма, который был свойствен древним, потому что очень часто все главные интересы их жизни, иногда семейные -- он женат на женщине другого народа; экономические -- капиталы его за границей; духовные, научные или художественные -- все не в своем отечестве, а вне его, в том государстве, к которому возбуждается его патриотическая ненависть.

Главное же невозможно патриотизм в наше время потому, что, как мы ни старались в продолжение 1800 лет скрыть смысл христианства, оно все-таки просочилось в нашу жизнь и до такой степени руководит ею, что люди, самые грубые и глупые, не могут уже не видеть теперь совершенной несовместимости патриотизма с теми нравственными правилами, которыми они живут.

XIV

Патриотизм был нужен для образования объединенных из разных народностей и защищенных от варваров сильных государств. Но как скоро христианское просвещение одинаково внутренне преобразило все эти государства, дав им одни и те же основы, патриотизм стал уже не только не нужен, но стал единственным препятствием для

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
того единения между народами, к которому они готовы по своему христианскому сознанию.

Патриотизм в наше время есть жестокое предание уже пережитого периода времени, которое держится только по инерции и потому, что правительства и правящие классы, чувствуя, что с этим патриотизмом связана не только их власть, но и существование, старательно и хитростью и насилием возбуждают и поддерживают его в народах. Патриотизм в наше время подобен лесам, когда-то бывшим необходимыми для постройки стен здания, которые, несмотря на то, что они одни мешают теперь пользованию зданием, все-таки не снимаются, потому что существование их выгодно для некоторых.

Между христианскими народами уже давно нет и не может быть никаких причин раздора. Невозможно даже представить себе, как и зачем мирно и вместе работающие на границах и в столицах русские и немецкие рабочие станут ссориться между собой. И тем менее можно вообразить себе вражду между каким-нибудь казанским крестьянином, поставляющим хлеб немцу, и немцем, доставляющим ему косы и машины, то же самое между французскими, немецкими и итальянскими рабочими. О ссоре же между учеными, художниками, писателями разных национальностей, живущими одними общими независимыми от национальности и государственности интересами, даже смешно говорить.

Но правительствам нельзя оставить народы в покое, т.е. в мирных отношениях между собой, потому что если не единственное, то главное оправдание существования правительств в том, чтобы умиротворять народы, улаживать их враждебные отношения. И вот правительства вызывают эти враждебные отношения под видом патриотизма и потом делают вид, что умиротворяют народы между собой. Вроде того, как цыган, который, наспав своей лошади перца под хвост, нахлестав ее в стойле, выводит ее, повиснув на поводу, и притворяется, что он насилу может удержать разгорячившуюся лошадь.

Нас уверяют, что правительства заботятся о соблюдении мира между народами. Как же они соблюдают этот мир?

Живут люди по берегам Рейна, мирно общаясь между собой, -- вдруг, вследствие разных ссор и интриг между королями и императорами, начинается война, и оказывается нужным правительству Франции признать некоторых из этих жителей французами. Проходят века, люди привыкли к этому положению, опять начинается вражда между правительствами больших народов, и по самому пустому предлогу начинается война, и оказывается нужным немцам признать этих жителей опять немцами, и во всех французах и немцах разжигается недоброжелательство друг к другу. Или живут мирно немцы с русскими на своей границе, мирно обмениваются трудами и произведениями труда, и вдруг те самые учреждения, которые существуют только во имя умиротворения народов, начинают ссориться, делать глупость за глупостью и ничего лучшего не умеют придумать, как самый ребяческий прием самонаказания, только бы поставить на своем и насолить противнику (что в этом случае особенно удобно, так как те, кто устраивает таможенную войну, не страдают от нее, а страдают другие), устраивают ту таможенную войну, которая недавно велась между Россией и Германией. И между немцами и русскими с помощью газет начинается разгораться недоброжелательное чувство, которое еще разжигается франко-русскими празднествами и того и гляди может привести к кровавой войне.

Я привел эти два последние примера воздействия правительств на народ для возбуждения в нем враждебности к другим народам, потому что они современны; но нет во всей истории ни одной войны, которая не была бы вызвана правительствами, одними правительствами, совершенно независимо от выгод народов, которым война, даже если она успешна, всегда вредна.

Правительства уверяют народы, что они находятся в опасности от нападения других народов и от внутренних врагов и что единственное средство спасения от этой опасности состоит в рабском повиновении народов правительствам. Так это с полной очевидностью видно во время революций и диктатур и так это происходит всегда и везде, где есть власть. Всякое правительство объясняет свое существование и оправдывает все свои насилия тем, что если бы его не было, то было бы хуже. Уверив народы, что они в опасности, правительства подчиняют себе их. Когда же народы подчиняются правительствам, правительства эти заставляют народы нападать на другие народы. И, таким образом, для народов подтверждается уверенность правительств об опасности от нападения со стороны других народов.

Divide et impera (Разделяй и властвуй.).

Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своем есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых -- отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Так он и проповедуется везде, где проповедуется патриотизм.

Патриотизм есть рабство.

Проповедники мира посредством арбитрации рассуждают так: два животные не могут разделить добычу иначе, как подравшись, так же поступают дети, варвары и варварские народы. Но люди разумные решают свои несогласия рассуждением, убеждением, передачей решения вопроса незаинтересованным, разумным лицам. Так должны поступать и народы нашего времени. Рассуждения эти кажутся вполне правильными. Народы нашего времени дожили до периода разумности, не имеют враждебности друг к другу и могли бы решать свои несогласия путем мирным. Но рассуждение это справедливо только относительно народов, одних народов, если бы они не были под властью правительств. Народы же, подчиняющиеся правительствам, не могут быть разумны, потому что подчинение правительства уже есть признак величайшего неразумия.

Какая же речь может быть о разумности людей, вперед обещающихся исполнить все то (включая сюда и убийство людей), что предпишет правительство, т.е. известные случайно попавшие в это положение люди.

Люди, могущие принять такое обязательство безропотного подчинения всему тому, что им предпишут неизвестные им люди из Петербурга, Вены, Берлина, Парижа, не могут быть разумны, и правительства, т.е. люди, обладающие такой властью, еще менее могут быть разумны и не могут не злоупотреблять ею, не могут не ошалевать от такой безумно страшной власти. Поэтому-то и не может быть достигнут мир народов между собой разумным путем, конвенциями, арбитрацией до тех пор, пока будет существовать подчинение народов правительствам, которое всегда неразумно и всегда пагубно.

Подчинение же людей правительствам всегда будет, пока будет патриотизм, потому что всякая власть основывается на патриотизме, т.е. на готовности людей, ради защиты своего народа, отечества, т.е. государства, от мнимо угрожающих ему опасностей, подчиняться власти.

На этом патриотизме основывалась власть французских королей над своим народом до революции; на этом же патриотизме основывалась и власть Комитета общественной безопасности после революции; на этом же патриотизме воздвиглась власть Наполеона (и консула и императора); и на том же патриотизме установилась по свержении Наполеона власть Бурбонов, и потом республики, и Людовика-Филиппа, и опять республики, и опять Бонапарта, и опять республики, и на этом же патриотизме чуть было не установилась власть г-на Буланже.

Страшно сказать, но нет и не было такого совокупного насилия одних людей над другими, которое не производилось бы во имя патриотизма. Во имя патриотизма воевали русские с французами, французы с русскими, и во имя же патриотизма теперь готовятся русские с французами воевать против немцев, и во имя патриотизма готовятся теперь немцы -- воевать на два фронта. Но не только войны, -- во имя патриотизма русские душат поляков и немцы славян; во имя патриотизма коммунары убивали версальцев и версальцы -- коммунаров.

XV

Казалось бы, что распространение образования, облегченных способов передвижения, частого общения между людьми разных народов, при распространении печати и, главное, при совершенном уничтожении опасности от других народов, обман патриотизма должен бы становиться все труднее и труднее и под конец сделаться невозможным.

Но дело в том, что те самые средства всеобщего внешнего образования, облегченных способов передвижения и общения и, главное, печати, захваченные и все более и более захватываемые правительствами, дают им теперь такую возможность возбуждать

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
в народах враждебные друг к другу чувства, что на сколько увеличивалась очевидность ненужности и вреда патриотизма, на столько же увеличивалась и сила воздействия правительств и правящих классов на народ для возбуждения патриотизма.

Различие между тем, что было и что есть теперь, состоит только в том, что так как теперь гораздо большее число людей участвует в тех выгодах, которые доставляет патриотизм высшим классам, то и гораздо большее число людей участвует в распространении и поддержании этого удивительного суеверия.

Чем труднее удержать свою власть, тем все с большим и большим количеством людей правительство делится ею.

Прежде властвовала одна маленькая кучка правителей: императоры, короли, герцоги, их чиновники и воины; теперь же участниками этой власти и доставляемых ею выгод стали не только чиновники и духовенство, но капиталисты, большие и даже малые, и землевладельцы, и банкиры, и члены палат, и учителя, и сельские должностные лица, и ученые, и даже художники, и в особенности писатели, журналисты. И все эти лица сознательно и бессознательно распространяют обман патриотизма, необходимый им для удержания своего выгодного положения. И обман, благодаря тому, что средства обмана стали сильнее и что в нем участвует теперь все большее количество людей, производится так успешно, что, несмотря на большую трудность обмана, степень обманутости народа остается та же.

За 100 лет тому назад безграмотный народ, не имевший никакого понятия о том, из кого состоит его правительство, и о том, какие народы окружают его, слепо повиновался тем местным чиновникам и дворянам, у которых он находился в рабстве. И достаточно было правительству держать подкупам и наградами в своей власти этих чиновников и дворян, чтобы народ покорно исполнял то, что от него требовалось. Теперь же, когда народ уже большею частью умеет читать, знает более или менее, из кого состоит его правительство, какие народы окружают его; когда люди из народа постоянно и легко передвигаются с места на место, принося ему сведения о том, что делается на свете, уже недостаточно простого требования исполнения приказаний правительств; нужно еще затемнить те правдивые понятия, которые имеет народ о жизни, и внушить ему несвойственные представления об условиях его жизни и об отношении к нему других народов.

И вот, благодаря распространению печати, грамотности и легкости сообщений, правительства, везде имея своих агентов, через указы, церковные проповеди, школы, газеты внушают народу самые дикие и превратные понятия об его выгодах, об отношениях народов между собой, об их свойствах и намерениях, и народ, настолько задавленный трудом, что не имеет ни времени, ни возможности понять значение и проверить справедливость тех понятий, которые внушаются ему, и тех требований, которые во имя его блага предъявляются ему, безропотно покоряется им.

Люди же из народа, освобождающиеся от неустанного труда и образующиеся и потому, казалось бы, могущие понять обман, производимый над ними, подвергаются такому усиленному воздействию угроз, подкупа и гипнотизации правительств, что почти без исключения тотчас переходят на сторону правительств и, поступая в выгодные и хорошо оплачиваемые должности учителей, священников, офицеров, чиновников, становятся участниками распространения того обмана, который губит их собратьев. Как будто в дверях образования стоят тенета, в которые неизбежно попадают все те, которые теми или другими способами выходят из массы поглощенного трудом народа.

Сначала, когда поймешь всю жестокость этого обмана, невольно поднимается негодование против тех, которые из-за своих личных, корыстолюбивых, тщеславных выгод, производят этот жестокий, губящий не только тело, но и душу людей, обман, хочется обличить этих жестоких обманщиков. Но дело в том, что обманывающие обманывают не потому, что они хотят обманывать, но потому, что они почти не могут поступать иначе. И обманывают они не макиавеллически, не с сознанием производимого ими обмана, но большей частью с наивной уверенностью, что они делают что-то доброе и возвышенное, в чем их постоянно поддерживает сочувствие и одобрение всех окружающих их. Правда, что, смутно чувствуя то, что на этом обмане держится их власть и выгодное положение, они невольно влекутся к нему, но действуют они не потому, что они хотят обмануть народ, а потому, что думают, что делаемое ими дело полезно для народа.

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Так, императоры, короли со своими министрами, делая свои коронации, маневры, смотры, посещения друг друга, во время которых они, наряжаясь в различные мундиры, переезжая с места на место, с серьезными лицами совещаются друг с другом о том, как примирить будто бы враждебные народы (которым никогда и в голову не придет воевать друг с другом), вполне уверены, что все то, что они делают, дело очень разумное и полезное.

Точно так же все министры, дипломаты и всякие чиновники, наряжающиеся в свои мундиры с разными ленточками и крестиками и озабоченно пишущие на прекрасной бумаге за номерами свои неясные, запутанные, никому не нужные сообщения, донесения, предписания, проекты, вполне уверены, что без этой их деятельности остановится или расстроится вся жизнь народов.

Точно так же и военные, наряженные в свои смешные костюмы, серьезно рассуждающие о том, какими ружьями или пушками лучше убивать людей, вполне уверены, что их маневры и смотры суть самые важные и нужные для народа дела.

В этом же убеждены и проповедующие патриотизм священники, журналисты и составители патриотических стихов и учебников, получающие за это щедрое вознаграждение. В том же не сомневаются и учредители празднеств вроде франко-русских, искренно умиляющиеся при произнесении своих патриотических речей и тостов. Все люди эти делают то, что они делают, бессознательно, потому что это необходимо им,

так как на этом обмане построена вся их жизнь, и потому что они другого ничего не умеют делать, а между тем эти самые поступки вызывают сочувствие и одобрение всех тех людей, среди которых они совершаются. Мало того что, будучи все связаны друг с другом, они сами одобряют и оправдывают поступки и деятельность друг друга: император и короли -- военных, чиновников и духовных; а военные, чиновники и духовные -- императоров и королей и друг друга, толпа народная, преимущественно городская толпа, не видя никакого понятного для себя смысла во всем том, что делается всеми этими людьми, невольно приписывает им особенное, почти сверхъестественное значение. Толпа видит, например, что ставятся триумфальные арки, люди наряжаются в короны, мундиры, ризы, сжигаются фейерверки, палат из пушек, звонят в колокола, ходят с музыкой полки, летают бумаги, и телеграммы, и курьеры с места на место, и странно наряженные люди непрерывно, озабоченно переезжают с места на место, что-то говорят и пишут и т.п., и толпа, не будучи в состоянии проверить, что все это делается (как оно есть в действительности) без малейшей надобности, приписывает всему этому особенное, таинственное для себя и важное значение, и криками восторга или молчаливым уважением встречает все эти проявления. А между тем эти выражения иногда восторга и всегда уважения толпы еще более усиливают уверенность тех людей, которые производят все эти глупости.

Недавно Вильгельм II заказал себе новый трон с какими-то особенными украшениями и, нарядившись в белый мундир с латами, в обтянутые штаны и в каску с птицей и сверх этого надев красную мантию, вышел к своим подданным и сел на этот новый трон с полной уверенностью, что это дело очень нужное и важное, и подданные его не только не нашли в этом ничего смешного, но нашли это зрелище весьма торжественным.

XVI

Уже давно власть правительств над народами держится не на силе, как она держалась в те времена, когда одна народность покоряла другую и силой оружия держала ее в покорности, или когда у властителей среди безоружного народа были отдельные вооруженные полчища янычар, опричников, гвардейцев. Власть правительств держится теперь уже давно только на том, что называется общественным мнением.

Существует общественное мнение, что патриотизм есть великое нравственное чувство и что хорошо и должно считать свой народ, свое государство самым лучшим в мире, и устанавливается естественно вытекающее из этого общественное мнение о том, что хорошо и должно признавать над собой власть правительств и подчиняться ей, что хорошо и должно служить в военной службе и подчиняться дисциплине, хорошо и должно в виде подати отдавать свои сбережения правительству, хорошо и должно подчиняться решениям судов, хорошо и должно бесконтрольно верить тому, что выдается правительственными лицами за божественную истину.

А раз существует такое общественное мнение, то и устанавливается могущественная власть, обладающая в наше время миллиардами денег, организованным механизмом управления, почтами, телеграфами, телефонами, дисциплинированными войсками, судами, полицией, покорным духовенством, школой, даже прессой. и власть эта поддерживает в народах то общественное мнение, которое нужно ей.

Власть правительств держится на общественном мнении, обладая же властью, правительства посредством всех своих органов, чиновников, суда, школы, церкви, прессы даже, всегда могут поддержать то общественное мнение, которое им нужно. Общественное мнение производит власть, власть производит общественное мнение. И выхода из этого положения кажется что нет никакого.

И так бы оно действительно было, если бы общественное мнение было нечто постоянное, неизменяющееся и правительства могли бы производить то общественное мнение, которое им нужно.

Но, к счастью, этого нет, и общественное мнение есть, во-первых, не нечто постоянное, неизменяющееся, стоячее, а, напротив, нечто постоянно изменяющееся, движущееся вместе с движением человечества; а во-вторых, общественное мнение не только не может быть производимо по желанию правительствами, а есть то, что производит правительства и дает им власть или отнимает ее у них.

Если и может казаться, что общественное мнение остается неподвижным и теперь таково же, каким оно было десятки лет тому назад, и может казаться и то, что общественное мнение по отношению некоторых частных случаев колеблется, как будто возвращаясь назад, так что оно, например, то уничтожает республику, заменяя ее монархией, то вновь уничтожает монархию, заменяя ее республикой, но это только кажется так, когда мы рассматриваем внешние проявления того общественного мнения, которое искусственно производится правительствами. Но стоит только взять общественное мнение в его отношении ко всей жизни людей, и мы увидим, что общественное мнение точно так же, как время дня или года, никогда не стоит на месте, а всегда движется, всегда идет неотступно вперед по тому же пути, по которому идет вперед человечество, точно так же, как, несмотря на задержки и колебания, неотступно идет вперед день или весна по тому же пути, по которому идет солнце.

Так что хотя по самым внешним признакам положение народов Европы в наше время почти такое же, какое было 50 лет тому назад, отношение к нему народов уже совсем иное, чем то, которое было 50 лет тому назад. Если существуют те же, как и 50 лет тому назад, властители, войска, войны, подати, роскошь и нищета, католичество, православие, лютеранство, то прежде это существовало потому, что общественное мнение народов требовало этого, теперь же все это существует только потому, что правительства искусственно поддерживают то, что было когда-то живым общественным мнением.

Если же мы часто не замечаем этого движения общественного мнения, как не замечаем движения воды в реке, по течению которой плывем, то происходит это оттого, что те незаметные изменения общественного мнения, которые составляют его движение, происходят в нас самих.

Свойство общественного мнения есть постоянное и неуправляемое движение. Если нам кажется, что оно стоит на месте, то это происходит оттого, что везде есть люди, устроившие себе выгодное положение на известном моменте общественного мнения и потому всеми силами старающиеся удержать его и не дать проявиться тому новому, настоящему, которое хотя еще и не выразилось вполне, но уже живет в сознании людей. И такие люди, удерживающие отжившее общественное мнение и скрывающие новое, суть теперь все те, которые составляют правительства и правящие классы, исповедующие патриотизм, как необходимое условие жизни человеческой.

Средства, которыми обладают эти люди, огромны, но так как общественное мнение есть нечто вечно текущее и прибывающее, то все усилия их не могут не быть тщетны: старое старится, молодое растет.

Чем дольше будет удержано выражение нового общественного мнения, тем более оно нарастет и тем с большею силою выразится. Правительства и правящие классы всеми силами стараются удержать то старое общественное мнение патриотизма, на котором построена их власть, и остановить проявление нового, которое уничтожает ее. Но

удержать старое и остановить новое можно только до известных пределов, точно так же, как только до известного предела можно плотиной задержать текущую воду.

Сколько бы ни старались правительства возбуждать в народах не свойственное им уже общественное мнение прошедшего о достоинстве и доблестях патриотизма, люди нашего времени уже не верят в патриотизм, а все больше и больше верят в солидарность и братство народов. Патриотизм уже не представляет людям никакого, кроме самого ужасного, будущего; братство же народов составляет тот общий идеал, который все более и более становится понятным и желательным человечеству. И потому переход людей от прежнего, отжитого общественного мнения к новому неизбежно должен совершиться. Переход этот так же неизбежен, как отпадение весной последних сухих листьев и развертывание молодых из надувшихся почек.

И чем дальше оттягивается этот переход, тем он становится настоятельнее и тем очевиднее его необходимость.

Ведь в самом деле, стоит только вспомнить то, что мы исповедуем и как христиане и просто как люди своего времени, вспомнить те нравственные основы, которыми мы руководствуемся в нашей общественной, семейной и личной жизни, и то положение, в котором мы во имя патриотизма поставили себя, чтобы увидеть, до какой дошли степени противоречия между нашим сознанием и тем, что считается среди нас, благодаря усиленному воздействию в этом направлении правительства, нашим общественным мнением.

Стоит только вдуматься в те самые обыкновенные требования патриотизма, которые, как что-то самое простое и естественное, предъявляются нам, чтобы понять, до какой степени эти требования противоречат тому действительному общественному мнению, которое мы все уже разделяем. Все мы считаем себя свободными, образованными, гуманными людьми и даже христианами, а между тем все мы находимся в таком положении, что завтра Вильгельм обиделся на Александра, или г-н N.N. написал бойкую статью о восточном вопросе, или принц какой-нибудь ограбил каких-нибудь болгар или сербов, или какая-нибудь королева или императрица обиделась на что-нибудь, и мы все образованные, гуманные христиане, должны идти убивать людей, которых мы не знаем и к которым дружески расположены, как и ко всем людям. Если же этого не случилось еще, то мы обязаны этим, как уверяют нас, миролюбию Александра III, или тому, что Николай Александрович женится на внучке Виктории. А будет на месте Александра другой, или сам Александр изменит свое настроение, или Николай Александрович женится на Амалии, а не на Алисе, и мы, как кровожадные звери, бросимся выпускать кишки друг другу. Таково мнимое общественное мнение нашего времени. Суждения такие спокойно повторяются во всех самых передовых и либеральных органах печати.

Если мы, тысячелетние христиане, еще не перерезали горло друг другу, то это потому, что Александр III не позволяет нам сделать этого.

Ведь это ужасно!

XVII

Для того, чтобы совершились самые великие и важные изменения в жизни человечества, не нужны никакие подвиги: ни вооружение миллионов войск, ни постройки новых дорог и машин, ни устройства выставок, ни устройства союзов рабочих, ни революции, ни баррикады, ни взрывы, ни изобретения, ни воздухоплавание и т. п., а нужно только изменение общественного мнения. Для изменения же общественного мнения не нужно никаких усилий мысли, не нужно опровергать что-либо существующее и придумывать что-либо необыкновенное, новое, нужно только не поддаваться ложному, уже умершему, искусственно возбуждаемому правительствами общественному мнению прошедшего, нужно только, чтобы каждый отдельный человек говорил то, что он действительно думает и чувствует, или хоть не говорил того, чего он не думает. И только бы люди, хоть небольшое количество людей, делали это, и тотчас само собой спадет отжившее общественное мнение и проявится молодое, живое, настоящее. А изменится общественное мнение, и без всякого усилия само собой заменится все то внутреннее устройство жизни людей, которое томит и мучает их. Совестно сказать, как мало нужно для того, чтобы всем людям освободиться от всех тех бедствий, которые теперь удручают их: нужно только не лгать. Пускай только не поддаются люди той лжи, которую внушают им, пусть только не говорят того, что они не думают и не чувствуют, и тотчас же совершится такой переворот во всем строе нашей жизни, которого не достигнут

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
революционеры столетиями, если бы вся власть находилась в их руках.

Только бы верили люди, что сила не в силе, а в правде, и смело высказывали бы ее, или хоть только бы не отступали от нее словом и делом: не говорили бы того, чего они не думают, не делали бы того, что они считают нехорошим и глупым.

Что же тут важного, чтобы прокричать: "Vive la France" или "ура!" какому-нибудь императору, королю, победителю, пойти, надев мундир, придворный ключ, дожидаться его в передней, раскланиваться и называть его странными титулами и потом внушать всем и молодым, и необразованным людям, что делать это очень похвально. Или что важного в том, чтобы написать статью в защиту франко-русского союза или таможенной войны, или в осуждение немцев, русских, французов, англичан. Или что важного пойти на какое-нибудь патриотическое празднование и пить за здоровье и говорить хвалебные речи людям, которых не любишь и до которых тебе нет никакого дела. Или даже что важного в том, чтобы в разговоре признать благотворность и полезность трактатов, союзов или даже промолчать, когда при вас восхваляют свой народ и государство, бранят и чернят другие народности, или когда восхваляют католичество, православие, лютеранство или какого-нибудь героя войны, или правителя вроде Наполеона, Петра или современного Буланже, Скобелева? Все это кажется так неважно.

А между тем в этих-то кажущихся нам неважными поступках, в воздержании нашем от участия в них, в указании по мере сил наших неразумности того, неразумность чего очевидна нам, в этом наше великое, непреодолимое могущество, то, из которого складывается та непобедимая сила, которая составляет настоящее, действительное общественное мнение, то мнение, которое, само двигаясь, движет всем человечеством. Правительства знают это и трепещут перед этой силой и всеми зависящими от них средствами стараются противодействовать ей или завладеть ею.

Они знают, что сила не в силе, а в мысли и ясном выражении ее, и потому боятся выражения независимой мысли больше, чем армий, устраивают цензуры, подкупают газеты, захватывают управления религиями, школами. Но та духовная сила, которая движет миром, ускользает от них, она даже не в книге, не в газете, она неуловима и всегда свободна, она в глубине сознания людей. Самая могущественная и неуловимая, свободная сила эта есть та, которая проявляется в душе человека, когда он один, сам собою обдумывает явления мира и потом невольно высказывает свои мысли своей жене, брату, другу, всем тем людям, с которыми он сходитесь и от которых считает грехом скрыть то, что он считает истиной. Никакие миллиарды рублей, миллионы войск и никакие учреждения, ни войны, ни революции не произведут того, что может произвести простое выражение свободным человеком того, что он считает справедливым независимо от того, что существует и что ему внушается.

Один свободный человек скажет правдиво то, что он думает и чувствует среди тысяч людей, своими поступками и словами, утверждающими совершенно противоположное. Казалось бы, что высказавший искренно свою мысль должен остаться одиноким, а между тем большей частью бывает так, что все или большинство уже давно думают и чувствуют то же самое, только не высказывают этого. И то, что было вчера новым мнением одного человека, делается нынче общим мнением большинства. А как скоро установилось это мнение, как тотчас незаметно, понемногу, но неудержимо начинают изменяться поступки людей.

А то каждый свободный человек говорит себе: "Что я могу сделать против всего этого моря зла и обмана, заливающего все? К чему высказывать свое мнение? К чему даже составлять его? Лучше не думать об этих неясных и запутанных вопросах. Может быть, эти противоречия составляют неизбежное условие всех явлений жизни. И к чему мне одному бороться со всем злом мира? Не лучше ли отдаться увлекающему меня потоку: если и можно что-нибудь сделать, то не одному, а только в обществе с другими людьми". И, оставляя то могущественное орудие мысли и выражения ее, которое движет миром, каждый берет за орудие общественной деятельности, не замечая того, что всякая общественная деятельность основана на тех самых началах, с которыми ему предлежит бороться, что, вступая в общественную деятельность, существующую среди нашего мира, всякий человек должен хоть отчасти отступить от истинны, сделать такие уступки, которыми он уничтожает всю силу того могущественного орудия борьбы, которое дано ему. Вроде того, как если бы человек, которому дан в руки необыкновенной остроты клинок, все перерезающий, стал бы лезвием этого клинка забивать гвозди.

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

Все мы плачемся на безумный, противоречащий всему нашему существу порядок жизни, а не только не пользуемся тем единственным находящимся в нашей власти могущественнейшим орудием: сознания истины и выражения ее, но, напротив, под предлогом борьбы со злом уничтожаем это орудие и приносим его в жертву воображаемой борьбе с этим порядком.

Один не говорит той правды, которую он знает, потому, что он чувствует себя обязанным перед людьми, с которыми он связан, другой -- потому, что правда могла бы лишить его того выгодного положения, посредством которого он поддерживает семью, третий -- потому, что он хочет достигнуть славы и власти и потом уже употребить их на служение людям; четвертый -- потому, что он не хочет нарушать старинные священные предания, пятый -- потому, что он не хочет оскорблять людей, шестой -- потому, что высказывание правды вызовет преследование и нарушит ту добрую общественную деятельность, которой отдается или намерен отдаться...

Один служит императором, королем, министром, чиновником, военным и уверяет себя и других, что то уклонение от истинны, которое необходимо при его положении, далеко выкупается приносимой им пользой.

Другой исполняет обязанности духовного пастыря, в глубине души не веря всему тому, чему он поучает, но позволяет себе уклонение от истинны ввиду приносимой им пользы. Третий поучает людей в литературе и, несмотря на необходимое умалчивание всей истинны для того, чтобы не восстановить против себя правительства и общества, не сомневается в приносимой им пользе; четвертый прямо борется с существующим порядком, как революционеры, анархисты, и вполне уверен, что цель, преследуемая им, так благодетельна, что необходимое для успеха его деятельности умалчивание истины и даже ложь, не уничтожат благотворности его деятельности.

Для того, чтобы изменился противный сознанию людей порядок жизни и заменился соответственным ему, нужно, чтобы отжившее общественное мнение заменилось живым, новым. Для того же, чтобы старое, отжившее общественное мнение уступило место новому, живому, нужно, чтобы люди, сознающие новые требования жизни, явно высказывали их. А между тем все люди, сознающие все эти новые требования, один во имя одного, другой во имя другого, не только умалчивают их, но словом и делом утверждают то, что прямо противоположно этим требованиям. Только истина и высказывание ее может установить то новое общественное мнение, которое изменит отсталый и вредный порядок жизни, а между тем мы не только не высказываем той истины, которую знаем, а часто даже прямо высказываем то, что сами считаем неправдой.

Только бы не полагались свободные люди на то, что не имеет силы и всегда несвободно, -- на внешнее могущество, а верили бы в то, что всегда могущественно и свободно, -- в истину и выражение ее. Только бы смело, ясно высказывали люди уже открывшуюся истину о братстве всех народов и преступности исключительной приверженности к своим народам, и само собой соскочило бы, как отсохшая шкура, то мертвое, ложное общественное мнение, на котором держится вся власть правительств и все зло, производимое ими, и проявилось бы то новое, живое общественное мнение, которое ждет только отпадения мешающего ему старого, для того, чтобы явно и властно заявить свои требования и установить соответственные сознанию людей новые формы жизни.

XVIII

Стоит людям только понять, что то, что им выдают за общественное мнение, что поддерживается такими сложными, напряженными и искусственными средствами, не есть общественное мнение, а только мертвое последствие когда-то бывшего общественного мнения; стоит, главное, поверить им в себя, в то, что то, что сознается ими в глубине души, что просится у каждого наружу и не высказывается только потому, что противоречит существующему общественному мнению, -- есть та сила, которая изменяет мир и проявление которой составляет призвание человека; стоит людям поверить в то, что правда не есть то, что говорят вокруг них люди, а то, что говорит человеку его совесть, т.е. Бог, и мгновенно исчезнет ложное, искусственно поддерживаемое общественное мнение и установится истинное.

Только бы люди говорили то, что они думают, и не говорили того, чего они не думают, и тотчас же отпали бы все суеверия, вытекающие из патриотизма, и все злые чувства и насилия, основанные на нем. Отпала бы раздуваемая правительствами

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru

ненависть и вражда государств к государствам и народностей к народностям, отпали бы восхваления военных подвигов, т.е. убийства, отпали бы, главное, уважение к властям, отдачи им своих трудов и подчинение им, для которых помимо патриотизма нет никаких оснований.

А только бы сделалось это, и мгновенно вся та огромная масса слабых, всегда извне руководимых людей, мгновенно перевалит на сторону нового общественного мнения. И новое общественное мнение станет царствующим на место старого.

Пускай обладают правительства школой, церковь, печатью, миллиардами людей и миллионами дисциплинированных, обращенных в машины людей, -- вся эта кажущаяся страшной организация грубой силы ничто перед сознанием истины, возникающим в душе знающего силу истины одного человека, и от этого человека сообщится другому, третьему, как одна свеча зажигает бесконечное количество других. Стоит только загореться этому свету, и, как воск от лица огня, распадется, растает вся эта кажущаяся столь могущественной организация.

Только бы люди понимали ту страшную власть, которая дана им в слове, выражающем истину. Только бы не продавали люди свое старшинство за чечевичную похлебку. Только бы пользовались люди этой своей властью, и не только не посмели бы властители, как теперь, угрожать людям всеобщей бойней, в которую они по своему произволу ввергнут или не ввергнут людей, не смели бы на глазах мирных жителей делать своих смотров и маневров дисциплинированным убийцам, не смели бы правительства для своих расчетов, для выгод своих пособников устраивать и расстраивать таможенные договоры, не смели бы собирать с народа и те миллионы рублей, которые они раздадут своим пособникам и на которые приготавливаются к убийству.

Итак, изменение не только возможно, но невозможно, чтобы оно не сделалось, так же невозможно, как невозможно, чтобы не сошло и не развалилось отжившее, мертвое дерево и не выросло молодое.

"Мир оставляю вам, мир мой даю вам: да не смущается сердце ваше и да не устрашается", -- сказал Христос. И мир этот действительно уже есть среди нас, и от нас зависит приобрести его.

Только бы не смущалось сердце отдельных людей теми соблазнами, которыми ежечасно соблазняют их, и не устрасалось бы теми воображаемыми страхами, которыми пугают их. Только бы знали люди, в чем их могущественная, всепобеждающая сила, и мир, которого всегда желали люди, не тот, который приобретается дипломатическими переговорами, переездами императоров и королей из одного города в другой, обедами, речами, крепостями, пушками, динамитами и меленитами, не изнурением народа податями, не отрыванием цвета населения от труда и развращением его, а тот мир, который приобретается свободным исповеданием истины каждым отдельным человеком, уже давно наступил бы среди нас.

17 марта 1894

Москва.

Лев Толстой. КИТАЙСКОМУ НАРОДУ ОТ ХРИСТИАНИНА

Среди вас совершают теперь величайшие злодеяния вооруженные люди, называющие себя христианами. Не верьте им: люди эти не христиане, а шайка самых ужасных, бессовестных разбойников, не переставая грабивших и грабящих, мучающих, развращающих и губящих телесно и душевно весь рабочий народ, 9/10 населения в Европе и Америке, и теперь желающих захватить и вас, ограбить, покорить, и главное, развратить, потому что без развращения тех народов, которые они мучают, эта небольшая шайка разбойников не могла бы властвовать над миллионами.

Люди эти не имеют никакого права называться христианами, потому что все их учение, хотя и называется христианством, не только не имеет ничего общего с христианством, но прямо противоположно и враждебно ему. Основной закон христианства есть признание всех людей братьями, делание для других то, что хочешь, чтобы для тебя делали люди. Христианство воспрещает не только убийство, но гнев, ругательство, не только прелюбодеяние, но все, что побуждает к нему, воспрещает клятву, противодействие насилею насилию, велит любить врагов. Шайка же разбойников, властвующих теперь миром, называющая себя христианской, всю свою

Публицистика. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru
власть строит на убийстве, учреждает прелюбодеяние, клятву, требует возмездия да и считает весь мир врагами и все больше и больше вооружается против врагов. Люди этой шайки с давнего времени стали появляться среди вас, предлагая вам свои товары и свою дикую веру, которую они называли христианством. Когда же ваши хотели выгонять их, они приходили с оружием в руках и убивали ваших и вырывали от них то, что им было нужно.

Так шло это уже несколько веков; но не потому, что вы стали иные, а только потому, что их жадность увеличилась, они в последнее время все наглее и наглее нападали на вас, все далее и далее залезали к вам и захватывали обитаемые вами земли: Порт-Артур, Киочау, Вейхайвей и др. Эта их наглость вызвала в некоторых из вас желание защититься от них такими же поступками, как и те, которые они употребляли против вас. Им только этого и было нужно, и началось то ужасное, зверское побоище: убийства, разорения, осквернения, казни, которые совершаются теперь среди вас.

Все это ужасно, но ужаснее всего то, что по тому, что совершается теперь среди вас, предстоит опасность того, что они поработят и развратят вас так же, как они поработили и развратили людей нашего мира в Европе и Америке, заслонив от них то учение истины, которое дает людям благо, и сделав из них безвольных, бессильных и довольных своим рабством рабов, служащих орудием доставления животных наслаждений грубой шайке разбойников.

Опасность, предстоящая вам, состоит в том, что, заразившись, с одной стороны, обаянием вооруженной силы, основанной на убийстве, проповедуемой и проявляемой шайкой разбойников, а с другой -- прелестью игрушечных удобств и блеска того, что они называют культурой, вы отстанете от мудрых учений своих руководителей, великого Конфуция, учащего истинной добродетели и средствам достижения ее внутренними усилиями, и незаметно для самих себя лишитесь своих добродетелей -- трудолюбия, миролюбия, уважения, и подпадете под ту же ужасную власть, влезающую в сокровеннейшие изгибы души человека, под которой гибнет и чахнет теперешнее европейское человечество.

У вас есть истинная свобода (если случайно вы подпадете нападкам мандарина и его чиновников, то это будет исключение), состоящая в том, что человек может исповедовать, думать, писать, читать, говорить все, что он хочет, может не участвовать в делах правительства, зная и исповедуя, что богдыхан сын неба и имеет власть потому, что он мудр и добродетелен, что если бы он не был такой, обязанность всех подданных была бы в том, чтобы сменить его.

Ничего подобного нет для европейца.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!